

БОЛЬШАЯ ИГРА

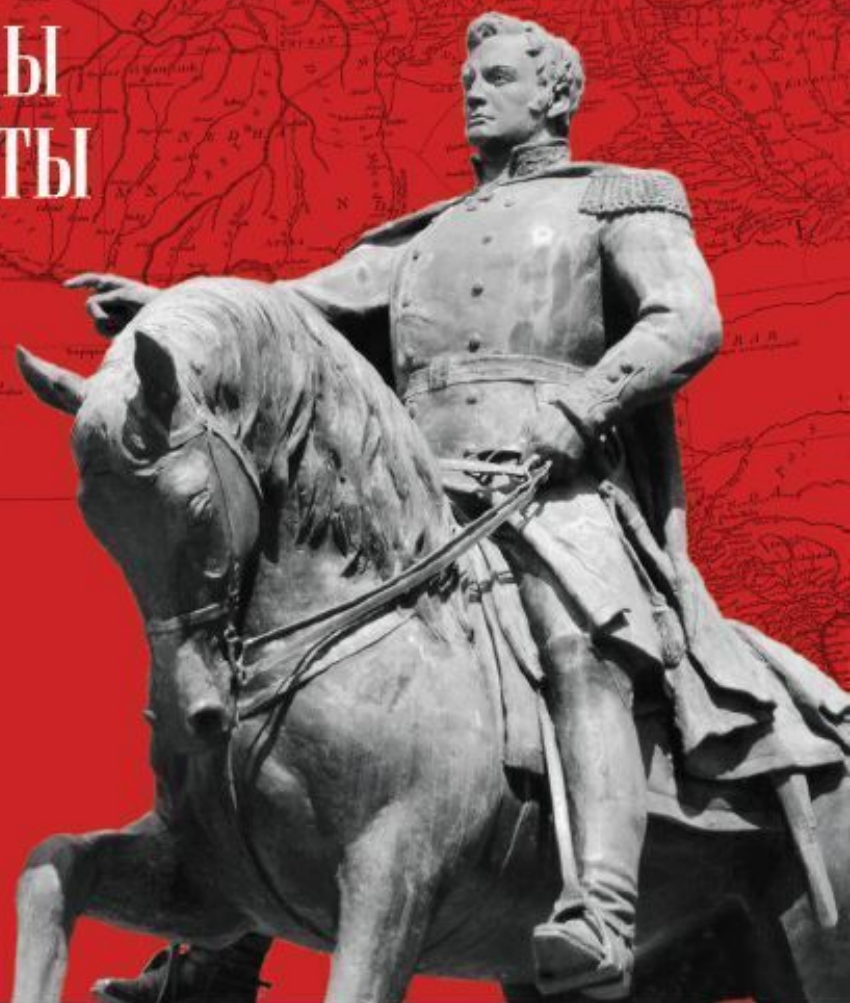

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ • РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЛАДИМИР ШИГИН

ПЕРСИДСКИЙ ГАМБИТ

ПОЛКОВОДЦЫ
И ДИПЛОМАТЫ

Большая Игра

Владимир Шигин

**Персидский гамбит.
Полководцы и дипломаты**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Шигин В. В.

Персидский гамбит. Полководцы и дипломаты / В. В. Шигин —
«ВЕЧЕ», 2023 — (Большая Игра)

ISBN 978-5-4484-8933-4

Большая Игра – именно так называли политики минувших эпох стратегическое противостояние России и Англии в Закавказье, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в XVIII–XIX веках. В книге описана сложная борьба российских и английских дипломатов и разведок, подвиги и судьбы наиболее значимых участников Большой Игры, влияние самого этого противостояния на русско-турецкие и русско-персидские войны той эпохи. Кроме того, читатель узнает о том, как происходило окончательное завоевание Россией Закавказья и как Англия, покорив многочисленные племена внутренней Индии, вышла на южные подступы к Афганистану. Автор рассказывает о жертвенном подвиге активного участника беспрецедентной политической схватки – поэта и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова, ценой своей жизни переломившего геополитическую ситуацию в Закавказье в пользу России, и о многом другом, что остается актуальным и сегодня, двести лет спустя.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4484-8933-4

© Шигин В. В., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	29
Глава четвертая	39
Глава пятая	48
Глава шестая	60
Глава седьмая	71
Глава восьмая	82
Глава девятая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Владимир Шигин

Персидский гамбит. Генералы и дипломаты

*Памяти моего учителя Валерия Николаевича Ганичева,
открывшего мне путь в русскую литературу, посвящаю.*
Автор

Когда все умрут, тогда только кончится Большая Игра...
Редьярд Киплинг

 БОЛЬШАЯ ИГРА

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ • РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Проект «Большая Игра» издается при участии Института стран СНГ в городе Севастополе (исполнительный директор Сергей Павлович Горбачев)

© Шигин В.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие

Большая Игра – именно так называли политики минувших эпох стратегическое противостояние России и Англии в Закавказье, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в XVIII–XIX веках.

Впервые термин «Большая Игра» (по-английски – Great (Grand) Game) использовал английский офицер-разведчик Ост-Индской компании Артур Конолли на полях письма, отправленного британским политическим представителем в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 году. В широкий оборот термин был введен более полувека спустя английским писателем Редьярдом Киплингом в его романе «Ким». В России Большую Игру иногда именовали «Войной Теней» или «Войной Призраков».

Почему-то сегодня принято считать, что Большая Игра – это только и именно противостояние России и Англии на пороге Индии за влияние, причем именно в данном географическом регионе. Да, в центре Большой Игры всегда находилась именно Индия с ее фантастическими богатствами. Однако в реальности Большая Игра (как долговременное стратегическое противостояние) никогда не ограничивалась интересами лишь одной Индии, а включала в свою орбиту Афганистан, Иран, Закавказье, Ближний Восток и практически всю Центральную Азию до Памира включительно. На разных этапах Большой Игры менялись не только регионы, за которые происходила эта геополитическая схватка, но и игроки.

Однако с конца XVIII века определились постоянные геополитические соперники России и Англия, военно-политические и экономические интересы которых пересекались от Константинополя до Афганистана.

Прошу прощения за невольную тавтологию, но по большому счету Большая Игра – это история нескончаемого колониального передела мира. Поэтому знаменитая фраза английского поэта и писателя Р. Киплинга о том, что Большая Игра прекратится, только тогда, когда все умрут, в данном аспекте имеет куда более глубокий смысл, чем тот, которым традиционно пытаются ее объяснить. Смысл афоризма Киплинга как раз и состоит в том, что Большая Игра бесконечна и не кончится никогда, пока существуют бедные и богатые страны и пока, самое главное, идет борьба за сферы влияния.

Кончилась ли Большая Игра в 90-х годах XIX века, как утверждает ряд историков? Нисколько! Да, она несколько видоизменилась, как сегодня говорят, переформатировалась, но продолжилась, причем с еще большим ожесточением, причем в значительно большем масштабе. Большая Игра сегодня в самом разгаре, и все мы с вами являемся ее свидетелями и невольными участниками. Да, ныне изменился расклад сил, но не изменились геополитические интересы. Наряду с противостоящими в XIX веке Россией и Англией сегодня в Большой Игре активно участвуют США и Китай, Иран и Индия.

Далеко не секрет, что сегодня в Центральной Азии идет напряженная борьба за влияние между расположенными вне этого региона великими державами, соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум. Политические аналитики и журналисты уже называют это Новой Большой Игрой. Ведь ни для кого не секрет, что Центральная Азия располагает фантастическими запасами нефти и природного газа, золотом, серебром, медью, цинком, свинцом, железной рудой, углем и хлопком.

Сегодняшние события в Закавказье и в Афганистане, вокруг Ирана и государств Средней Азии – это очередные этапы все той же никогда не прекращающейся Большой Игры.

Однако Новая Большая Игра – это гораздо больше, чем просто безжалостная гонка за контрактами и концессиями. Для сегодняшних игроков она может иметь важные и далеко идущие последствия. Так, США рассматривают новую Центральную Азию как продолжение Сред-

него Востока, стратегически важный для себя район, контролируя который можно координировать политическую ситуацию во всей Центральной Евразии.

Вторым активным участником Новой Большой Игры является современная Россия, исторический соперник англосаксов в данном регионе. Москва решительно настроена на то, чтобы надежно прикрыть нашу страну от каких бы то ни было угроз с азиатского направления: от влияния исламских экстремистов до наркотрафиков.

Помимо Соединенных Штатов и России, не говоря уже о Европейском сообществе, главными претендентами на определение будущего Центральной Азии являются ее ближайшие соседи: Китай, Индия, Турция, Иран и Пакистан. У каждого из новых игроков в Средней Азии свои конкретные стратегические цели. Иногда они совпадают, иногда нет. При этом очевидно одно – Большая Игра, которую вели в степях, горах и песках Средней Азии в XVIII–XIX веках Россия и Англия, все еще не окончена. Более того, сегодня к этой Игре подключились новые игроки, отчего сама Игра стала куда более сложной, а следовательно, непредсказуемой и более опасной.

Именно поэтому автор и решил обратить свой взор в далекое прошлое, чтобы, вооружившись знаниями о старой Большой Игре, понять то, что происходит в Большой Игре XXI века.

Разумеется, что описать всю Большую Игру просто невозможно, ведь для этого практически придется описывать все военно-политические хитросплетения противостояния ведущих государств мира за последние пятьсот лет.

Впрочем, нас в данном случае интересует лишь участие в данном глобальном противостоянии России и Англии как наиболее ярких игроков Большой Игры, причем лишь на начальном (начало XVIII – середина XIX века) и на классическом (60–80-е годы XIX века) ее этапах. Почему автор решил остановиться именно на этом периоде?

На мой взгляд, для нас должно быть особенно интересно участие в Большой Игре именно России, так как это часть нашей истории. Во-вторых, именно данное противостояние в XVIII–XIX веках общепризнанно является классическим, т. е. вобравшим в себя все методы и формы Большой Игры. Поэтому, поняв основные механизмы событий того времени, мы без особого труда разберемся и в реалиях сегодняшних дней.

Автор несколько не претендует на полное и исчерпывающее описание даже обозначенного отрезка Большой Игры. Она слишком сложна и многомерна. Мы лишь попробуем узнать, как началось имперское движение России на юго-восток, как оно происходило, кто и как этому противодействовал и как это противодействие влияло на всю российскую историю. Что касается остального, то пусть это исследуют и описывают другие историки и писатели.

Первая книга проекта «Большая Игра» «Завещание Петра Великого» была посвящена первым шагам России в направлении Востока – экспедиции в Хиву отряда князя Бековича-Черкасского, походе на Верхний Енисей подполковника Бухгольца, малоизвестной попытке Петра I заключить союз с пиратами Мадагаскара и, наконец, Персидскому походу Петра I, в результате которого Россия впервые вышла в Закавказье и подчинила России каспийские провинции Персии.

Вторая книга проекта «Большая Игра» «Кавказский дебют» была посвящена эпохе императрицы Екатерины II и Павла I. В ней рассказывалось, как Россия начала широкомасштабное наступление в Закавказье, спасла от персидского геноцида Грузию. Присоединила к России Бакинское и другие азербайджанские ханства, как именно происходило вхождение в состав России Грузинского царства.

Сейчас вы держите в руках третью книгу проекта «Персидский гамбит. Генералы и дипломаты», посвященную событиям первой четверти XIX века, времени, которое принято считать началом классического противостояния России и Англии. В книге описаны борьба российских и английских дипломатов и разведок, подвиги и судьбы наиболее значимых участников Большой Игры, влияние самой Большой Игры на русско-турецкие и русско-персидские

войны той эпохи, рассказывается о том, как происходило окончательное завоевание Россией Закавказья и как Англия, покорив многочисленные племена внутренней Индии, вышла на южные подступы к Афганистану. Отдельно стоит остановиться на подвиге активного участника Большой Игры поэта и дипломата Александра Грибоедова, ценой своей жизни переломившего геополитическую ситуацию в Закавказье в пользу России, и о многом другом, что остается актуальным и сегодня, двести лет спустя. Все ли мы знаем о Грибоедове как о разведчике?

Итак, сейчас вам предстоит окунуться в хитросплетения Большой Игры первой четверти XIX века, главные события которой развернулись в кабинетах Петербурга, Лондона и Калькутты, в горах и ущельях Закавказья и джунглях Индии, в гаремах Тегерана и на полях многочисленных сражений...

Автор

Часть первая От Цицианова до Гудовича

Глава первая

Активность политики России в Закавказье в конце XVIII века была связана исключительно с настойчивыми просьбами Грузии о защите от турецко-персидской агрессии. В 1783 году между Россией и Грузией был заключен Георгиевский трактат, согласно которому Россия обязывалась защищать Грузию. Это привело к столкновению России сначала с Турцией, а затем и с Персией (до 1935 года так официально именовался Иран), для которых Закавказье издавна являлось сферой их влияния. Первое столкновение России с Персией из-за Грузии произошло в 1796 году, когда российские войска отразили вторжение в грузинские земли персидских войск. А уже в 1801 году Грузия по воле ее царя Георгия XII вошла в состав России. Появление российской территории в Закавказье вынудило Петербург надолго втянуться в сложные дела этого беспокойного региона. Говоря проще, именно Грузия и втянула Россию в закавказские дела, в которых та и завязла...

После вхождения Грузии в состав России была отстранена от власти династия Багратионов, а в Тифлисе создано правительство, составленное из российских военных и гражданских лиц. В 1802 году главнокомандующим и наместником Грузии был назначен князь Цицианов, умный и мужественный генерал, к тому же знакомый с местностью, нравами и обычаями этого края. Цицианову было велено «привести в ясность и систему запутанные дела края, и кротким, справедливым, но, притом твердым поведением, стараться приобрести доверенность к правительству не только Грузии, но и разных соседственных с нею владений». Император Александр I наставил его на новое поприще такими словами:

«Уверен, что убежденные важностью возлагаемого на вас служения и руководствуясь как познанием правил моих на сей край, так и собственным вашим благоразумием, исполните вы долг ваш с тем беспристрастием и правотой, какие я в вас всегда предполагал и находил!»

Между тем все новые и новые народы Закавказья спешили уйти под руку России, чтобы обезопасить себя от персидского и турецкого неистовства. В 1803 году к России присоединилась Мингрелия, склонялись к этому Имеретия и Гурия. Впрочем, если одни владетельные князьки спешили под российскую длань, то другие на усиление русского влияния смотрели неприязненно и при каждом удобном случае вступали в тайные и явные сношения с врагами. Так непрерывно хитрили эриванский и бакинский ханы, которые вели одновременно переговоры и с нами, и с персами. Ближайшее к Грузии Гянджинское ханство, ранее уже покоренное графом Зубовым, после ухода русских войск и вовсе открыто переметнулось к Персии. Убежденный в неприступности Гянджи и надеясь на помощь персиян, ее владетель Джавад-хан считал себя в безопасности, тем более что как раз в это время вышли из повиновения России племена аджарцев и елисуйцев.

Против мятежных аджарцев выступил генерал Гуляков, имея под рукой всего три неполных батальона и несколько пушек. После трудного похода он подошел к укреплению, оборонявшемуся десятью тысячами горцев. Не теряя времени на перестрелку, Гуляков ударил в штыки. Не выдержав удара, аджарцы бежали, и их столица Белоканы была занята без боя. Затем было занято и селение Джары, после чего весь Аджаро-Белоканский округ, самухские владения и Елисуйское султанство перешли в подданство России. Но Гянджа по-прежнему оставалась враждебной...

Что касается англичан, то они по-прежнему отчаянно интриговали против нас, вступая в тайные союзы с персами и турками, всячески взрывали обстановку в Закавказье, присылая туда оружие и деньги, военных инструкторов и лазутчиков.

Большая Игра в начале XIX века не только не утихла, а, наоборот, стала еще ожесточенней и изощренней... Такой была обстановка в Закавказье перед новым этапом геополитического противостояния России и Англии, перед новой чередой войн России с Персией и Турцией в этом регионе.

* * *

А теперь познакомимся с только что прибывшим в Тифлис новым кавказским наместником генералом Цициановым.

Павел Цицианов родился в Москве в семье князя Дмитрия Цицианова и Елизаветы Багратион-Давиташвили. Предки Цицианова жили в России со времен эмиграции в 1724 году грузинского царя Вахтанга VI. Начал службу прапорщиком в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1778 году в чине подполковника по собственному желанию переведен в Тобольский пехотный полк. В 1786 году в чине полковника Цицианов был назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка, во главе которого участвовал в сражениях турецкой войны на Дунае. Отличился при осаде крепости Хотин, в ряде боев под Измаилом, осаде Бендер. Уже после войны Цицианов был произведен в генерал-майоры. Во время Польского мятежа 1794 года он защитил от повстанцев Гродно, а затем штурмовал Вильно. В бою у местечка Любань Цицианов разбил сильный польский отряд, за что получил орден Святого Георгия 3-го класса и лично от императрицы Екатерины II – золотую шпагу «За храбрость» с алмазами. Цицианова оценил и Суворов, призвавший в одном из своих приказов войскам «сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов». Согласитесь, что такая оценка великого полководца стоит многого!

Во время Польской кампании Цицианов проявил себя не только как боевой генерал, но и как талантливый администратор, что также было замечено в Петербурге. В 1796 году, по воле императрицы, Цицианов принял участие в Персидском походе, под началом графа Зубова. Исполнял он и обязанности коменданта Баку, где у него сложились самые дружеские отношения с местным ханом Хусейн-Кули. Увы, по окончании похода, в октябре 1797 года Цицианов вместе с другими генералами – участниками похода был отправлен в отставку императором Павлом.

После воцарения Александра I Цицианов снова поступает на службу, и вскоре ему вручают эполеты генерал-лейтенанта. В сентябре 1802 года он получает назначение на должность инспектора Кавказской укрепленной линии, а также должность астраханского генерал-губернатора и одновременно главнокомандующего и наместника Грузии. Фактически Цицианов являлся на тот момент полновластным наместником всего Предкавказья, Кавказа и Закавказья. Должность высокая, но и ответственность соответствующая!

Приехав в Тифлис, Цицианов начал действовать энергично и твердо. Прежде всего, он остановил эпидемию чумы, затем отправил в «петербургскую ссылку» членов грузинской царской семьи, непрерывно интриговавших как друг против друга, так и против России. Одновременно новый наместник обустроил стратегически важный Дарьяльский проход (будущую Военно-Грузинскую дорогу). Остро нуждаясь в войсках, Цицианов организовал грузинское ополчение в четыре тысячи добровольцев, присоединившихся к русской армии. Начал он решительную борьбу и с разбойниками-горцами, для чего в 1803 году совершил несколько успешных карательных рейдов против чеченцев.

Когда местные аристократы пытались сыграть на его грузинских корнях, Цицианов свирепел:

– Неверные мерзавцы! Вы, наверно, считаете, что я грузин... Я родился в России, там вырос и душу имею русскую!

После нескольких подобных попыток местные князья с грузинским патриотизмом к наместнику уже не лезли...

Затем Цицианов еще раз всех удивил. Вместо традиционных подачек мелким властителям, как делали его предшественники, он неожиданно объявил, что отныне не только не будет им платить, но, наоборот, те сами отныне будут платить дань России. Ну, а кто откажется платить, с теми разговор будет короткий... Когда кто-то из тифлисских чиновников упрекнул Цицианова, что, может быть, все же стоило собрать ханов и как-то с ними договориться, тот лишь усмехнулся:

– Слыхано ли, чтобы муха с орлом переговоры делала?!

Главным противником Цицианова в Закавказье являлся наследный персидский принц Аббас-Мирза, один из самых талантливых персидских полководцев и военных реформаторов XIX века. По рождению Аббас-Мирза являлся вторым сыном шаха Фетх-Али-шаха Каджара, прозванного в России за соответствующую внешность Баба-ханом.

Когда, после убийства своего дяди – воинственного кастрата Ага Мухаммеда, Фетх-Али занял престол, то сразу же объявил наследником престола маленького Аббаса-Мирзу, поставив его наместником Азербайджанской области с резиденцией в Тебризе (Тавриз). Дело в том, что род Каджаров был тюркского происхождения, поэтому среди азербайджанцев Каджары всегда чувствовали себя гораздо уверенней, чем среди других народов многоязычной Персии. Надо сказать, что маленький Аббас-Мирза оправдал ожидания отца. Свою первую победу над курдами из племени Думбули он одержал в девять лет. Когда же несколько лет спустя наместник Хойской провинции (в Западном Азербайджане, севернее озера Урмия) Джафаркулу-хан поднял мятеж против центральной власти, Аббас-Мирза возглавил карательную армию и наголову разбил повстанцев. Эта победа принесла Аббасу неслыханную славу.

Надо сказать, что юный принц разительно отличался от своих родственников. Шестнадцатилетний Аббас-Мирза был умен и образован, интересовался наукой и покровительствовал литературе, обладал несомненным административным и военным талантом. В Тебризе Аббас-Мирза учредил европейскую типографию, начав отправлять, по примеру Петра Великого, учиться детей своих вельмож в Европу и приглашать к себе европейских специалистов. Он укреплял стены городов, строил красивые здания и открывал базары. Но истинной его страстью была армия, которую он, не жалея времени и денег, реформировал на европейский манер. Перво-наперво Аббас-Мирза выкинул архаичные луки и копья, вооружив своих воинов ружьями и мушкетами. Для этого в Баку были построены ружейный и пороховой заводы. Самых воинов он набрал из племени воинственных кызылбашей. Впрочем, пока ввиду малолетства принца номинальным командующим персидской армией в Азербайджане оставался двоюродный брат шаха Сулейман-хан.

У себя во дворце Аббас-Мирза неожиданно для всех повесил портрет императора Петра Великого.

– Этот человек преобразовал Россию. Делая так же, как и он, я преобразую Азербайджан, а затем и всю Персию! – говорил принц, показывая на портрет придворным.

* * *

Вечерами, оставшись один, Цицианов раскатывал на столе карты персидские, афганские и индийские и, вооружившись циркулем, высчитывал маршруты похода, о котором мечтал всю свою жизнь, – похода в Индию.

При этом изучал Цицианов не только географические и военные реалии Индии, но и ее религии и обычаи. Этой далекой страной он был увлечен давно и даже перевел на русский язык

старинный индийский трактат, назвав его длинно и витиевато, как тогда было принято: «Экономия жизни человеческой, или Сокращение индейского нравоучения, сочиненное некоторым древним брамином и обнародованное чрез одного славного бонза пекинского на китайском языке, с которого, во-первых, на английский, а потом на французский, ныне же на российский язык переведено...»

Заинтересованность в развитии торговли с Индией проявлял не только Цицианов, но и чиновники и особенно купцы в пограничных и торговых городах, лежащих на восточных путях, прежде всего в Астрахани, Оренбурге, Семипалатинске. Петербург интересовали индийские красители и индийские ткани, кашемировые шали и благовония, пряности, сахар и лаки. В особенности нужен был хлопок-сырец, необходимый для российских мануфактур. Хлопок ввозился тогда в Россию не из Индии, а из Англии. Это был, естественно, тот же индийский хлопок, только стоивший намного дороже. Английское посредничество и высокие пошлины были крайне невыгодны для экономики России. Надо ли говорить, что русские мануфактурщики и купцы мечтали о прямых поставках столь важного сырья.

Еще в марте 1802 года на имя Александра I была подана записка «Общее обозрение торговли с Азией», составленная покорителем Дербента генералом Валерианом Зубовым. В ней имелся специальный раздел, касающийся Индии: «Что торговля с Индией, отколе Европа извлекает знатнейшую часть богатств своих, весьма удобовозможна для России, в том нет ни малейшего сомнения. Лучшие индийские товары, даже драгоценные металлы и камни, проводимые на оренбургскую линию, в Мангышлак и Астрабад, подтверждают то очевидно. Итак, мне кажется, – писал Зубов, – дабы усилить торговлю сию чрезвычайным пользам России, стоит только правительству обратить на оную деятельное внимание...» Император записку прочитал, но какого-либо конкретного решения по ней так и не принял.

Если купцы и наиболее думающие генералы видели в индийском проекте политическую и экономическую выгоду, то Цицианов, в отличие от них, был искренне влюблен в это далекое и сказочное царство. Увлечение Цицианова индийской духовной культурой – случай поистине уникальный для российского генералитета начала XIX века. Других таких примеров просто нет.

Когда однажды генерал Гуляков, случайно заметив неубранную карту Индии, подивился увиденному, наместник сказал ему так:

- Раздумываю над продвижением России в сторону индийских границ.
- А не рано ли, Павел Дмитриевич! Прежде следует еще изгнать из Закавказья персов. Как ни крути, а трон Каджаров являлся сейчас для нас главной проблемой!
- Обо всем надо думать заранее, Василий Семенович, – несколько смутившись, ответил Цицианов, экзотическую карту в рулон скатывая. – Когда придет время идти к пределам индийским, надо будет действовать быстро.
- А придет ли время-то такое? – вздохнув, спросил Гуляков.
- Обязательно придет! – решительно махнул рукой Цицианов. – Вот только с местными ханами управимся и немедля повернем штыки встреч солнцу!
- Есть ли вести от Джавад-хана Гянджинского? – перешел Гуляков к делам, более для него важным.

Дело в том, что две недели назад Цицианов отправил владельцу непокорной Гянджи письмо, предлагая решить дело миром, и вот теперь все ждали ответа.

– Вести от Джавада есть, но плохие, – вздохнул наместник. – Хан Гянджинский дерзит и клянется, что будет сражаться с нами, пока не выпадет последний волос из его бороды.

– Ишь как раздухарился-то! – усмехнулся Гуляков. – Придется посылать циркульника с пушками и казаками!

После ухода Гулякова Цицианов бережно спрятал индийскую карту в книжном шкафу. Может, действительно он слишком торопится и мечтает о далекой Индии, когда столько еще не решенных дел на Кавказе?

Уснуть быстро в тот вечер Цицианову не удалось. Перечитывая дерзкий ответ хана Гянджи, он все прикидывал, что ему делать дальше...

Но помимо Гянджи у Цицианова хватало проблем и в Тифлисе. Дело в том, что после официального присоединения Грузии к России началась высылка во внутренние российские губернии представителей многочисленной царской семьи, погрязших в бесконечных заговорах.

Высылку царской родни Цицианов поручил генерал-майору Ивану Лазареву как человеку пунктуальному и основательному. Вначале под благовидными предложениями Лазарев ловко удалил из Грузии всех сыновей покойного царя – мало-помалу те выехали в Россию. Дальше всех противилась требованию оставить Грузию вдова царя, царица Мариам Георгиевна, женщина властного характера, не скрывавшая обиды на то, что ее сын не получит царства.

18 апреля 1803 года Лазарев получил известие, что царица решила бежать из Тифлиса. Приехав к ней, Лазарев через переводчика имел с Мариам продолжительное объяснение. В конце концов та согласилась ехать в Россию.

На рассвете следующего дня, когда генерал Лазарев снова прибыл, царица заявила, что ехать в Россию передумала. Тогда генерал приказал офицерам брать царицу «прямо с тюфяками», после чего грузинки из ее окружения вытащили кинжалы. Лазарев был во дворе, когда услышал крики офицеров:

– Егерей, егерей!

Не понимая, что происходит, он вбежал в покои царицы. Мариам, притворившись больной, позвала Лазарева к себе, чтобы тот помог ей сойти с ложа, но, когда генерал подошел и протянул руку, неожиданно ударила его кинжалом в грудь. Смертельно раненный Лазарев смог сделать лишь несколько шагов и упал мертвым у порога. Услышав шум в спальне царицы, вбежал адъютант Лазарева Котляревский, который не без труда обезоружил Мариам и вызвал врача, но было уже поздно... Узнав об убийстве Лазарева, население Тифлиса пришло в ужас, ожидая страшного мщения со стороны русских. Но Цицианов как мог жителей успокоил.

22 апреля состоялись торжественные похороны Лазарева в тифлисском Сионском соборе. Семьи у генерала не было. Самым близким человеком к нему был его воспитанник – штабс-капитан Петр Котляревский. Зная о близких отношениях покойного со своим адъютантом, Цицианов после похорон вызвал того к себе:

– Где желаешь служить дальше?

– Прошу оставить меня в родном 17-м егерском, ибо я там вырос!

– Что ж, иди принимай роту! – распорядился наместник.

Так определилась судьба одного из самых удивительных полководцев в истории России...

Что касается царицы-убийцы, то еще до похорон, так и не раскаявшуюся Мариам отправили во Владикавказ в сопровождении отряда генерал-майора Алексея Тучкова. Когда об убийстве Лазарева доложили императору Александру, тот распорядился поместить Мариам навечно в Белгородский женский монастырь замаливать там свой страшный грех.

* * *

Между тем воинственный властитель Гянджи Джавад-хан начал устраивать частые набеги на грузинские селения. Было понятно и то, что при первом же появлении турок или персов. Джавад-хан их непременно поддержит и ударит нам в тыл. Так что гянджинскую проблему надо было решать и чем скорее, тем лучше.

Гянджинское ханство выгодно располагалось на правом берегу реки Куры до устья реки Алазань. На востоке и юго-востоке оно граничило с Карабахским ханством, а на юге – с Эриванским. На западе река Дзегам отделяла владения ханства от Шамшадильского султаната, а на севере река Кура – от Грузии. Само ханство считалось самым влиятельным из всех азербайджанских ханств. Столица же ханства Гянджа являлась поистине неприступной крепостью.

Еще в феврале 1803 года Цицианов получил известие о том, что Джавад-хан усиленно готовится к войне «с неверными», в связи с чем собирает войска и припасы, и даже заключил тайный союз с таким же разбойником Ибрагим-ханом Шушинским. При этом оба хана очень надеялись на военную поддержку персидского шаха.

Главкомандующий Грузией был слишком опытен, чтобы не понимать нависшей над Грузией опасности. Впрочем, вначале Цицианов попытался решить дело миром и отправил Джавад-хану требование покориться. Тот, как мы уже знаем, ответил дерзким отказом. Теперь следовало решать, как наказать дерзкого. Причем наказывать надо было чем скорее, тем лучше.

Перво-наперво Цицианов заслушал хорошо знавших местную ситуацию действительного статского советника Коваленского (надзиравшего за сквалыжными грузинскими царевичами) и главу гражданской администрации генерал-майора Тучкова.

– Гянджу нам следует захватить уже в этом году! – объявил наместник им свое мнение.

– Но захват Гянджи явится раздражителем для Персии! – воскликнул Коваленский. – И неизвестно еще, какотреагирует на это Баба-хан! Ведь Джавад-хан его вассал!

– Почему неизвестно, – грустно усмехнулся Цицианов. – Очень даже известно – Баба-хан объявит нам войну.

– А готовы ли мы к войне? – всплеснул руками действительный статский советник.

– Насколько я помню, мы никогда не были готовы ни к одной из войн! – пожал плечами наместник. – Но это ничего не меняет!

– Но зачем же сознательно совать голову в петлю? – снова подал голос Коваленский.

– Ваша позиция, Петр Иванович, мне ясна, а что думаете вы, Сергей Алексеевич? – Цицианов повернул голову к Тучкову.

– Что касается меня, то я однозначно за военный поход! – ответил без обиняков старый вояка Тучков. – Аргументы мои в данном случае таковы. Во-первых, гянджинцы переманивают жителей Грузии, чем нас ослабляют. Во-вторых, дружат с врагами России, оказывают помощь мятежному царевичу Александру, выставляют претензии на Шурагельскую провинцию, ну и, наконец, попустительствуют грабящим Грузию разбойникам.

– Все эти вопросы можно решить за столом переговоров, а не в марсовых ристалищах! – воскликнул Коваленский, от избытка хлопая ладонями по обтянутым панталонами ляжкам. – Надо лишь кое в чем уступить!

– Никогда! – резко прервал его Цицианов. – Запомните, никогда больше мы не будем на Кавказе никому ни в чем уступать! Мы находимся на Востоке, и здесь любая уступка воспринимается как проявление слабости. Уступишь раз, уступишь два, а затем тебя и за человека считать перестанут.

Недовольный Коваленский демонстративно поджал губы.

– Вы, Петр Иванович, играете в шахматы? – неожиданно спросил его Цицианов.

– Немного... – недоуменно ответил действительный статский советник, не понимая, куда клонит настырный наместник.

– Так вот, в шахматах есть такое положение – цугцванг, в котором любой ход ведет к ухудшению позиции. Мы сейчас находимся именно в таком цугцванге. Мы не можем не атаковать Гянджу, так как она является постоянным источником опасности для Грузии, но мы не можем и атаковать Гянджу, так как это может обернуться большой войной.

– Значит, надо из двух зол выбрать меньшее! – скривился Коваленский.

– Все правильно! Именно поэтому мы и атакуем! – подал голос генерал-майор Тучков.

На следующий день Цицианов собрал у себя уже старших офицеров – командиров полков и батальонов.

– Мы не будем ждать коварного удара в спину, а ударим первыми, – объявил им главнокомандующий. – Вам ли не знать, что Гянджинская крепость повелевает всем Азербайджаном и является ключом всех северных провинций Персии, а потому ее завоевание есть дело первой важности.

– Но Гянджа хорошо укреплена, хватит ли у нас сил, чтобы взять ее? – засомневались некоторые из них.

– Сил-то у нас хватит, – усмехнулся Цицианов. – Зато когда мы возьмем Гянджу, сможем диктовать свои условия всем закавказским ханствам. Что же касательно шаха персидского, то не исключаю и начало войны с ним. Но нам ли бояться?

– Воевать так воевать! – поддержали на этот раз Цицианова собравшиеся. – Наше дело служивое!

Поход на коварную Гянджу был решен окончательно и бесповоротно.

* * *

Прежде чем выступить в поход, Цицианов заручился поддержкой бакинского и эриванского ханов, которые еще не забыли блеск русских штыков, а потому клятвенно обещали тихо сидеть в своих городах. Затем главнокомандующий выдвинул вперед небольшой авангард, во главе с опытным полковником Карягиным, наблюдать за Гянджой, а заодно заставить понервничать Джавад-хана. Одновременно приказал он подтянуть с Кавказской линии Нарвский драгунский и 9-й егерский полки. В мае 1803 года те уже вступили в Грузию. Помимо этого, наместник велел отрядить в его распоряжение по сотне азербайджанцев от областей Демурт-часал, Борчалы и Казаха.

Но все равно для столь серьезного похода войск у Цицианова явно не хватало. Несколько батальонов надо было оставить в самой Грузии, где недруги только и ждали момента, чтобы поднять мятеж. Отвлекали и разбойники-лезгины со стороны Карталинии.

Разумеется, лазутчики у Джавад-хана тоже имелись и приготовления русских к походу тайной для него не остались. Не теряя времени, Гянджа также начала готовиться к сопротивлению.

Первым делом Джавад-хан отправил посланника к Фетх-Али-шаху с просьбой помочь ему против русских войск. Тот ответил, что сейчас занят усмирением мятежников в Хорасане, но по возвращении оттуда непременно помощь окажет.

Тем временем князь Цицианов ожидал прибытия в Грузию еще двух полков – Севастопольского мушкетерского (из Крыма) и 15-го егерского. 11 ноября прибыл Севастопольский полк, расположившийся в урочище Гартискаро, что в десяти верстах от Тифлиса. Чуть позднее подошли и егеря. Осмотрев вконец изнуренных егерей, Цицианов пришел в негодование.

– Почему полк в таком состоянии? – спросил он разгневанно шефа севастопольцев генерал-майора Талызина.

– Укомплектованы сплошь престарелыми солдатами и рекрутами, которые никогда свиста пуль еще не слышали, – ответил тот грустно. – Маршировать по этой причине полк также не может и не умеет, а в походе на пятнадцатой версте все падают!

– Что же мне с вашим воинством делать? – скривился Цицианов.

– А что хотите, – честно ответил Талызин. – Лучше не будем!

Несмотря на острую нехватку сил, 15-й егерский полк Цицианов так и не решился брать с собой, а из Севастопольского взял только два батальона.

Между тем командир выдвинутого вперед авангарда полковник Карягин доносил о ситуации в Гяндже: «Джавад-хан хочет непременно с нами драться. Жители, армяне и татары, к

бою приступать не хотят и намерены просить о пощаде. В город собраны жители со своими семьями из всех деревень; все татары находятся в самом городе, а армяне вокруг крепости. Особенных войск в городе не имеется, таковые в числе 7 тысяч составлены из жителей. Кроме бывших трех орудий приготовлено еще пять новых, и все они расставлены по башням».

В конце концов, для похода на Гянджу Цицианов определил шесть пехотных батальонов Севастопольского, 13-го и 17-го егерских и Кавказского гренадерского полков, три эскадрона Нарвского драгунского полка, во главе с шефом полка генерал-майором Тучковым и несколько сотен азербайджанской милиции. 20 ноября экспедиционный отряд собрался в деревне Саганлук, что в 15 верстах от Тифлиса, а спустя два дня выступил на Гянджу. За отрядом тянулся обоз с припасами и порохом. Первый переход был недолог – всего девять верст до деревни Суганлук. После этого еще день на отдых и только затем двинулись по-настоящему. Впереди отряда Цицианов выслал милицейскую конницу, чтобы та выполняла роль завесы между нашими войсками и дозорами противника.

* * *

Еще в конце 1800 года в Калькутту прибыл английский капитан Малкольм, который должен был отправиться в Тегеран с весьма серьезной дипломатической миссией. В своей калькуттской резиденции Бельведер-хаусе его принял генерал-губернатор Индии Ричард Уэлсли. Разговор с Малкольмом был недолгим, но серьезным.

– Феодалные княжества Персии, Восточной Турции и Аравии следует считать не настоящими государствами, а странами, которые может использовать в своих целях любая нация, чьим интересам это содействует! – определил капитану свою политическую позицию Ричард Уэлсли.

– И много ли сегодня таких наций? – спросил Малкольм.

– Увы, только одна! Английская! – деланно развел руками генерал-губернатор. – Что поделать, такова наша историческая миссия, и мы должны нести это нелегкое бремя, хотелось бы нам этого или нет!

– Да уж, – приняв игру, вздохнул Малкольм. – Такова наша английская доля! Насколько я понимаю, только так мы сможем утвердить местное влияние и применить силу, которая не только изгонит оттуда других европейцев, но и даст нам возможность вести переговоры и военные операции в таких масштабах, какие мы пожелаем.

– Именно так! – изобразил улыбку Уэлсли. – Но я поручаю вам, Малкольм, не только это!

Помимо разжигания ненависти к русским с целью вызвать обострение в Закавказье на Малкольма возлагалась еще одна, не менее важная задача, добиться от Тегерана учреждения английской морской базы в Персидском заливе, которая должна была стать рынком английской торговли в этом регионе, местом будущих политических переговоров и складом военных припасов.

Относительно этого генерал-губернатор наставлял Малкольма следующим образом:

– Нам нужно укрепиться в Персидском заливе не временно, а навечно! Только так мы сможем внушать местным народам чувства надежды и страха и установить те отношения, которые выгодны нам.

– Сэр! Я вас прекрасно понял, – посерьезнел и Малкольм. – Если мы упрочимся в Персидском заливе, мы добьемся в дальнейшем всего, чего пожелаем. Оттуда можно угрожать и Персии, и Аравии, и Турции.

– Главное, что оттуда мы сможем всегда остановить Россию, если она дерзнет устремить свой алчный взгляд на нашу Индию! – назидательно поднял указательный палец генерал-губернатор Индии.

– Что ж, – склонил голову Малкольм, – тогда игра действительно стоит свеч!

– Из портов Персидского залива нам больше всего выгоден остров Харк, занимающий стратегическое положение на юго-западе Персидского залива. К тому же он близок к Бушеру, где у нас уже есть торговая станция.

Уже напоследок Уэлсли дал молодому дипломату еще один ценный совет:

– Чтобы предупредить всякое антианглийское сопротивление, я рекомендую вам всячески содействовать всем междоусобицам в Персии и сопровождающей их разрухе!

С Малкольмом отправилось более тысячи человек, львиную долю которых составляли военные разведчики, картографы и инструкторы. Вначале английский капитан завернул в Бушер – город на берегу Персидского залива. Четыре месяца своего пребывания в Бушере Малкольм посвятил изучению Персидского залива. Члены миссии обследовали острова и берега залива, налаживая связи с местными правителями и подстрекая их отделиться от центральной власти. Затем Малкольм отправился в Тегеран. Еще не доехав до персидской столицы, Малкольм стал столь щедро одаривать местных вождей золотом, в Лондоне еще долгие годы спустя будут возмущаться неслыханной расточительностью молодого дипломата:

– Подкуп подкупом, но британская казна тоже не бездонна, чтобы наполнять золотом карманы бесчисленным туземным князькам!

В январе 1801 года капитан Джон Малкольм был уже в Тегеране. Краеугольным камнем на переговорах в Тегеране явился вопрос о предоставлении Англии трех островов Персидского залива – Кешма, Харка и Хенгама.

– Мы готовы их купить хоть сегодня! Малкольм, назовите только цену!

Фетх-Али совещался с вельможами.

– Я убежден, что если англичане упрочатся в заливе, то нас ожидает участь несчастной Индии.

– У меня огромная армия, и я этого никогда не допущу! – топнул ногой шах.

– И все же лучше отказать сразу, чем кусать локти потом! – не слишком учтиво ответил ему первый министр.

– Хорошо! – кивнул шах и устало откинулся на подушки. – Пусть будет так!

Понимая, что персидские острова ускользают, Малкольм бился до последнего.

– Генерал-губернатор готов просто предоставить вам английских солдат, которые будут охранять острова от возможного нападения французов!

Капитан откровенно блефовал, так как кроме самих англичан Персидскому заливу никто не угрожал.

Когда министр иностранных дел доложил шаху об очередной хитрости англичан, Фетх-Али лишь горестно покачал головой, а затем, перебирая четки, вдруг высказал вполне здравую мысль:

– У меня могучая армия, но почему бы и мне не построить себе в заливе столь же могучий флот! Пусть англичане, как друзья, мне в том помогут!

Когда министр передал слова шаха Малкольму, тот испуганно замахал руками:

– У меня нет на это никаких полномочий!

Создавать себе морского конкурента вблизи от индийских берегов в расчеты и Калькутты, и Лондона не входило.

Таким образом, сделка по островам с треском провалилась. В остальном же Малкольму удалось весьма многое. В англо-персидском договоре, заключенном им в январе 1801 года, документально закреплялись перспективы английского влияния на Тегеран, причем не только торговые, но и политические. Самое главное, Малкольму удалось отколоть Персию от наметавшейся антианглийской группировки, включавшей Афганистан, Майсур и Оман, а кроме того, ликвидировать на какое-то время влияние Франции.

Через пару недель переговоров с шахом Фетх-Али посланец английского генерал-губернатора заключил чрезвычайно важный для Британской Ост-Индской компании договор о поли-

тическом и торговом союзе с Персией. Причем сделано это было как раз в тот момент, когда российский император Павел и французский консул Бонапарт замыслили поход своих армий через территорию Персии в Индию. Впрочем, до самого похода дело не дошло. Не сумел дойти до Оренбурга даже авангард масштабной экспедиции – сорок казачьих полков, когда в Петербурге заговорщиками на английские деньги был убит император Павел. После этого взойшедший на престол сын Павла Александр I своим указом отменил поход и вернул казаков на Дон...

Вскоре после отъезда из Тегерана британской миссии капитана Джона Малкольма у Персии как-то сразу резко обострились отношения с Россией в Закавказье, где сходились границы двух держав. В сентябре 1801 года царь Александр присоединил к России Грузию, чем спас грузинский народ от полного истребления персами. Утвердившись в Грузии, Россия озаботилась судьбой еще одного христианского народа Закавказья – армянами, которые все еще находились под тяжелым персидским гнетом.

Персия же, как и в былые времена, по-прежнему продолжала считать Грузию своей вотчиной, это же касалось и территорий, населенных армянами.

Надо отдать должное капитану Малкольму, он лихо ввел Персию в русло английской политики, принудив шаха подчиняться английскому диктату, а заодно протащил хитрый план колонизации берегов Персидского залива.

И Англия, и Россия имели большие интересы в Персии, прежде всего, торгового характера, поскольку та являлась большим рынком сбыта, пополнявшим бюджеты великих держав. При этом если Англии были необходимы новые колонии и рынки сбыта, а также безопасность северных границ Индии, то Россию на тот момент интересовало дальнейшее укрепление в Закавказье.

Отныне во имя британских интересов шах Персии обязался воевать с Афганистаном. При этом мир между афганским и персидским шахами мог быть заключен лишь в случае отказа афганского правителя от планов вторжения в Индию.

Со своей стороны англичане, как обычно, обещали Персии военную помощь в случае всех ее вооруженных конфликтов, чем собственно подтолкнули шаха к обострению отношений с Россией.

Кроме этого, отныне англичане могли беспощинно ввозить в Персию свое сукно и железные изделия.

Договором 1801 года, заключенным капитаном Малкольмом, англичане недвусмысленно толкали Персию к войне с Россией, так как шах рассчитывал на их поддержку.

Глава вторая

29 ноября 1803 года корпус Цицианова пересек границу Гянджинского ханства. По прибытии 29 ноября в селение Шамхор наместник написал Джавад-хану очередное письмо, в котором потребовал во избежание кровопролития немедленной сдачи крепости, обещая «неограниченное милосердие».

Отвезти письмо вызвался временно состоявший при наместнике императора Александра флигель-адъютант Бенкендорф.

– Какие у вашего князя могут быть ко мне претензии, когда я вассал персидского шаха?! – с гневом отверг врученное письмо Джавад-хан.

– Их сиятельство считает, что Гянджа по праву принадлежит России, поскольку ранее она составляла часть Грузинского царства, ныне входящего в состав нашей империи, – ответил ему Бенкендорф. – Напомню вам, что в 1797 году город уже был занят нашими войсками. К тому же тифлиские купцы, ограбленные перед этим вашими подданными, так и не получили до сих пор обещанной компенсации.

– За столь дерзкие слова я лишу тебя головы! – топнул ногой хан.

– Воля ваша, – усмехнулся бравый флигель-адъютант. – Но предупреждаю, князь Цицианов непременно за меня отомстит, и месть его будет страшной. Вас постигнет несчастный жребий, выпавший не столь давно гордым турецким крепостям – Измаилу, Очакову и Анапе!

На это Джавад-хан лишь злобно сверкнул глазами, но сдержался.

– Ответ их сиятельство желает услышать завтра в полдень! – заявил Бенкендорф, уезжая.

На следующий день в Шамхор прискакал уже посланец гянджинского хана. В ответном письме Джавад-хан отрицал справедливость того, что Гянджа принадлежала Грузии при царице Тамаре, так как ничего об этом не слыхал, зато твердо знал, что его предок Аббас-Кулихан владел Грузией. Джавад-хан писал: «Ты хвастаешься своими пушками, то и мои не хуже, если твои пушки длиною в один аршин, то мои в три и четыре аршина, а успех в сражении будет зависеть от Аллаха. Откуда известно, что ваши войска храбрее персидских? Вы только видели свои сражения, а войны с персиянами не видали... Если русские хотят воевать, то мы будем воевать...»

После такой переписки для Цицианова взятие крепости стало делом чести.

Дав отдых войскам, Цицианов выступил к самой крепости и на следующий день, не имея в руках плана Гянджи и ее окрестностей, вынужден был приступить к личному обозрению местности.

Крепость, окруженная садами, располагалась на равнине с одноименной рекой. В северо-восточной части крепости, за садами, в одной версте находилось предместье, а с востока, в ста сажнях от крепости, каменные строения обширного караван-сарая с мечетью и площадью-майданом. При этом сады и предместья были окружены 5-верстовой высокой каменной стеной. Справа от города, вне крепостной стены, располагался большой ханский сад. Сам город был окружен двойной оградой – земляным валом с палисадом длиной в 650 сажней и высотой в три сажени и каменной стеной с шестью башнями. В центре города, состоявшего из деревянных строений, находилась каменная цитадель с ханским дворцом внутри.

После проведенной рекогносцировки стало ясно, что легким штурм не будет. Вначале следовало штурмовать предместье и ханские сады и уже только потом заниматься самой крепостью.

Для штурма Цицианов сформировал две колонны. Первая – Кавказский гренадерский батальон подполковника Симоновича и егерский батальон подполковника Белавина с частью других войск, при двух пушках, под общим начальством Симоновича.

– Тебе атаковать в сторону Тифлиских ворот! – кратко поставил наместник задачу.

Вторая колонна состояла из двух батальонов 17-го егерского полка полковника Карягина и майора Лисаневича, эскадрона драгун, с пятью орудиями и вспомогательными войсками. Эту колонну Цицианов решил вести в обход Тифлисской дороги через ханский сад лично.

* * *

Утром следующего дня Карягин и Лисаневич двинули свои батальоны со стороны ханского сада. Со шпагой в руке с егерями шел и сам Цицианов. Легкой прогулки не получилось. В садах егеря встретили самое отчаянное сопротивление и были вынуждены выдержать несколько контратак. Представляли серьезное препятствие и высокие глиняные заборы на каждом шагу, которые приходилось брать штурмом.

Разделившись на небольшие штурмовые группы, егеря пробивали бреши в глиняных стенах и в рукопашных схватках гнали врага в сторону крепости. Офицеры, беря пример со своего главнокомандующего, шли впереди штурмующих групп. Вот их имена: капитан Дьячков, штабс-капитан Парфенов, поручики Трунов и Чевкин, полковой адъютант Патрижицкий, квартирмейстер Суроков. Особенно отличился уже известный нам капитан Петр Котляревский, который, будучи впереди своей роты при занятии наружной ограды, был ранен пулей в ногу навывлет, но не оставил строя, пока не был выведен из огня гвардейским поручиком Михаилом Воронцовым (впоследствии фельдмаршалом и главнокомандующим Кавказа). Несмотря на сильное сопротивление ханских войск, отряд Цицианова в течение двух часов все же очистил все сады предместья.

Что касается колонны Симоновича, то она встретила ожесточенное сопротивление при наступлении вдоль дороги к караван-сарая. Как бы то ни было, в течение двух часов русские войска заняли все предместья и сады, загнав противника в крепость, а сами утвердились вокруг нее, взяв в блокаду. При этом батальон Лисаневича с двумя орудиями расположился перед водяным рвом напротив Тифлисских ворот и башни Юхари-Кале, шефский батальон с тремя орудиями – правее башни Джафар-бек. Батальон подполковника Белавина, находившийся во время атаки в команде подполковника Симоновича, занял позицию напротив башни Шарамбек, левее караван-сарая. В самом караван-сараяе Цицианов учредил свой штаб.

Ближе к вечеру подсчитали потери. Оказалось, что противник потерял около трехсот человек, большая часть которых была переколота штыками во время рукопашной схватки с гренадерами Симоновича. Помимо этого, в плен сдались двести шамшадильских азербайджанцев и три сотни армян. Наши потери также были немалыми – 70 убитых и 30 раненых, среди которых два офицера – капитаны Котляревский и Дьячков.

В своем рапорте от 8 декабря 1803 года Цицианов писал: «Непобедимые войска, привыкшие презирать препоны на пути, ведущем к славе, очистили предместье, из садов составленное, с неописанною неустрашимостью». Цицианов свидетельствовал перед императором об «усердии, рвении, храбрости и твердом мужестве» всего отряда при занятии предместий из садов, особенно рекомендовал полковника Карягина, майора Лисаневича и раненого капитана Котляревского. «...Не могу также умолчать о храбрости и мужестве лейб-гвардии Преображенского полка поручика графа Воронцова и вашего императорского величества флигель-адъютанта Бенкендорфа, кои взяв позволение у меня быть при егерских батальонах, кидались во все опасности. Всепопданнейше рекомендовать осмеливаюсь всех офицеров, находящихся в егерских батальонах и драгунских эскадрон».

Начало сражения за Гянджу осталось за нами, но главное было еще впереди.

* * *

После того как крепость была окончательно обложена, началась ее бомбардировка, которая продолжалась около месяца, но, увы, без особых результатов. Штурмовать Гянджу, опасаясь больших потерь, Цицианов все никак не мог решиться. Сначала он надеялся, что Джавад-хан, уstraшенный потерей предместий, будет вынужден все же сдать крепость. Но эти надежды не оправдались. Несмотря на тяжелое положение гарнизона и множество ежедневно перебежавших из крепости дезертиров, Джавад-хан держался стойко. Тогда Цицианов снова попытался склонить хана к сдаче крепости посредством переговоров. В своем новом письме к Джавад-хану наместник снова потребовал капитуляции, дав для ответа один день. Но вместо извещения о сдаче ездивший с письмом Бенкендорф рассказал, что Джавад-хан потребовал уважительного к себе отношения и сдаваться категорически отказался. В ответ Цицианов снова требовал сдачи. Сопровождавшему вернувшемуся Бенкендорфа ханскому вельможе он заявил:

– Передай Джавад-хану, что ежели он пришлет мне завтра поутру ключи от города с сыном своим Гуссейном-Кули-агою, на него сойдет все возможное счастье и мое благоденствие.

– А если мой господин скажет «нет»? – поинтересовался парламентар.

– Тогда обещаю начать штурм и пролить кровь как его несчастных подданных, так и его самого. Кстати, напомни хану, что никто еще не слышал на свете, чтобы российские войска, обложив крепость, отошли без взятия.

Вельможа уехал, а на следующий день вернулся, привезя ответ Джавад-хана, в котором тот снова писал о своей гордости и правах на ханство.

– Похоже, Петр Дмитриевич, хан просто тянет время, – высказал свои соображения генерал-майор Тучков.

Действительно, приближалась зима, которую русские войска под стенами горной Гянджи вряд ли бы перенесли. С каждым днем все больше ощущался и недостаток продовольствия и фуража, солдат донимали болезни. Но Цицианов понимал и другое, если сейчас уйти от непокоренной Гянджи, то завтра против русских поднимется весь Кавказ. В горах признают только силу, и, если твоя хватка хоть немного ослабла, ты немедленно будешь сброшен с пьедестала. Вывод из всего этого был только один – несмотря ни на что, брать Гянджу штурмом.

К этому времени обострились отношения между Цициановым и шефом новгородских драгун генерал-майором Тучковым. Что касается Тучкова, то он был не только опытным воином, прошедшим шведские и турецкие войны, но серьезно увлекался философией и литературой, сочинял вполне приличные стихи и был некогда завсегдатаем столичных литературных салонов. Казалось бы, два генерала-эрудита должны были найти общий язык, но не случилось. Почему разругались два незаурядных военачальника, мы, наверное, так никогда не узнаем.

Наряду с этим с еще одним своим помощником – героем Измаила генерал-майором Портнягиным – у Цицианова отношения были весьма неплохими. По этой причине в своих донесениях Цицианов неизменно выказывал особое расположение Портнягину, именуя его не иначе, как «храбрейшим из храбрых», о Тучкове же предпочитал помалкивать. Возможно, что такая разница в отношении к ближайшим подчиненным получилась из-за того, что скромный Портнягин просто не лез к заносчивому Цицианову со своими советами, как это делал амбициозный Тучков.

Между тем осада Гянджи продолжалась. В очередном своем письме раздосадованный упрямством хана Цицианов пообещал после взятия города предать его позорной смерти, на что Джавад-хан гордо ответил, что и сам желает смерти, защищая родные стены. Видя, что его угрозы не действуют, Цицианов переменял тон и выдвинул новые условия, которые, по его мнению, могли бы устроить храброго хана. Джавад-хан должен был со всеми жителями при-

нять российское подданство. В крепости располагался русский гарнизон. При этом Джавад-хан оставался владельцем Гянджи, хотя и выплачивал ежегодно 20 тысяч рублей дани. Но упрямый Джавад-хан не пожелал быть и данником России. На этом переписка Цицианова с ханом себя исчерпала. Когда к крепостным воротам в очередной раз отправился флигель-адъютант Бенкендорф, его встретили пушечным и ружейным огнем.

Время писем закончилось, наступало время пушек...

* * *

В тот же день Цицианов пригласил в караван-сарай Тучкова и Портнягина, а также старших офицеров.

Оглядев осунувшихся соратников, Цицианов начал речь так:

– Господа! Многочисленные перебежчики сообщают, что город держится из последних сил!

– Это вполне справедливо, Павел Дмитриевич, однако и наши силы тоже на исходе! – ответил ему генерал-майор Портнягин.

– Для этого собственно я вас и собрал, – помрачнел Цицианов. – Будем решать, что делать дальше – бесславно отступить в Грузию или с кровавой мордой лезть на стены Гянджи.

После этого военный совет, в составе двух генералов, полковников Карягина и Ахвердова и подполковника Симоновича, после недолгого обсуждения единогласно решил штурмовать крепость на рассвете 3 января 1804 года.

Там же на совете Цицианов утвердил и диспозицию на штурм. Идти на приступ решили двумя колоннами. Первая: двести спешенных драгун, батальон Севастопольского полка и батальон гренадер Симоновича, под предводительством генерал-майора Портнягина. Этой колонне надлежало атаковать крепость слева от Карабахских ворот. Вторая колонна – два батальона 17-го егерского полка, под командой полковника Карягина. Эта колонна должна была наступать левее Тифлиских ворот, имитируя вначале обманное нападение, а затем, когда защитники крепости в это поверят, атаковать в полную силу. При этом Цицианов убрал из боевых порядков всю мусульманскую милицию, опасаясь, что в темноте азербайджанцы могут перевернуться на сторону противника и наделать много бед. Мусульманам-милиционерам было велено создать дозорную цепь вокруг форштадта и садов. Против Тифлиских ворот был размещен еще один батальон Севастопольского полка, дабы блокировать возможную вылазку в тыл атакующих войск. Там же были поставлены резервная казачья сотня и оставшиеся драгуны под общей командой генерал-майора Тучкова.

При себе Цицианов оставил как личный резерв батальон 17-го егерского полка, разместив его напротив Карабахских ворот.

– Передайте солдатам, чтобы при штурме щадили женщин и детишек, а захваченных отсылали для безопасности в захваченные башни, куда заранее приставить караулы, – заявил генерал-лейтенант офицерам напоследок. – Ну, и самое главное – грабеж до совершенного истребления противника категорически запрещаю. Узнаю – расстреляю как мародеров! Вот когда все будет кончено, тогда пусть и поживятся вдосталь.

И главное, из ружей палить лишь раз, более не перезаряжая, а надеяться на штык!

В последней фразе Цицианова был свой резон. Дело в том, что зарядание ружья в начале XIX века происходило в двенадцать приемов. Все они четко регламентировали действия солдата – от изготовления ружья к выстрелу до нажатия спускового крючка. Вышколенные солдаты давали до четырех выстрелов в минуту, но достаточными считались и два-три. Именно с такой частотой стреляли русские и французские войска эпохи Наполеоновских войн. Но как только во время больших кампаний в полки приходили плохо подготовленные новобранцы, скорострельность резко падала. Несмотря на простоту конструкции, ружья требовали постоянного

ухода. Это было связано с применением дымного «черного» пороха, который быстро загрязнял ствол сажей и несгоревшими частицами. После 60–65 выстрелов необходимо было прекращать стрельбу и промывать ствол и чистить его кирпичной крошкой, а для этого надо было полностью разобрать ружье. Еще быстрее, чем ствол, забивалось затравочное отверстие, через которое пламя с полки кремневого замка поджигало порох в стволе. Его очистка происходила прямо в бою с помощью длинной иглы. Такую иглу носили на цепочке, прикрепленной к пуговице мундира. Несмотря на уход, кремневые ружья отличались частыми осечками. Одна на шесть выстрелов считалась приемлемым результатом. Кремня, удар которого вызывал искры, поджигавшие порох, хватало на 50 выстрелов, после чего надо было ослабить винт, вынуть старый и вставить новый. Запасы кремней солдаты также носили с собой. Ровно 60 патронов лежало в патронной сумке русского пехотинца. Считалось, что такого запаса вполне достаточно для самого ожесточенного сражения. Дело в том, что стрельба на большом расстоянии лишь расходовала патроны и потому всячески пресекалась. Более того, войска, отличающиеся хорошей подготовкой и стойкостью, могли, не делая выстрелов, сблизиться с противником вплотную, произвести мощный залп всей линией пехоты, после чего идти в штыки. Такая тактика зачастую приносила победу. Вооруженным пистолетами кавалеристам также предписывалось делать залп в упор, потому что уже на расстоянии двадцати шагов попасть из гладкоствольного пистолета по врагу крайне затруднительно, тем более верхом на лошади, а после выстрела также переходить на холодное оружие.

... После совета у Цицианова офицеры расходились в приподнятом настроении.

– Как говорится, ужасный конец лучше, чем ужас без конца! – усмехаясь, хлопал по плечу Карягина артиллерист Ахвердов.

Тот кивал головой:

– Что будет, то и будет, но, по мне, всегда лучше драться, чем сидеть сиднем и жевать последний сухарь!

Уже перед самым штурмом Цицианов набросал на листке секретное предписание для генерал-майора Портнягина: «С вечера оставаться всем на своих постах, как они есть теперь в обложении. За полчаса до движения к настоящему делу, всем занять как назначенные в диспозиции места, так и посты, показанные капитаном по квартирмейстерской части Чуйкою; но нет слов изъяснить с какой тихостью и глубоким молчанием должно делаться перемещение войск. Все штандарты и знамена ночью без церемонии принести на мечетный двор и отдать там караулу. Казачья цепь до рассвета должна стоять на своих постах, разумея о ближайшей, соединяющей батарее, а остальные при резервах в закрытых местах от пуль и ядер; по рассвете собраться всем к оным».

* * *

Выдвижение колонн началось в предрассветном тумане, чтобы, пользуясь темнотой, успеть приставить штурмовые лестницы к городской стене. Полковник Карягин в полной тишине привел два своих неполных батальона (около 700 человек) к месту атаки – напротив башни Кафер-бек. Опытные егеря спрятались от чужих глаз на окраине садов. После этого полковник вызвал к себе поручиков Никшича и Егулова.

– Вам задача особая, – сказал шепотом. – Перед самой атакой со своими ротами откроете беглый огонь и отвлечете противника.

Несколько минут Карягин молча смотрел на крепостные стены, затем вытащил из кармана мундира часы:

– Все, время вышло! Пошли!

Продвигаясь к земляному крепостному валу, егеря старались укрыться за деревьями и заборами. Но всем спрятаться было невозможно. Когда до крепостной стены оставалось каких-

то полтора десятка сажений, ханская стража заметила передвижение и подняла тревогу. По егерям был открыт огонь из пушек и ружей. Затем на атакующих посыпались камни и стрелы, а подступы к каменной стене осветились факелами, сделанными из свернутых бурок, обмоченных нефтью.

Вообще-то Карягин должен был дожидаться, когда взойдет на первый вал колонна Портнягина, и следующую каменную стену атаковать вместе, но остановить батальоны под ядрами, пулями и стрелами значило подвергнуть их полному истреблению. Между тем колонна Портнягина, попав под сильный огонь воинов Джавад-хана, все еще топталась под земляным валом. Против Портнягина Джавад-хан сосредоточил большую часть своих сил. Два раза ханские войска отгалкивали лестницы, и два раза солдаты приставляли их снова. А потому Карягин принял единственно правильное решение – стремительно атаковать.

– Ребята, кому жизнь не дорога! За мной! Ура! – выхватил полковник шпагу и первым бросился вперед.

Сметая все на своем пути, егеря устремились вслед за ним. Началась рукопашная. В воздухе сверкали кривые сабли и хищные жала штыков. Первым взошел на стену со своей ротой капитан Сахаров и был тут же ранен пулей в ногу.

Следом за ротой Сахарова взобрались по шатающимся лестницам на стены роты капитанов Коловского, Дьячкова и Терешкевича, штабс-капитанов Парфенова и Хрусталеvского. При этом поручик Трунов со своим взводом пробился к башне Кафер-бек и, приставив лестницы к амбразурам, поднялся на нее, переколов всех защитников. После взятия Кафер-бека дело пошло уже веселее.

Карягин подозвал к себе майора Лисаневича:

– Давай, Митенька, двигай со своим батальоном к следующей башне.

– Считайте, что она уже наша! – усмехнулся самолюбивый Лисаневич. – Егеря, за мной!

Вскоре батальонное знамя взвилось над башней Юхари-Кале. Затем, оставив при башенных воротах роту штабс-капитана Парфенова, Лисаневич с остальными егерями двинулся к третьей башне Каджи-хан, для взятия которой Карягиным была уже направлена рота капитана Дьячкова. К моменту подхода Лисаневича Дьячков башню взял. При ее штурме был убит пулей в лоб капитан Колоvский.

Карягин со своими гренADERами уже взял половину крепостного вала и три башни, когда наконец-то с третьей атаки взошла на стены и колонна Портнягина и овладела последними тремя остававшимися в руках защитников башнями. В авангарде уверенно работала штыками команда егерей 17-го егерского полка поручика Лисенко, отбивая все попытки контратак.

После взятия всех шести башен атакующим предстояло спускаться в город по высокой каменной стене, так как защитники растащили деревянные ступени. Пришлось перетаскивать с наружной стороны стены громоздкие 10-метровые лестницы и уже по ним спускаться внутрь Гянджи.

Вскоре рукопашный бой переместился внутрь крепости. К этому времени в городе царил паника. По восточному обычаю, всюду истошно вопили женщины, рвя на себе волосы и проклиная все на свете. Толпы пеших и конных воинов лихорадочно искали ханский бунчук, под которым они могли бы сплотиться воедино. Но бунчука нигде не было, как не было и того, кто мог бы своим авторитетом и силой воли сплотить оставшихся защитников для отпора неприятелю. А солдаты и офицеры русской армии, работая штыками, уже очищали узкие и кривые улицы Гянджи от противника. А затем началась массовая сдача в плен.

Теперь в руках Джавад-хана оставалась только цитадель. К счастью для нас, убегающие ханские воины не дали возможности вовремя закрыть ворота цитадели и разгоряченные егеря ворвались туда прямо на плечах убегающего противника. Там их уже ждал сам Джавад-хан, окруженный телохранителями. Оседлав свою самую большую пушку, он отбивался саблЕЙ, пока не был поднят на штыки.

В своем донесении Цицианов писал: «Итак, одно, так сказать, мгновение доставило неслыханной храбрости войск Вашего Императорского Величества овладение тремя башнями, где на одной из оных Джавад-хан принял достойную месть за пожертвование таким числом людей своей гордости».

* * *

К полудню в городе все стихло. Откричались женщины, отмучились и легли на землю защитники. Вся Гянджа была покрыта их телами. Как и было обещано, солдатам было разрешено обыскивать убитых.

Участвовавший в походе грузинский царевич Давид впоследствии признавался, что по части грабежа Гянджи более всего отличились грузинские милиционеры. Не участвовавшие в штурме, они, едва смолкли выстрелы, самовольно бросили свои посты и устремились за добычей в поверженный город. При этом если солдаты ограничились лишь изъятием ценностей у убитых, то грузины врывались в дома и выгребали оттуда все подчистую.

Удивительно, что неприступную крепость удалось взять всего за два часа генерального штурма. Еще более удивительно, что благодаря строгости Цицианова ни одна из девяти тысяч бывших в городе женщин не была подвергнута насилию, не погиб ни один ребенок. Сам Цицианов в своих рапортах не без гордости писал по этому поводу: «Человеколюбие и повиновение моему приказанию, доселе при штурмах неслыханное».

Впрочем, один серьезный инцидент все же был. Дело в том, что во время штурма до пятисот жителей укрылись в самой большой мечете города – Джума-мечети (мечети шаха Аббаса). Но какой-то неизвестный армянин известил наших солдат, что в мечете много дагестанских лезгин. Это упоминание о лезгинах явилось сигналом к истреблению всех бывших в Джума-мечете. Дело в том, что солдаты считали лезгин, часто совершавших набеги и убивавших исподтишка, своими кровными врагами. Кто именно спровоцировал солдат на расправу с мнимыми лезгинами, так и осталось тайной.

* * *

Общие потери ханского воинства простирались за полторы тысячи убитых, пленено было более 17 тысяч. Наши потери составили убитыми три офицера и 35 солдат, а ранеными 12 офицеров и две сотни солдат. В качестве трофеев победителям достались 18 орудий и фальконетов, 8 знамен, 55 пудов пороха и большие запасы хлеба. К удивлению наших офицеров, среди трофеев оказалось много совершенно новых английских ружей. И это притом что англичане считались тогда нашими ближайшими союзниками по антинаполеоновской коалиции. Но то в Европе, здесь же, на пороге Индии, Лондон играл совсем по другим правилам...

Убитого Джавад-хана с трудом разыскали под грудой мертвых тел во дворе крепостной цитадели. Храбрый хан дрался до конца, поэтому тело его было исколото штыками и исполосовано саблями. Рядом нашли и его среднего сына – Хусейн-Кули-хана. Джавад-хана по распоряжению Цицианова с почетом похоронили во дворе Джума-мечети. А вот старшему сыну Угурлу-хану и младшему Али-Кули-хану удалось бежать из крепости и найти убежище у Ибрагим-хана Карабахского.

В числе пленных, взятых при штурме Гянджи, к Цицианову были приведены остальные члены семьи гянджинского хана, который в память о храбрости их кормильца выдал бедолагам 900 рублей. Старшая жена Мелкэ-Ниса-бегюмы (родная сестра шекинского владетеля Мамед-хана) попросила Цицианова, чтобы ее с дочерью отпустили к брату. Цицианов разрешил. Одновременно главнокомандующий сделал запрос в Петербург о назначении достойной пенсии всем остальным членам семьи погибшего хана.

4 января в главной мечети города, которая была наскоро переоборудована в христианский храм, прошел молебен в честь дарования российскому воинству новой победы.

Если в первые дни после взятия города жители Гянджи надеялись, что все для них закончится, как и раньше в подобных случаях, – победители назначат нового хана, после чего уберутся восвояси, а жизнь в ханстве пойдет своим чередом, то вскоре им пришлось в этом разочароваться. Цицианов был настроен твердо – отныне Гянджа и все принадлежавшие ханству земли становились частью России. А чтобы ни у кого не было никаких сомнений на сей счет, приказал переименовать Гянджу в Елизаветполь в честь супруги императора Александра Елизаветы Алексеевны. Само же ханство было ликвидировано, а вместо него учреждался Елизаветпольский округ.

Надо отметить, что все участники штурма Гянджи были щедро награждены. По повелению императора Александра I для участников штурма была учреждена особая серебряная медаль. Практически все офицеры получили ордена Святой Анны 3-го класса. Среди них состоявший во время штурма при Цицианове в качестве адъютанта будущий фельдмаршал Михаил Воронцов, будущие генералы Петр Котляревский и Александр Бенкендорф. Полковник Карягин и майор Лисаневич были награждены орденами Георгия 4-го класса. Кроме того, князь Цицианов пожелал отличить Карягина, которого считал главным «виновником блистательного штурма», ходатайством о высочайшем пожаловании ему «во мзду его рвения и усердия» алмазных украшений на бывший у него орден Святой Анны. Помимо алмазов Карягину была пожалована и золотая сабля с надписью: «За храбрость». Еще вчера никому не известный полковник в один день стал национальным героем.

Генерал-майор Портнягин был награжден Георгиевским крестом 3-го класса. В императорском рескрипте о его подвиге было сказано: «За оказанную отличную храбрость при взятии штурмом крепости Гянджи, где, командуя колонною, примером храбрости поощрял к неустрашимости подчиненных, а равно и во все время обложения упомянутой крепости с неутомимою деятельностью соблюдал надлежащее устройство в войске». Что касается самого Цицианова, то по получении донесения о взятии Гянджи Александр I произвел его в генералы от инфантерии. Этой наградой наместник остался весьма недоволен. Он рассчитывал на Георгия 2-го класса, а чин полного генерала получил бы рано или поздно и так...

Без награды за Гянджу остался лишь генерал-майор Тучков. Вне всяких сомнений, что к этому приложил свою руку не переносивший Тучкова Цицианов. Оскорбленный этим, Тучков немедленно подал в отставку. Но Цицианов ввиду предвоенного времени ее не принял.

Нижним чинам за взятие Гянджи император Александр пожаловал по рублю серебром. Это обидело Цицианова.

– Что-то дешево государь кровь солдатскую оценил! – раздраженно высказался он.

Царапая бумагу пером, главнокомандующий написал в Военную коллегию: «Если Его Величество жалует солдатам по рублю за хороший развод, то за взятие города штурмом, вероятно, хотел дать медали, а потому и приказал к серебряным рублям приделать ушки и носить их в петлице, только всеподданнейше испрашиваю, на каких Государь прикажет лентах...»

Письмо вышло предерзким. В другой раз за такое могли и в отставку спровадить, но Александр решил иначе:

– Рубли оставить солдатам, а за взятие Гянджи учредить особую медаль, чтобы целковые не портили!

...Когда войска двинулись в обратный путь из Гянджи, Цицианов оставил охранять город с его округом полковника Карягина с вверенным ему 17-м егерским полком и сотней казаков.

– Запомните, Павел Михайлович, что отныне вы – щит Грузии со стороны Персии, – обнял он на прощание Карягина. – Надеюсь, что в случае необходимости вы умножите летописи нашей военной истории новыми подвигами, которые изумят современников и будут поучительными для потомков.

– Скажу одно, егеря 17-го полка исполнят свой долг до конца! – ответил ему Карягин. Больше генерал Цицианов и полковник Карягин уже никогда не увидятся...

* * *

Взятие Гянджи, безусловно, явилось большим успехом России, так как это обеспечило безопасность восточных границ Грузии, подвергавшихся ранее неоднократным нападениям со стороны Гянджинского ханства.

Но и это далеко не все! Сокрушительное падение одного из самых могучих ханств потрясло весь Кавказ. Узнав, что сыновья Джавад-хана бежали к правителю Самухе Шерим-беку, Цицианов отправил ему письмо, в котором приказывал покориться: «Сказал, что Гянджу возьму, – и взял». Намек был более чем прозрачным. Поэтому Самуха Шерим-бек из кавказских правителей первым поспешил к Цицианову с просьбой принять его в русское подданство. Приведя Самуху Шерим-бека к присяге, Цицианов немедленно обложил его податью в тысячу червонных в год.

Вслед за Самухой большая часть ханов также отправила своих послов к наместнику с выражением кротости и смирения. Карабахский и шекинский ханы изъявили при этом немедленную готовность вступить в русское подданство. Царь Имеретии Соломон, дотоле настаивавший на независимости, немедленно послал Цицианову поздравление с победой и также заявил о готовности подчиниться всем требованиям князя. Уже в июне 1804 года Имеретия приняла подданство России. Вслед за ней о том же заявила и Гурия. Безропотно склонил голову перед Россией и униженно искал ее покровительства даже гордый и независимый владетель Абхазии Келиш-бек.

Видя, какое ошеломляющее впечатление на Закавказье произвело покорение Гянджи, Цицианов решил «ковать железо, пока оно горячо» и попытался присоединить заодно и Нахичеванское ханство. Владетелю Нахичеваня Келб-Али-хану он предложил немедленно выслать скрывавшегося в ханстве армянского «лжепатриарха» Давида и провозгласить патриархом пророссийского архиерея Даниила, разместить в Нахичевани российский гарнизон, а также выплачивать по 80 тысяч рублей дани в год. Взамен Келб-Али-хан и его наследники признавались полноценными правителями своего ханства. Кроме этого, Россия обязывалась оборонять Нахичевань от посягательств извне. Кроме этого, Цицианов обещал приложить все усилия для выкупа старшего сына хана. Дело в том, что его сын Эхсан находился заложником при шахском дворе, где всячески демонстрировал верность персам, являясь начальником псовой охоты при наследнике престола Аббасе-Мирзе.

Свое послание Цицианов закончил в восточном стиле: «...Скорей солнце оборотится назад, в Каспийском море не будет воды, нежели мой поход отменится. Разница только та, что или приду как брат спасать брата, или как враг – наказать дерзающего противиться велению Государя государей, подобно Джавад-хану Гянджинскому».

Однако пока Келб-Али-хан раздумывал над непростым выбором, военная ситуация изменилась, и Цицианову стало уже не до Нахичеваня.

После падения Гянджи враждебным к России остался только эриванский Махмуд-хан, который, сознавая неизбежность столкновения с Россией, рассчитывал на помощи Персии. При этом хитрый правитель Эрвана слал Цицианову откровенно подлобострастные письма: «Не теряйте времени. Немедля направьтесь в Эрван и осветите эти места восходом полумесяца ваших победоносных знамен. Как только появятся ваши доблестные войска, ключи от крепости тут же представлю вам, и подчинюсь высокой власти лучезарного российского государства».

Но наместника было не так-то просто провести

– То, что Эривань мы завоюем быстро, у меня нет никаких сомнений. Но планы у меня гораздо масштабнее, – говорил Цицианов генерал-майору Портнягину. – Хочу утвердить владичество России между Черным и Каспийским морями, поставив Аракс естественной границей между Россией и Персией.

– А не слишком ли велик замах? – засомневался в реальности столь грандиозного плана скромный Портнягин.

– Каков я сам, таковы и мои планы! – усмехнулся самонадеянный наместник.

Что касается Персии, то там посчитали захват Гянджи, которая находилась под протекторатом шаха, не просто поводом к войне, а ее началом. Разгневанный Фетх-Али-шах немедленно начал готовить к боевым действиям гвардию. Из северных провинций Персии в лагерь под Султанией стали спешно собираться племенные войска. В апреле того же года шах и его юный сын Аббас-Мирза во главе многочисленного воинства пересекли Аракс, войдя в Нахичевань, после чего неспешно двинулись в сторону Эривана. Столкновение двух держав в битве за обладание Закавказьем стало неотвратимым.

Глава третья

Итак, Персия объявила России войну. Случилось то, чего так опасались в России, но то, что обязательно должно было произойти.

Если после взятия Гянджи положение России на Кавказе серьезно упрочилось, то теперь все мгновенно повернулось в другую сторону. Как оказалось, и англичане, несмотря на союзнические отношения с Россией в противостоянии Наполеону, втихую снабжали шаха современным оружием, причем не только ружьями, как азербайджанских ханов, но и артиллерией. Ну, а кроме этого, буквально наводнили Персию своими инструкторами.

Что поделывать, Англия уже втянулась в Большую Игру с Россией на Востоке, где действовали свои законы, совершенно отличные от европейских союзов, договоренностей и коалиций. В Большой Игре для англичан существовал лишь один критерий – уровень опасности для Ост-Индской компании. Опасаясь потерять главную колонию и самый богатый источник доходов, Лондон боялся даже малейших намеков движения Франции и России на Восток. Поэтому в начавшемся противостоянии России и Персии там сразу же увидели опасность для себя. Еще бы, именно Персия являлась главным буфером между Россией и Афганистаном, который уже граничил с самой Индией.

Что касается персов, то Гянджа была для них лишь поводом. Непосредственной причиной войны послужили события в Восточной Армении. Началось с того, что владелец Эриванского ханства Махмуд-хан и Киал-Бали-хан Нахичеванский обратились как вассалы к персидскому шаху Фетх-Али (прозванному в России Баба-ханом за соответствующую внешность и тонкий голос) с просьбой поддержать их претензии на господство в армянских землях. Фетх-Али согласие дал, надеясь, таким образом, укрепиться в Эриване.

Более того, шах демонстративно пожаловал Грузию как свою вотчину (которая, заметим, уже принадлежала России!) беглому царевичу Александру. При этом Фетх-Али самолично опоясал изменника царским мечом.

– Мы идем не захватывать, а освобождать нашу законную землю – Грузию! – объявил он, надевая на палец Александра золотой перстень, что означало возведение в царскую власть.

Баба-хан знал, что делал! Возведя беглеца на грузинский престол, он придал будущей войне за Грузию законный характер. После этого сын Фетх-Али-шаха наследный принц Аббас-Мирза и эриванский хан Махаммед (кстати, тоже из рода Каджаров!) одновременно прислали Цицианову письма, в которых потребовали убраться с Кавказа, если русские хотят спасти свои жизни. В противном случае принц и хан грозили гневом шаха, который покарает неверных. Это был вызов! Можно только представить ярость гордого и строптивого Цицианова, когда тот читал письма.

– Видит Бог, я не хотел этого! Но урок ослушникам будет преподан!

Ответ кавказского наместника был предельно жесток: «На глупые и дерзкие письма, каково было ханское, с прописанием к нему еще и повелений, словами льва, а делами теленка, Баба-хана, русские привыкли отвечать штыками...»

В качестве ответного ультиматума Цицианов снова потребовал освободить посаженного в тюрьму шахом армянского патриарха Даниила. На этом обмен любезностями закончился. Вместо письменного ответа Махмуд-хан собрал семитысячное воинство, а за Араксом в Тавризе пришла в движение персидская армия. Затем в Тифлис прибыл шахский посол Якуб-бек и вручил Цицианову ультиматум – немедленно вывести русские войска из всего Закавказья.

– Что же нас ожидает, ежели ослушаемся? – не без иронии спросил Якуб-бека Цицианов, бросив в сторону нераспечатанное письмо.

– Повелитель Вселенной, падишах над падишахами просто снесет своим мечом ваши глупые головы! – напыщенно ответил посланец.

Цицианов внимательно посмотрел ему в глаза и... увидел там страх. Дело в том, что на Востоке за такие дерзкие речи посланца войны могли и казнить.

– Мы послам, даже приносящим дурные вести, голов не рубим, – усмехнулся наместник. – Но с врагами не церемонимся!

После чего посла выгнали взащей.

А известия о персах приходили все тревожней и тревожней. Помимо эриванского хана и другие закавказские владетели заторопились выказать свою преданность Каджарам. Особенно большую активность проявили прикаспийские ханы.

Вскоре лазутчики донесли, что основные силы персов уже соединились с передовым отрядом Аббаса-Мирзы. Персидский летописец писал по этому поводу так: «Продвигаясь со скоростью ветра и молнии, они соединились друг с другом в местечке, называемом Девелу». Теперь персов собралось более 40 тысяч – сила вполне достаточная, чтобы пройти огнем и мечом по всему Закавказью.

А что имел под рукой Цицианов? В его распоряжении были только полки Тифлисский, Кабардинский, Саратовский и Севастопольский мушкетерские полки, Кавказский гренадерский, да два драгунских – Нижегородский и Нарвский. Всего каких-то неполных семь тысяч штыков и сабель.

Для полномасштабной войны с таким большим государством, как Персия, кот заплакал. К тому же даже эти силы были разбросаны в гарнизонах от Армении до Каспия. Так, 9-й егерский полк удерживал Карталинию, причем две роты занимали городок Цхинвал для присмотра за тамошними осетинами. Тифлисский мушкетерский полк прикрывал границу со стороны Ахалциха и удерживал от мятежей мусульман Памбакской провинции. Знаменитый 17-й егерский полк составлял гарнизон Елизаветполя и обеспечивал спокойствие в близлежащих провинциях. Севастопольский мушкетерский полк располагался в Тифлисе и по границам Грузии. 15-й егерский полк и два батальона Кабардинского мушкетерского полка составляли Лезгинскую оборонительную линию по течению реки Алазань. Что оставалось для противостояния персам? А ничего!

Если бы Цицианов решил собрать все свои полки в кулак, то мгновенно в опустевших городах и ханствах начались бы мятежи, усмирять которые было бы нечем... Увы, но по причине надвигавшегося столкновения России с Наполеоном рассчитывать на серьезные подкрепления из России Цицианов тоже не мог. Спасение было в одном – в стремительном нападении на персов, пока те еще полностью не изготовились к войне.

– Наш шанс – игра на опережение! – объявил Цицианов генералам. – Поэтому не будем отсиживаться за горными перевалами, а выступаем в поход немедленно!

– Но мы еще не все сгребли до кучи? – выразил сомнение генерал-майор Портнягин.

– Времени уже нет, обойдемся тем, что имеем под рукой. Выступаем на Эривань! Вы, Семен Андреевич, – командир авангарда! Я верю в выучку и стойкость господ офицеров и солдат. Будем воевать по-суворовски!

– Авангард так авангард! – коротко кивнул Портнягин, не слишком расположенный что-то доказывать строптивому главнокомандующему.

8 июня 1804 года отряд Цицианова выступил в поход, успех которого был весьма сомнителен. Что вел он с собой? Всего ничего: два батальона Саратовского полка, три неполных батальона Кавказского гренадерского полка, два батальона Тифлисского полка, четыре эскадрона нарвских драгун, три сотни казаков, да столько же грузинской дворянской милиции генерал-майора Ивана Орбелиани. Всего четыре тысячи штыков и сабель при двух десятках пушек.

Впрочем, и в офицерах, и в солдатах Цицианов был уверен – все были опытные и дело свое знали. Несмотря на трудность дороги, батальоны шли быстро и отставших почти не было.

Ряд историков считают, что намерение идти на «вы» и атаковать первым объясняется лишь «пылкостью натуры Цицианова». Что ж, генерал действительно бывал зачастую излишне горяч, однако на сей раз он руководствовался трезвым расчетом.

Дело в том, что персы могли ворваться в Грузию через четыре горных прохода. Пятый путь в Грузию через долину Куры запирали Елизаветполь, и там обязательно следовало держать приличный гарнизон. Если разделить все русские силы на пять частей, расставив их по всем горным проходам, то поражение было бы неминуемо, так как угадать, куда направят главный удар персы, заранее было невозможно, а когда об этом станет известно, будет уже поздно перебрасывать подкрепление к атакованному горному проходу. Кроме этого, Цицианов, сам будучи грузином, хорошо знал психологию восточных воинов. Дать персам сделать хотя бы шаг в пределы Российской империи значило воодушевить их на победу. Главной мечтой каждого перса была богатая добыча, ну, а когда эта добыча совсем рядом, то желание овладеть ею возрастало многократно.

Что касается выбранной для удара Гянджи, то Эриванское ханство грузинские цари исстари считали «своим», что являлось хорошим поводом для ее присоединения к России как законной собственности Багратидов.

Помимо этого, эриванцы постоянно угоняли скот с территории Грузии, грабили купцов и разоряли приграничные села. Этому так же надо было положить конец. Ну, и наконец, на территории ханства находился Эчмиадзин – древняя резиденция армянского патриарха. Таким образом, присоединение Эривани многократно усилило бы влияние России на армянское население Закавказья. Наконец, присоединение Эривани создавало удобный плацдарм для последующего наступления на территорию Турции и Персии.

Однако расчеты расчетами, что же в реальности ждало горсть русских офицеров и солдат, занесенных волею судеб в далекие и дикие горы, не знал никто...

* * *

А что происходило в это время на западном берегу Каспийского моря? В начале XIX века астраханская торговля с ханствами, лежащими по берегам Каспийского моря, постоянно подвергалась опасностям от множества отмелей, подводных камней и слабой штурманской подготовки шкиперов. При этом на Каспии вовсю действовало т. н. «береговое право», согласно которому выброшенные на мель суда немедленно разграблялись местными жителями. Узнав об этом, Цицианов велел немедленно учредить в Астрахани штурманское училище, дабы выпускать на купеческие суда толковых штурманов.

С приобретением Карабахского и Ширванского ханств Цицианов решил построить укрепление на Сальянском полуострове, при устье Куры, которое защищало бы русские суда, следующие из Астрахани. Этим путем предполагалось также перевозить тяжелые грузы для войск, находящихся в Грузии, а также организовать взаимный сбыт товаров и продуктов России и Закавказья.

Россия давно пользовалась исключительным правом плавания по Каспийскому морю. По существующим трактатам на Каспийском море мог господствовать один русский флаг. По снисхождению Россия допускала плавание мелких судов-киржимов для перевозки хлеба. Но в 1803 году неожиданно появились конкуренты – три больших морских судна построили бакинский и тальшинский ханы. Узнав об этом, император Александр приказал князю Цицианову принять меры, чтобы эти суда не плавали по морю, а также изыскать способы перевозка хлеба по пристаням исключительно русскими судами. О немедленном уничтожении больших судов Цицианов немедленно сообщил их владельцам, что и было беспрекословно исполнено.

Ну, а чтобы персам и в дальнейшем было неповадно составлять нам торговой конкуренции на Каспии, Цицианов запретил нашим купцам продавать им якоря, без которых персияне просто не могли плавать по морю. При этом наместник все же мост для местных ханов не сжег.

– Я дам позволение на покупку якорей тем из них, кто окажется наиболее преданным России! – заявил он.

Уверовав в наше господство на Каспийском море, под русское покровительство попросились обитавшие на восточном берегу Каспия абдальские туркмены, занимавшиеся торговлею и хлебопашеством. В 1803 году их посланцы прибыли в Петербург с просьбой принять их в подданство России, построить для защиты их от киргиз-кайсаков крепость при Мангышлаке, а также дать им льготы в ловле тюленей. В Петербурге приняли туркмен с большим участием, надеясь с их помощью расширить торговлю с Бухарой и Хивой. Увы, хорошая затея провалилась. Как оказалось, часть абдальских аксакалов вовсе не желали тесного сближения с Россией. Поэтому отправленный князем Цициановым для обзора восточного берега и поиска места для постройки укрепления поручик Лошкарев неожиданно встретил затруднения. Даже получить разрешение для осмотра берега он смог не прежде, чем заполучил в свои руки несколько заложников-аманатов. Осмотрев же берег, Лошкарев нашел, что наиболее удобным местом для постройки крепости является не Мангышлак, а урочище Гедик в Тюк-Караганском заливе. Но ничего из этой затеи так и не вышло. Цицианова отвлекли куда более важные дела в Закавказье.

Чтобы несколько охладить пыл владетелей Восточного Кавказа в помощи Эривани, Цицианов распорядился провести отвлекающую операцию на каспийском побережье. Еще в январе 1804 года он написал секретное предписание командующему Астраханским портом и Каспийской флотилией генерал-майору по адмиралтейству Новикову подготовить к апрелю транспорты для полка пехоты и восьми полевых орудий. Для артиллерийской поддержки с моря предписывалось снарядить фрегат или бомбардирское судно, а также две бригаантины. Через месяц Новиков прислал подозрительно многословный ответ, объясняя, что к началу апреля могут быть готовы немногие суда, а другие – лишь к маю и июню.

– Сдается мне, что сей каспийский Нептун что-то привирает, чтобы не слишком натруждать свою особу! – злился Цицианов.

Однако людей, хорошо знающих морское дело, у него под рукой не было и проверить Новикова он не мог. Пришлось смириться с тем, что доложил «каспийский Нептун», и ориентироваться на его сроки. Впрочем, если бы Цицианов знал специфику службы на Каспийской флотилии, то ответу Новикова он бы ничуть не удивился. Дело в том, что, в отличие от Балтийского и Черноморского флотов, на Каспии службу правили так, как считали нужным. Чинопочитание и субординация не приветствовались, о шагистике в Астрахани и слухом не слыхивали, а отношения между офицерами были почти семейными. У флотских Каспий считался почти ссылкой, большой карьеры там не делали, а потому шли туда обычно служить те, кто хотел спокойной службы и жизни. Командующий Каспийской флотилией генерал-майор по адмиралтейству Новиков, к примеру, держал в Астрахани большой дом и немалое хозяйство с коровами и свиньями. По двору под ногами сновали гуси и утки, в вольерах надрывно вопили павлины. За всем этим ухаживали десятки матросов, которые и забыть позабыли про паруса и пушки.

Офицеров по делам служебным Новиков принимал обычно на веранде за самоваром. Потчевал горячим чаем с вареньем, да чтоб не меньше десяти чашек! Не чурался с подчиненными и четвертину пропустить.

Офицеры на Каспийской флотилии тоже были «оторви и выбрось»! И выпить, и морду набить, это всегда на раз-два.

При этом, несмотря на все послабления и откровенную партизанщину, прибыв в Астрахань и оглядевшись, некоторые вчерашние дебоширы и пьяницы начинали служить так, что только брызги из-под форштевней их утлых суденышек летели...

Чего стоил, например, лейтенант Митрий Челеев! Еще мичманом прошел страшную школу Роченсальмского и Выборгского сражений, когда людей разрывало в куски десятками, а в шпигатах стыла густым киселем кровь. На больших кораблях у Челеева служить не получалось, уж слишком был дерзок и своенравен. Поэтому командовал самыми малыми, что на посылках. По этой причине плавал Челеев много. Вначале исходил всю Балтику, а когда повздорил с заезжим адмиралом, был сослан в Архангельск, где описывал берега беломорские. Карты сделал Челеев преотличные, но едва вернулся командиром балтийского брига «Легкий» – снова скандал. После этого строптивного лейтенанта упекли уже в Астрахань, с надеждой, что там либо в драке прибьют, либо сам сопьется. Но, ни того, ни другого не случилось. Приехал Челеев, осмотрелся и начал править службу так, что одно загляденье. А чего не служить, когда никто у тебя над душой не стоит и во всем полная самостоятельность дана! Никаких тебе инструкций, никаких тебе регламентов. Первым дружкой у Челеева и такой же, как и он, оторва, капитан-лейтенант Егор Веселаго. Офицеры-однокашники по Морскому корпусу. Разница лишь в том, что Веселаго за драку еще мичманом сослали в Астрахань верблюдам хвосты крутить. Здесь дружки и встретились.

Когда приказ о снаряжении судов против персов пришел, вызвал генерал Новиков к себе Веселаго с Челеевым, угостил чайком. Под ногами шныряли куры, а злобные гуси все норовили ущипнуть.

– Кыш-кыш, родимые! – ласково отгонял их Новиков. – Не до вас мне нынче!

Когда же супружница генеральская самолично гостям четвертину на стол поставила, хозяин гостей своих и о войне известил, показал им приказы наместника кавказского. В своем послании Цицианов писал, что решил отвлечь персов от похода в Грузию высадкой морского десанта на берегу Гиляни и взятием тамошнего города Решт. В то же время Цицианов желал, чтобы на возвратном пути из Гиляни флотилия заняла Баку и оставила там русский гарнизон. Начальство над этой экспедицией было поручено генерал-майору Иринаруху Завалишину.

Рассказывая об этом, Новиков так кряхтел и охал, что казалось вот-вот помрет. Закончил же он монолог словами такими:

– Я человек старый и по службе своей не корабельный, а береговой, посему буду вам, ребята, с берега помогать – порохом и провиантом обеспечивать. А вы уж на хлябях каспийских сами рулите, как знаете.

Веселаго с Челеевым весело переглянулись, а чего не повоевать!

– Плохо только, что наместник поставил главным генерала Завалишина, уж очень он беспокойный, – продолжал охать Новиков.

– С Завалишиным как-нибудь сладим! – дружно ответствовали друзья, закусив водку солеными огурчиками. – Куда плыть-то надобно?

Новиков вздохнул, посмотрел, как на дворе петух топчет в пыли очередную курицу, разлил еще по одной:

– А плыть вам надобно будет до города Энзели и палить по нему окаянному из всех пушек, а потом солдат генерала Завалишина на берег высадить.

Новиков еще раз вздохнул. Генерал-майора Завалишина он, прямо скажем, побаивался. Нет чтобы посидеть просто так, на берегу матушки-Волги, поговорить, не торопясь, за жизнь, а потом и вообще помолчать часик-другой философически, на вечернюю зорьку глядячи. Вместо этого непоседливый Завалишин все время суетится, куда-то торопится, бежит, вечно какие-то бесконечные служебные дела делает.

...Выпили и снова закусили.

– А теперь ступайте, ребята, думайте, как все это исправно исполнить. Я же пойду в перинах отдохновляться, потому как и так с вами много потрудился.

Вышли Веселаго с Челеевым, друг на дружку посмотрели.

– Ну, как Егор Власевич, сдюжим?

– А где наша, Митрий Митрич, не пропадала!

По штату, утвержденному в 1803 году, в Каспийской флотилии положено иметь до 4 корветов, до 4 бригов, до 4 люгеров, 2 бомбардирских судна и до 10 транспортов. Но так как все было, как всегда, запущено, то малосильные Казанское и Астраханское адмиралтейства не могли быстро пополнить судовой состав до штатных норм. Единственно, что смогли выстроить к 1805 году – корвет, яхту, четыре галиота и шхоут. Правда, для перевозки десанта можно было приспособить и несколько купеческих судов.

Что касается назначенного командующим экспедицией генерала Завалишина, то он никогда ранее на Кавказе не был, а потому знали там о нем немного. Помимо своей знаменитой непоседливости говорили о генерале, что он отличается прямым характером, но самонадеян, что был в свое время обласкан самим Суворовым и пережил опалу императора Павла. Говорили, что весьма образован, любит литературу, что в честь своего кумира сочинил даже пространную поэму «Суворонида», которая самому Суворову, однако, не понравилась. Что касается опалы Павла I, то Завалишин попал в нее одновременно с Цициановым и атаманом Платовым, но если те угодили в немилость за конкретные дела, то Завалишин лишь за свой длинный язык и неумение хитрить. С воцарением же Александра I Завалишина вернули на службу, определив шефом Астраханского гарнизонного полка и инспектором всех гарнизонных частей на Кавказе, кроме этого, ему был поручен надзор за Астраханской флотилией и Астраханским казачьим войском. Цицианов, зная честный характер своего старого знакомого, предложил Завалишину стать гражданским правителем Грузии, пообещав чин тайного советника и Анну 1-го класса, но тот пожелал остаться при эполетах.

– Меня военному делу учил сам Суворов, а генералом я стал в двадцать девять лет, так неужто я изменю своему призванию ради сюртука, пусть даже и с Анненской лентой! – заявил без обиняков.

И Цицианов уступил, назначив строптивца командовать экспедицией на Гилянью.

– Вот это другое дело! – обрадовался Завалишин, узнав о назначении. – Преумножить дело Великого Петра – это ли не честь для русского генерала!

Выбор Цицианова был неплох, так как Завалишин уже отличился в подобных десантных делах в Голландии, перевозил войска и в Англию.

По замыслу Цицианова, флотилия должна была отплыть из Астрахани возможно раньше, высадив войска и взяв Решт, откуда отправить письмо Цицианова Фетх-Али следующего содержания: «Войска моего государя, как буйный вихрь, выворачивающий столетние дубы, не желающие преклониться перед ним, оставляют безвредно камыш, нагибающийся до лица земли при его проходе. Такой мой государь император, таковы и войска его, с коими, не останавливаясь, пройду и в Индию, буде единое слово изрещи изволит».

Обратим внимание, что в письме Цицианов упомянул Индию как будущую цель своего похода. Мы не знаем, оговаривал ли он сей вопрос в Петербурге, или же это были его личные мысли. Но в любом случае русские генералы уже мечтали об общей с Индией российской границе! Причем не только мечтали, но и прилагали к осуществлению этой мечты все возможные усилия.

В том случае, если шах отказывался принять предложенные ему условия, Завалишину было приказано, оставив в Реште наместника, обложить город данью и учредить у энзелийских берегов постоянное крейсерство для покровительства российской торговле. Ну, а если шах согласится исполнить требования Цицианова, условиться с ним об учреждении в Реште нашего консульства с командой и судном-стационаром.

* * *

Пока моряки строили и чинили свои суда, армейцы в Закавказье начали боевую кампанию. Уже на второй день после начала похода отряда Цицианова авангард Тучкова столкнулся у урочища Гюмри с персидской конницей, возглавляемой изменником царевичем Александром и его братом Теймуразом. Персов было много, но атаковали они по-азиатски – скопом и в карьер. При этом традиционно много шумели – кричали, свистели, визжали. Наши только смеялись:

– Воят как бабы базарные. И этим решили взять на испуг? Тьфу, одно позорище, а не кавалерия!

Перестроив отряд в ротные каре, Тучков вначале отогнал конницу вспять залповым огнем, а затем, продолжая двигаться, вообще заставил нападавших оставить поле боя ни с чем.

Когда вдалеке показались стены и башни крепости Гюмри, авангард нагнал адъютант Цицианова с приказом приостановить движение.

– Куда ж останавливаться, когда только разогрелись и разогнались? – недовольно спросил Тучков, выслушав странный приказ.

– К их превосходительству прибыли посланцы эриванского хана, и он ведет переговоры, – доверительно сообщил адъютант.

– Какие могут быть переговоры, когда уже начали драку! Раньше надо было переговариваться, а сейчас лупить надо! – не сдержался Тучков, нисколько не сомневаясь, что слова его будут доложены главнокомандующему. – Переговоры сии только и сделаны, чтобы сбить наш наступательный порыв.

Переговорщики из Эривани к Цицианову действительно прибыли. Махмуд-хан выражал готовность присягнуть на верность русскому царю, а поэтому просил отвести войска назад в Грузию. Правитель Эривани, разумеется, хитрил. Ни о каком союзе с Россией речи на самом деле не шло. Он просто хотел остановить русских до подхода персидской армии. Но обмануть Цицианова Махмуд-хану не удалось. Через армянских лазутчиков тот был уже извещен о скором приближении персидской армии во главе с шахом и сыном-наследником. Поэтому вслед за первым адъютантом к Тучкову прискакал второй с приказом продолжить движение прямо на Эривань, причем самым ускоренным маршем.

– Ну, что ж, передохнули, можно теперь снова по горам карабкаться, – переговаривались между собой солдаты, строясь в походные колонны.

Впереди был тяжелейший 44-верстовый марш по горному бездорожью при страшной жаре.

Но обогнать персов все же не удалось. Конный авангард Фетх-Али подошел к Эривани раньше нашего. Когда главные силы Цицианова добрались до Эривани, там уже находилось более двадцати тысяч принца Аббаса-Мирзы.

Первое столкновение произошло прямо у стен древнего Эчмиадзина. Там персы атаковали отряд генерал-майора Портнягина, составленный из казаков и грузинской конницы. При этом Аббас-Мирза успел занять и сам монастырь.

Сам Аббас, тонкий нервный юноша с огромными черными глазами и румяными щеками, верхом на коне лично вдохновлял воинов. Бороды у Аббаса-Мирзы по малолетству еще не было, только копна черных вьющихся волос ниспадала на узкие юношеские плечи. Впрочем, subtilность принца была обманчива, в глазах Аббаса-Мирзы читался большой ум, а поджатые нервные губы говорили о строптивости и упорстве характера. В руках наследник шахского престола сжимал украшенную алмазами саблю и символ власти – скипетр принца. Несмотря на молодость, Аббас в войсках был популярен. Стараясь угодить ему, атакующие кричали так, что перекрывали ружейную пальбу.

Попав под огонь противника, Портнягин приказал всем спешиться, так как горная местность была неудобна для кавалерийских атак. Затем храбрый Портнягин сам повел казаков и грузинских милиционеров врукопашную и выбил противника из монастырских садов. Но занять монастырь, несмотря на все усилия, так и не удалось, тот был хорошо укреплен, да и главные силы были еще на подходе.

Вскоре к Портнягину присоединились первые шесть десятков солдат, которых он сразу же бросил в бой. После этого часть персов заперлась в монастыре, а другая отошла к своим главным силам. Ближе к вечеру наступило шаткое затишье. Что касается наших главных сил, то они постепенно подошли к полуночи. Сама ночь прошла спокойно, обе стороны собирались с силами для завтрашнего решающего боя.

А вечером произошла ссора Цицианова с генерал-майором Тучковым. Причем из-за сущей ерунды. Посланный объехать наши позиции Тучков неожиданно увидел несколько бредущих в сторону от лагеря гренадеров.

– Куда идете?

– За водой!

– Так ли ходят за водой! Постройтесь в колонну! Вас мало, я прибавлю людей и офицеров и укажу вам дорогу! – распорядился генерал-майор.

Вызвав роту, Тучков приказал идти к засыпанным арыкам и разрыть их, чтобы набрать воды, после чего уехал. Буквально через несколько минут роту встретил уже Цицианов и спросил, куда она идет. Солдаты ответили, что идут за водой.

– Кто послал? – спросил наместник с гневом.

Узнав, что команда послана Тучковым, Цицианов вызвал генерал-майора к себе:

– Как вы смеете распоряжаться в моем присутствии?

Тучков пытался объяснить наместнику причины, побудившие его сделать такое распоряжение, и генералы разругались. Однако после ухода Тучкова Цицианов призвал к себе командира егерского батальона майора Карпенко, приказав ему с двумя батальонами следовать к запруде и разрыть ее.

Утро 20 июня выдалось жарким. С восходом солнца Цицианов построил войска в три каре: справа – Тучков, в центре – сам, слева – Портнягин. Каре он расположил так, чтобы они прикрывали друг друга фланкирующим огнем. Едва выстроились, начались наскоки персидской кавалерии. Видя, что фронтальные конные атаки успеха не приносят, Аббас-Мирза приказал обойти русскую пехоту с правой стороны, дабы захватить имевший слабое прикрытие обоз. Этот маневр вовремя заметил командовавший правым флангом Тучков. Опытный генерал-майор быстро оценил ситуацию.

– Роте гренадеров занять водяные мельницы! – распорядился он. – И бегом, а то не успеем!

Мельницы находились как раз на направлении предполагаемой атаки персидской конницы, и из них было удобно вести огонь. Гренадеры опрометью бросились к мельницам и успели в них заскочить, прежде чем персы рванули в обход к обозу. Едва персидская лава приблизилась к мельницам, как была остановлена внезапным залпом. На несколько мгновений всадники смешались, и этого хватило, чтобы в этот момент их атаковали два эскадрона нарвских гусар, высланных Цициановым из центрального каре. Наверное, если бы персы ожидали этот удар, они, имея огромный численный перевес, отразили бы его с легкостью, но все дело в том, что удар гусар был внезапен и стремителен. К тому же нашу кавалерию поддерживали своим точным огнем гренадеры. Успех контратаки был полным. Теряя людей, вражеская кавалерия вначале остановилась, а затем, развернувшись, понеслась обратно столь же стремительно, как несколько минут назад атаковала. Но и это не все. Уцелевшие персидские всадники были настолько деморализованы, что вышли из подчинения Аббаса-Мирзы и самостоятельно покинули поле боя.

Напрасно принц с призывами и угрозами метался среди них на горячем арабском скакуне. Никто его не слушал, ибо страх перед москвитями затмил волю и разум шахских кавалеристов.

После этого своевольно вышла из боя и вся остальная персидская армия.

Итак, поле боя осталось за нами. Но что делать дальше? Цицианов терзался сомнениями. Портнягину с Тучковым он говорил:

– У нас нет сил, чтобы одновременно осадить Эривань и разгромить персидскую армию.

Поэтому я решил, прежде всего, вытеснить персов с территории Восточной Армении, нанося по ним постоянные удары.

– Значит, Эривань оставляем на десерт? – усмехнулся Тучков.

– Значит, на десерт! – хмуро кивнул Цицианов.

* * *

Последующие полторы недели прошли в более или менее значительных стычках, причем верх всегда держали наши. Медленно, шаг за шагом, но персов выдавливали все дальше и дальше от Эривани. Наконец, количество перешло в качество – наши войска заняли селение Канакиры, где имелась единственная переправа через бурную речку Зангу. Из полевых укреплений, прикрывавших переправу, персов выбили лихой штыковой атакой.

– Теперь дела пойдут уже полегче! – радовался Цицианов, велел спрятать самую главную драгоценность – обоз в захваченном селе. Так было надежнее.

Затем персов вышибли и из Эчмиадзинского монастыря. 30 июня наши переправились через Зангу, прошли мимо Эриванской крепости и двинулись походным порядком на лагерь персидской армии, находившийся в восьми верстах от крепости. Что касается Махмуд-хана, то он, запершись в Эривани, занял выжидательную позицию.

Видя, как переправляются русские полки через бурную реку, Аббас-Мирза пребывал в тревожном состоянии. Отец, почитая сына за лучшего из полководцев, полностью доверил ему всю армию и вот теперь принц терзался сомнениями, что ему делать дальше. Выбор у него был невелик – уходить без боя, но тогда от Персии сразу отпадут все закавказские ханства и в первую очередь Эриванское, или все же дать русским генеральный бой. И Аббас-Мирза решил дать генеральное сражение, причем попытаться разгромить русских прямо на марше.

Повинуясь приказам принца, началось лихорадочное развертывание 20 тысяч пехотинцев-сарбазов и 8 тысяч конницы. Теперь все зависело от того, кто кого опередит. Или Цицианов успеет перебросить войска через Зангу и выстроить их для боя, или же персы атакуют скученного противника прямо у переправы.

Увы, персы опоздали. Цицианов действовал по-суворовски стремительно, и, когда персидская армия подошла к нему у речушки Арпа-чай, он уже не только перестроил свои полки, но, несмотря на небольшие силы, сам начал атаку.

В ответ, как и обычно, Аббас-Мирза бросил против противника свою конницу. В ответ наши перед батальонными каре немедленно выкатили все наличествующие двадцать орудий.

– Заряжай картечью! – приказал Цицианов.

И едва огромная конная масса персов оказалась на дистанции выстрела, грохнул первый залп, разом вырвавший из рядов атакующих сотни и сотни всадников. После этого началось нечто невообразимое. Раненые и убитые люди и кони, падая, мешали атаке задних рядов, которые продолжали мчаться вперед. Одни лошади перепрыгивали возникшие препятствия, другие падали под копыта напирających сзади. Всюду слышалось ржание коней, крики и вопли людей. В это время прозвучал второй залп, и картечь в очередной раз нашла себе обильную пищу. Как писал персидский летописец об этой битве: «Сверканье огня затмило звезды, а от блеска мечей на четвертом своде небес прищурились очи солнца».

Не выдержав этого ужаса, персы повернули вспять и тогда в спину им грянул третий карточный залп, еще более опустошивший их ряды и внесший полное безумие в головы уцелевших. В очередной раз персидская конница после первой же атаки утратила свою боеспособность.

Впрочем, у Аббаса-Мирзы оставалась еще многочисленная пехота, которая вполне могла переломить ход сражения. Но, увидев разгром своей конницы, психологически надломился и сам Аббас-Мирза. Не желая больше дразнить судьбу, принц начал спешно отводить войска за Аракс, признав этим свое поражение.

Отступление персов, разумеется, не укрылось от внимания Цицианова. Но что он мог сделать? Преследовать противника было просто некому. Имеемых четыре тысячи едва хватало, чтобы держать фронт.

Однако бывшие при отряде казаки (всего-то несколько десятков!) все же на свой страх и риск бросились на толпу переправлявшихся через Аракс персов. Дерзость горстки атаковавших была столь велика, что они почти не встретили сопротивления. У переправы началась невообразимая паника, где каждый пытался спасти свою жизнь, не думая ни о чем другом. Результатом этой отчаянной атаки были четыре захваченных знамени и столько же орудий. Цицианов принимал поздравление с блестящей победой. Сам он не обольщался.

– Господа, перед нами еще неприступная Эривань и взять ее с нашими ничтожными силами, при отсутствии осадной артиллерии, будет весьма непросто! – говорил он поздравлявшим его офицерам. – А ведь именно Эривань есть главный ключ к успеху в нынешней кампании.

После этого наместник Кавказа приказал выставить вдоль Аракса цепь постов на случай возможной диверсии персов, а сам приступил к осаде крепости.

Глава четвертая

Даже беглого взгляда на Эривань было достаточно, чтобы понять – это крепкий орешек. Город имел двойные каменные стены с семнадцатью мощными башнями и 22 орудиями. Весьма серьезным был и гарнизон крепости – 7 тысяч ханских воинов и 6 тысяч ополченцев-мусульман. Таким образом, осажденные в три раза превосходили по численности осаждающих. К тому же совсем рядом за Араксом находилась, пусть разгромленная и деморализованная, но все еще многочисленная персидская армия, готовая в любой момент снова попытаться удачу.

Поэтому Цицианов для начала, по своему обыкновению, начал с переговоров. Махмудхан тоже был не против обменяться посланиями, но, по своему обыкновению, хитрил и тянул время, а вдруг Аббас-Мирза еще вернется? В письмах Цицианову хан вроде бы соглашался стать вассалом русского императора, верно служить России, восстановить в правах патриарха Даниила и даже платить ежегодную дань в 80 тысяч рублей. Но открывать ворота и передать символические ключи от крепости не желал.

– Что в такой ситуации значат заверения коварного Махмуда? – говорил Цицианову генерал-майор Тучков. – Они ровным счетом не стоят и ломаной полушки, ибо с возвращением персов он сразу откажется от своих слов.

В ответ Цицианов лишь печально кивал головой. А что он мог еще на это возразить?

Утром следующего дня Цицианов двинул отряд к Эривани. Восходящее солнце обещало знойный и удушливый день. Войска шли бодро, весело и с музыкою, любясь прекрасным видом окрестностей. Перед ними виднелись горы, с левой стороны – Эривань, стены и башни которой были усыпаны множеством народа, собравшегося посмотреть на русские полки, а справа – величественный Арарат, остроконечная глава которого, «как сединой покрытая вечным снегом», освещалась восходящим солнцем.

Замкнув кольцо осады, наши начали понемногу готовиться к штурму. К этому времени в лагерь прибыло несколько тысяч добровольцев-армян, желающих изгнать мусульман из святого для них города, что было весьма кстати.

Но пока шли приготовления к штурму, лазутчики сообщили, что персы наконец-то пришли в себя и их армия снова вот-вот перейдет Аракс. Причем на сей раз ее будет возглавлять уже не Аббас-Мирза, а сам шах Фетх-Али.

О скором подходе персов, к сожалению, узнал не только Цицианов. Проведал об этом и Махмудхан, а проведав, сразу приободрился и начал готовить вылазку из города с расчетом вместе с персами атаковать осаждающих. Идея была прекрасная, но вот с исполнением не получилось.

Едва над горами спустились сумерки, гарнизон Эривани начал скрытно выдвигаться наружу. Но наши не дремали, и выход за крепость большой массы защитников Эривани был обнаружен вовремя. Цицианов не стал ждать удара в спину, а, по своему обыкновению, сам атаковал. По его приказу три тысячи пехоты перешли вброд реку Зангу и дружным штыковым ударом загнали войско Махмудхана обратно в крепость. В какой-то момент появилась даже возможность на спинах врага ворваться в крепость. Но теснимые напиранием русской пехотой, воины Махмудхана все же успели захлопнуть за собой ворота. Но на этом боевые действия в ту памятную ночь не закончились.

Дело в том, что к этому времени Фетх-Али атаковал прикрывающий наш отряд земляной редут на берегу Занги, который защищало всего 56 саратовских мушкетеров штабс-капитана Цыренова. Однако горсть защитников редута не только отбила несколько атак трех тысяч сарбазов, но и сама трижды поднималась в штыковые атаки. Подвиг, «превосходящий всякое

воображение», так охарактеризовали содеянное солдатами штабс-капитана Цыренова современники.

Ближе к утру персы перебросили к героическому редуту еще несколько тысяч пехотинцев. Саратовских мушкетеров надо было срочно спасать. Поэтому, быстро перестроив пехоту в каре, Цицианов сразу же повел их в атаку на персидскую армию, которая к этому времени уже начала скапливаться на близлежащих высотах. Не отвечая на стрельбу персов, под бой барабанов и с развернутыми знаменами наши скорым шагом подошли к их позициям, после чего сразу же кинулись на штурм. Началась кровавая рукопашная схватка. И вновь, несмотря на огромное численное преимущество персов, верх одержала организованность и профессионализм русских солдат и офицеров и конечно же их бесконечное мужество!

Через полчаса от начала атаки, работая штыками, наши буквально пронзили насквозь толпы мечущихся персов. После этого началась паника, и тысячи воинов шаха вновь предпочли славной смерти постыдное бегство.

«Большинство наших воинов погибло, уцелевших было мало, – писал персидский летописец. – Кызылбаши так штурмовали русских, что светлый мир стал темным – черная пыль, поднятая столбом, заслоняла свет солнца. Русские войска потеряли друг друга из виду... Но, как только воздух прояснился, русские увидели, что все они живы и здоровы, а кызылбаши увидели, что они разбиты. Растения от их крови стали кызылбашами, так как их головки окрасились алой кровью персов. После этого поводья воли выпали из их рук. Они больше не могли оказывать сопротивления. Охваченные страхом, они не смели приблизиться к врагу. Отступив, они расположились лагерем выше Эрвана, в сильно укрепленном убежище Канакире».

Персидский поэт Салари не менее поэтично воспел эту битву:

Над полем брани от пыли,
Поднятой мчащими конями,
Уж не сверкали ни луна, ни солнце,
Лишь крик и шум дерущихся
Взлетал под небеса.
Кричали воины младые:
«Бей, не щади! Убей врага!»
...И вылетал мозг из людских голов,
И истощались силы.
В той битве кровь лилась рекой...

Потеряв в ночном бою более полутора тысяч убитыми, в том числе и трех ханов, Фетх-Али бросил четыре знамени, семь пушек, десятки верблюдов и все награбленное в походе барахло, после чего бежал за речку Гарни-чай.

Наши потери в том бою составили 69 человек убитыми и 117 ранеными.

* * *

После этого началась рутинная осада Эривани. Спустя некоторое время Цицианов решил воспользоваться разобщением персидских сил и приказал генерал-майору Портнягину с отрядом в 900 человек пехоты и конницы сделать нападение на Гарни-чай, где находился лагерь принца Аббаса-Мирзы. Узнав о движении Портнягина, находившийся в Калаахире Баба-хан успел соединиться с сыном, и утром 24 июля Портнягин очутился лицом к лицу со всей 40-тысячной персидской армией. Перестроившись в каре, он начал медленно, шаг за шагом, отходить, отбиваясь со всех сторон в течение 15 часов. При этом отступление велось в столь

образцовом порядке, что ни одного трофея не осталось в руках персов, даже тела убитых были принесены в лагерь.

Что касается персов, то сопроводив отряд Портнягина до наших главных сил, они поспешили удалиться, а не вступать в генеральный бой.

Донося об этом деле императору, князь Цицианов в рапорте от 27 июня 1804 года писал: «Город (Эривань) стрелял викторию уже, получа от Баба-хана, что он всех русских живых возьмет, но изумлен был потом, видя каре в целости возвратившимся». За этот подвиг Портнягин был впоследствии награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

Между тем осада продолжалась. Так как тяжелой артиллерии у Цицианова не было, принудить Махмуд-хана к сдаче бомбардировкой города было невозможно. К тому же властитель Эривани прекрасно знал и о малочисленности русского отряда, и об отсутствии у русских тяжелой артиллерии, и о начавшейся нехватке боеприпасов. Что касается Эривани, то такую осаду она могла выдержать сколь угодно долго. Дело в том, что гарнизон и жители не испытывали проблем со снабжением, так как малочисленность осаждавших не позволяла Цицианову осуществить полную блокаду крепости.

Чем дальше, тем больше нарастала нужда в провианте, так как персидская конница опустошила все окрестности. Была перерезана и единственная коммуникация из Грузии, так как сил для ее охраны просто не было. Из-за этого вскоре стал ощущаться недостаток пороха.

Кроме этого, персы повсеместно атаковали наших фуражиров, отдельные обозные повозки и малые партии солдат. Имея слишком мало кавалерии, Цицианов не мог этому противодействовать. Вскоре пришлось наполовину сократить суточные порции, что сразу же увеличило количество больных. Увы, сокращение суточных порций нисколько не решало проблемы, а лишь несколько отдаляло угрозу неминуемого голода. Таким образом, пребывание отряда у Эривани просто потеряло свой смысл.

К сожалению, не обошлось и без неприятных сюрпризов. Началось с того, что грузинские милиционеры (все как один князья!) не пожелали сидеть на половинном пайке, а затребовали себе всего и сразу.

Генерал-майор Иван Орбелиани кричал Цицианову:

– Мои воины хотят кушать! Дай нам барашек, дай вина! Иначе не будем возвать!

– У меня нет ни баранов, ни вина, – хмуро отвечал Цицианов. – Придется довольствоваться тем, что есть – сухарями и водой!

– Э, мы так возвать не договаривались! – импульсивно размахивал руками Орбелиани. – У мэня, что ни воин, то князь! Ты сам князь и понимать должэн – мы без вина не только возвать не можем, мы бэз вина жить нэ можем!

Так как толку от грузин не было никакого, а также чтобы уменьшить расход оставшегося провианта, Цицианов решил вернуть грузинскую дружину в Тифлис.

Увы, если под прикрытием русских штыков грузинские милиционеры чувствовали себя героями, то, как только остались одни, все разом изменилось. Отойдя от расположения отряда Цицианова на три десятка верст, грузинские князья расположились на ночной отдых, не удосужившись даже выставить дозорных. За что и жестоко поплатились. Храпящих высокородных милиционеров накрыл врасплох мятежный царевич Александр с отрядом персов. Никакого сопротивления оказано нападавшим не было, и полторы сотни грузинских князей во главе с генерал-майором Иваном Орбелиани (тоже, разумеется, князем) попали в плен. Пленников привезли в Тавриз, где торжественно провели по городу, после чего бросили в тюрьму.

После этого мятежный царевич с большим отрядом конницы окончательно перекрыл пути сообщения Цицианова с Грузией. Персы повсеместно грабили армянские селения, выгребая последнее. Непокойно стало и на Военно-Грузинской дороге, где участились нападения горцев.

Вскоре из Тифлиса к Цицианову был направлен обоз в две сотни арб, груженных боеприпасами и провиантом. Но у селения Джылгы обоз был перехвачен. Выстроив из повозок своеобразный гуляйгород, солдаты укрылись за ними и успешно отбили все атаки.

Прискакал с кызылбашами шахский сердар Пир-Кули. Кызылбашаи попытались атаковать, но были быстро и с большими потерями отбиты. Пир-Кули был возмущен такой строптивостью защитников гуляйгорода:

– Все знают, что я опытный воин и всегда измеряю путь своих мероприятий шагами рассудка, но сегодня аркан моих мыслей не может охватить укреплений московитов!

Персидская хроника говорит, что после нескольких безуспешных атак Пир-Кули плакал: «С мокрыми глазами он (Пир-Кули. – *В.Ш.*) пришел к подошве горы Аглаган и упал на нее как слеза».

Как только весть об окружении солдат с двумя сотнями арб дошла до Тифлиса, на выручку был послан генерал Волконский с тремя сотнями солдат и четырьмя пушками. Обоз был выречен, но доставить его к Цицианову так и не получилось.

Чтобы восстановить прерванное сообщение, Цицианов отправил отряд солдат во главе со штабс-капитаном Монтрезором. Больше выделить просто не мог.

– Надеюсь на твой опыт и ответственность! – сказал на прощание майору Цицианов.

– Можете во мне и моих солдатах не сомневаться. Мы свой долг исполним! – ответил Монтрезор.

На дороге неподалеку от села Караклис одинокая рота была атакована и окружена шеститысячной конницей принца Александра. Принц предложил сложить оружие. В ответ на это француз Монтрезор ответил кратко:

– Русские не сдаются!

Дав последний залп, сто десять храбрецов пошли в последнюю штыковую атаку.

В этом неравном бою под Караклисом погибли почти все. Сам штабс-капитан был поднят конниками шаха на пики, когда возглавлял прорыв. Чудом удалось спастись лишь одному спрятавшемуся среди камней солдату. Еще 15 тяжелораненых солдат были после боя подобраны персами и уведены в плен.

Когда в лагерь под Эриванью добрал единственно уцелевший из роты Монтрезора, стало понятно, что на восстановление коммуникаций никаких надежд нет.

* * *

В связи с осадой Эривани шах немедленно обратился к своему новому союзнику – Англии, с эмоциональной просьбой о политической и военной помощи. Англичане оказались в нелегкой ситуации. С одной стороны, помогать шаху следовало не только из-за договора, подписанного три года назад капитаном Малкольмом, но и потому, что в случае поражения Персии в столкновении с Россией та весьма опасно приблизится к границам Индии.

Однако ситуация в Европе, где Россия выступала важнейшим союзником Англии в общей борьбе с Наполеоном Бонапартом, исключала открытую поддержку Персии.

Впрочем, что нельзя сделать открыто, всегда можно делать тайно, было бы только желание!

Поэтому англичане предпочли игнорировать призывы шаха о помощи против русских. Формально они были совершенно правы, ведь в соглашениях Малкольма не было ни слова о России, речь там шла только о Франции и Афганистане. В то же время неофициально кое-какая помощь была все же обещана.

Шах был глубоко оскорблен, усмотрев в этом предательство со стороны народа, которого считали своим союзником, совершенное в тот час, когда они нуждались в помощи. Как бы там

ни было, решение покинуть шаха на произвол судьбы очень скоро весьма дорого обошлось англичанам.

В начале 1804 года Наполеон, информированный своими агентами о произошедшем разрыве между англичанами и персами, предложил шаху помочь ему изгнать русских с Кавказа в обмен на разрешение использовать Персию как плацдарм для последующего вторжения французов в Индию. Поначалу шах колебался, он все еще надеялся на англичан, находившихся совсем близко, рассчитывал, что те придут ему на помощь, и потому в переговорах с посланцами Наполеона тянул время. Но затем стало ясно, что ни из Калькутты, ни из Лондона никакой помощи не последует.

* * *

А положение Цицианова под Эриванью становилось все труднее. Сильные жары изнуряли войско. Обозы с провиантом приходили с значительным опозданием или не приходили вовсе, лезгины возобновили набеги, карабахцы вторглись в Елизаветпольский округ; начали волноваться даже дотоле смирные осетины.

Теперь известия из Тифлиса приходили редко, и были они, по большей части, безрадостными. Начался мятеж в илатах Казаха и Борчалу. Кроме Насиб-бека, оказавшего услуги Цицианову при взятии Гянджи, а также шамшадильцев, все остальные села и деревни близ Тифлиса примкнули к мятежу. Мятежники высказывали претензии к правлению Цицианова (он заставил местных крестьян работать в «чрезвычайно суровых условиях для улучшения дороги через горы»), желали повесить за продажность тайного действительного советника Ковалевского и перебить осточертевших всем царевичей Багратионов. Меж восставшими крестьянами крутились шахские эмиссары, призывавшие их переселяться под руку Персии. Дошло до того, что в Петербурге и Тифлисе уже с часу на час ждали известия о гибели отряда Цицианова, а сам Тифлис готовился к обороне. Но Цицианов не унывал.

– Воли мне не занимать, – говорил он, объезжая войска. – К тому же я верю в себя и в своих солдат! Повоюем еще, ребятушки?

– Повоюем, отец родной! – кричали в ответ солдаты.

Цицианов надеялся, что с наступлением осени персидские войска удалятся и крепость без их поддержки будет вынуждена сдаться; но, когда неприятель выжег на корню весь хлеб в окрестностях Эчмиадзина и Эривани и отряду стал грозить неизбежный голод, перед Цициановым стала дилемма: снять осаду или взять крепость приступом.

В такой ситуации 31 августа Цицианов собрал военный совет. Сам наместник предлагал рискнуть и пойти на приступ. Но его поддержал только верный Портнягин. Остальные, во главе с Тучковым, были против. Скрепя сердце Цицианов подписал протокол совета.

– Ничего-ничего, – утешал он себя после совета. – Вот вернемся на следующий год, и я лично водружу над Эриванью русский флаг!

О постановлении военного совета князь Цицианов донёс государю: «Предвижу вредные последствия, которые могут произойти от снятия блокады, но, повинувшись закону, не имею права взять на себя ответственность за штурм, когда на моей стороне только один генерал Портнягин».

Увы, мечта о взятии Эривани так и осталась для кавказского наместника неосуществимой. Падение Эриванского ханства и присоединение Восточной Армении к России произойдет только спустя 23 года, совсем в другую войну, да и осуществят мечту Цицианова уже совсем иные люди.

4 сентября 1804 года русские сняли осаду с Эриванской крепости и начали отход в Грузию. Поход прошел без всяких происшествий и противодействия со стороны персов. Несмотря на это, за время десятидневного отступления заболело более четырех сотен солдат и умерло

около полутора сотен. Общие потери за все время всей кампании составили около 430 человек убитых и умерших от болезней. Следует сказать, что, уходя, Цицианов вывез все ценности Эчмиадзинского монастыря. Кроме того, архиепископ Иоаннес вывел в Грузию одиннадцать тысяч армянских семей, которым кавказский наместник определил новое место жительства.

Годы спустя французский военный посланник в Иране Огюст Бонтема-Лефорт сочинил историю, что русские солдаты разграбили Эчмиадзинский монастырь. В то время как Баба-хан столь горячо любил армян, что и даже мизинцем не прикоснулся к сокровищам Эчмиадзина. На самом же деле, как мы уже знаем, все армянские святыни из знаменитого монастыря уцелели только потому что их смог вывезти в Грузию, а не оставил на разграбление алчным персам Цицианов. Ну, а то, что вывезти не удалось, было немедленно разграблено персами. Когда в марте 1805 года, после завоевания Ширака (Памбакской и Шурагельской областей), в Эчмиадзин вошел отряд генерала-майора Несветаева, то взору русских солдат предстал полностью разграбленный персами монастырь... И хотя историкам все это давно известно, но до сих пор по страницам западной печати ходит лживая история, некогда придуманная французом.

...Итак, 14 сентября отряд был уже в Грузии. Войска наконец-то получили возможность отдохнуть и привести себя в порядок.

Что касается Цицианова, то он очень сильно переживал за эриванскую неудачу. В узком кругу лейтенант говорил так:

– На свою беду, я стал вторым русским генералом, коий не смог взять крепости и, сняв осаду, ушел от нее с позором. Первым был князь Голицын под Хотинном в 1769 году, и вот теперь я пополнил этот список неудачников!

Императору Александру Цицианов отправил покаянное письмо, в котором всю вину за неудачу с Эриванью взял на себя.

В ответ император прислал утешительное послание: «...многие отдадут справедливость как предприимчивости духа вашего, так и тому что вы столь малыми силами так много сделали в одну кампанию».

К письму император приложил орден Святого Владимира высшего – 1-го класса и соответствующий указ.

Что касается судьбы недоброжелательного к России Мехмед-хан Эриванского, то он свое получил. Подозревая Мехмед-хана в двуличности и потенциальной измене, шах схватил Мехмед-хана и со всем семейством и отправил в тегеранскую тюрьму.

Союзник Мехмед-хана, с которым он находился в искренней дружбе, Киал-балы-хан Нахичеванский был одним из самых благоразумнейших ханов Персии, хотя также не расположенный к России.

Мир-Мустафа-хан Талышинский – человек, соединявший с наивностью относительную честность. Впрочем, малость его владений делала его ничего не значащим в Персии. Хотя Мир-Мустафа и находился с давних пор под покровительством России, хотя он получал от нас несколько раз помощь и убежище на военном фрегате, стоявшем у Энзелинского залива, но все это не помешало ему, однако же, во время Эриванской экспедиции князя Цицианова дать Фетх-Али в помощь свои войска, действовавшие против нас. Остальные ханы хотя и могли считаться нам преданными, но за то не имели никакого значения в Персии.

* * *

Вернувшись в Тифлис и наведя там порядок, князь Цицианов все еще питал надежду, что ему удастся расширить пределы России путем мирных переговоров с шахом.

«Я дерзнул, – писал он канцлеру, – принять правило противное прежде бывшей здесь системе и вместо того, чтобы жалованьем и подарками, определенными для умягчения горских народов, платить некоторый род дани за мнимое их подданство, я сам требую даней».

Надо отметить, что, несмотря на неудачу под Эриванью, многие закавказские ханы не питали особой надежды на помощь персидского шаха. В феврале 1805 года Цицианов принял присягу на верность России от Ибрагим-хана Шушинского и Карабахского.

В мае принес присягу Селим-хан Шекинский. Изъявили покорность Джангир-хан Шагахский и Будах-султан Шурагельский. Получив донесение о присоединении этих ханств, император Александр I остался весьма доволен и наградил Цицианова денежной арендой в размере 8000 рублей в год.

Что касается своей неудачи под Эриванью, то Цицианов больше всего обвинял в ней ответственного за снабжение действующего отряда генерал-майора Дмитрия Волконского, который так и не смог доставить боеприпасы и провиант. Насколько действительно мог это сделать Волконский с теми мизерными силами, которые имел, заставляет думать, что в данном случае Цицианов был предвзят. Впрочем, донос Цицианова был принят императором и Волконского с Кавказа отозвали.

Вскоре после ухода Цицианова из-под Эривани разошлось по домам, в соответствии со старыми традициями, и персидское воинство с указанием весной 1805 года собраться для продолжения войны с русскими, которая еще только начиналась.

Столкнувшись осенью с трудностью переброски войск и грузов в Грузию, Цицианов попробовал привлечь к переброске войск корабли Черноморского флота. Петербург против этого не возражал, тем более что прибывающие войска должны были занять близкую к Черному морю Имеретию. Тогда же началась перевозка линейными кораблями «Михаил», «Исидор» и «Тольская Богородица» из Севастополя Балаклавского пехотного полка и припасов. Первыми к устью Хопи прибыли «Михаил» и «Исидор», с которых сгрузили два батальона и провиант, после чего корабли вернулись в Севастополь. Вышедшая же позднее «Тольская Богородица» и сопровождавший ее бриг «Александр» отправились позднее и попали в полосу встречных ветров. Командовал «Тольской Богородицей» тогда капитан 1 ранга Иван Шостак – личность в российском флоте знаменитая. Перечень подвигов Ивана Шостака впечатлит любого: командир императорской галеры «Десна» во время путешествия Екатерины Второй по Днепру, участник сражений при Керчи, Тендре и Калиакрии, командир отряда канонерских лодок во время штурма Измаила, участник Средиземноморской экспедиции 1798–1800 годов, герой штурма Цериго, Занте и Корфу, любимец адмирала Ушакова, которому адмирал доверял самые рискованные дела. На начало XIX века Шостак был единственным офицером Черноморского флота, имевшим Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени за боевые отличия. Бригом «Александр» командовал энергичный капитан-лейтенант Влито.

Так как плавание к кавказским берегам было медленным, а из-за находящихся на борту солдат расход продуктов и воды большим, то Шостак был вынужден зайти для пополнения запасов в местечко Платану на берегу Анатолии, отличавшееся безопасной стоянкой и дешевизной продуктов. В Платане «Тольская Богородица» и «Александр» простояли тринадцать дней. За это время на борт линейного корабля и брига были приняты все необходимые продукты, а питьевые бочки залиты свежей водой. 24 октября плавание было продолжено. 2 декабря «Тольская Богородица» и «Александр» подошли к берегам Мингрелии, став на якорь у устья реки Хопи в двух верстах от берега.

Следующая неделя прошла довольно спокойно. Отряд Балаклавского полка был переправлен на берег, туда же свезли 600 четвертей муки и 32 четверти разных круп. На берегу уже ждали запряженные волами арбы, на которых припасы повезли к устью реки Риона, чтобы уже оттуда доставлять его на лодках к месту будущего расположения войск. После выгрузки предполагалось заняться вырубкой местного корабельного леса для нужд черноморских портов. Пользуясь возможностью, Шостак решил еще раз пополнить запасы воды. Для этого на берег отправили баркасом 68 матросов во главе с лейтенантом Викорстом. Неподалеку от линейного

корабля находился и сопровождавший его бриг «Александр», с которого тоже свозили на берег припасы и солдат.

Ничего не предвещало непогоды, однако предусмотрительный и опытный Шостак все же распорядился для уменьшения парусности спустить верхний рангоут. С полуночи 8 декабря ветер, дувший с запада, скоро перешел в самую настоящую бурю. К 6 часам утра линкор уже дрейфовал к берегу, и он оказался на глубине в 4,5 сажени. Затем волнами его стало бить с огромной силой о дно.

Из хроники катастрофы: «8 декабря, после большой зыби от запада, начавшейся еще накануне, сильным штормом с великим волнением и морозом, стало дрейфовать; брошенный наконец в буруны корабль был разбиваем и заливаем волнением: фок-мачта и бушприт сломались в самом основании их и упали в воду; вода стала тогда вливаться через бушпритную дыру в нижнюю палубу; бизань-мачта также сломалась; бимсы отошли от бортов. Верхние борта треснули, палубные пазы разошлись, переборки и пиллерсы двигались; в трюме было до половины воды. Хотели было для облегчения срубить грот-мачту, но она сама переломилась, и, упав на правую сторону, подняла шканцы на левой стороне, стала бить шкафут и своей тяжестью накренила корабль. Удары волн выбивали еще и пушечные порты».

Вскоре «Тольская Богородица» полностью наполнилась водой и села на дно. Теперь над поверхностью воды оставалась только верхняя палуба, через которую то и дело перекатывались штормовые волны, и каждая из них уносила с собой людей. Видя, что положение безнадежное, капитан 1 ранга Шостак приказал команде спасаться кто как может. Сам же с офицерами остался на шканцах гибнущего корабля.

Затем линейный корабль переломился почти посредине на две части. Носовая, удерживаемая якорями, так и осталась на месте, а кормовую потащило дальше к берегу. Сам Шостак с группой офицеров находился на кормовой части. Когда корма, наконец, остановилась на мелководье, началось разрушение бортов. Вскоре палубы шканцев и юта уже были предоставлены самим себе. Все рушилось на части и ломалось. Люди падали в воду. Многие сразу же погибали от падающих обломков, другие тонули сами и только некоторые пытались ухватиться за обломки корабля, чтобы с их помощью добраться до берега. Командир не только до самой последней минуты хладнокровно руководил спасением людей, но и как мог их ободрял. Рядом с ним все время катастрофы находился и старший офицер капитан-лейтенант Паниоти. По рассказам уцелевших, героизм среди команды гибнущего линкора был массовым. Как пример приводится подшкипер Померанцев, который отказался оставить корабль, пока его не покинет командир. По счастливой случайности Померанцев остался в живых. Его полумертвым подобрали в волнах у берега, но сумели вернуть к жизни.

Находившиеся на берегу офицеры и солдаты Балаклавского полка с частью команды линкора во главе с лейтенантом Викорстом, отправленные еще до начала шторма для пополнения запасов свежей воды, делали все возможное для спасения людей с гибнущего корабля.

К девяти часам утра 9 декабря все было кончено. От линейного корабля «Тольская Богородица» практически ничего не осталось. Среди спасенных командира корабля не оказалось. По отзывам очевидцев, в последние минуты своей жизни капитан 1 ранга Шостак находился на обломках шканцев и ободрял бывших с ним рядом офицеров и матросов.

Что касается брига «Александр», то он некоторое время сопротивлялся напору ветра и волн, удерживаясь на четырех отданных якорях. Однако затем бриг был протаранен обломками линейного корабля. От нескольких сильных ударов начала поступать в трюм вода, оба якоря оборвались. Последнего оказалось достаточно, чтобы бриг вскоре выкинуло на прибрежную отмель. Благодаря распорядительности и мужеству командира брига капитан-лейтенанту Влито удалось спасти и переправить на берег большую часть команды. Всего с брига «Александр» спасся 71 человек. Погибло 6 матросов и сам командир. Капитан-лейтенант Влито,

следуя традициям российского флота, покидал свое гибнущее судно последним. Бриг же был разбит волнами.

О произошедшей трагедии тогдашний командующий Черноморским флотом адмирал маркиз де Траверсе немедленно доложил Александру Первому. На основании решения императора маркиз 23 января 1805 года дал следующее указание флотским чиновникам: «...Приняв с прискорбием настоящее известие, изъявил (император Александр Первый. – *В.Ш.*) высочайшее соизволение, чтобы узнать об оставшихся после утопших офицеров и нижних чинов, семейств и близких родственников, в каком состоянии они находятся, дабы сделать им возможное пособие».

Когда все документы были собраны и отправлены в Петербург, оттуда 13 апреля 1805 года последовало распоряжение императора: «Поименованным родственникам утонувших офицеров, выдать единовременно годовое жалование, а женам производить пенсион половины до замужества; женам же нижних чинов полное».

В свою очередь, донося о гибели «Тольской Богородицы», князь Цицианов писал, что, по его мнению, «от ноября до апреля большим кораблям ходить к берегам Мингрелии не следует, и как провиантские запасы, так и для торгов суда должны приходить летом и, не останавливаясь у берегов, а сгружая все, что имеют, поспешнее возвращаться. Доказательством же тому, что в летнее и удобное время даже и на малых судах плавание по оному морю безопасно, служить может то, что донские наши казаки ходят с солью на лодках не токмо до мингрельских берегов, но и до самого Трапезонта».

Обстоятельствами гибели линейного корабля спустя несколько лет заинтересовался В.М. Головин, а став генерал-интендантом российского флота, описал это крушение со своими выводами: «Гибель корабля «Тольская Богородица» в числе многих других подобных кораблекрушений, служит к убеждению мореплавателей, что на открытых рейдах больших морей никогда не должно полагаться на якоря, но всегда надлежит ставить корабль, если место и обстоятельства позволяют, в такое положение и держать его в такой готовности, чтоб при наступлении бури с открытого моря тотчас можно было вступить под паруса и удалиться от берегов. Эта осторожность особенно нужна осенью и зимой, когда бури бывают чаще, сильнее и продолжительнее.

Столь ужасные последствия сопровождали разбитие корабля сего, что из двухсот пятидесяти пяти человек, составлявших экипаж его, погибли восемь офицеров и сто пятьдесят нижних чинов, сверх коих утонули еще шесть человек солдат из числа сухопутных войск, на сем корабле привезенных, а остались в живых пять офицеров и девяносто два нижних чина; из них, однако, только двадцать восемь человек спаслись при кораблекрушении, прочие же были столь счастливы, что съехали на берег до наступления бури. Это пагубное происшествие показывает, что экипажу невозможно было при оном помышлять о спасении журналов и других корабельных бумаг, и потому нельзя было составить подробного описания сему кораблекрушению».

Так в победах и неудачах закончился на Кавказе 1804 год. Что ждет Россию в здешних краях в наступающем 1805-м, не мог знать никто...

Глава пятая

Неудача русских под стенами Эривани укрепила уверенность шаха Фетх-Али в том, что войну с неверными можно будет выиграть и вернуть Грузию.

В начале 1805 года Баба-хан решил, не откладывая в долгий ящик, быстренько выяснить отношения и с Афганистаном. Причиной конфликта стала пограничная крепость Гуриан на территории Герата, которую дерзко захватил афганский принц Фируз Мирза.

Узнав об этом, Фетх-Али дал приказ правителю Хорасана вернуть Гуриан. Не желая расставаться с крепостью, афганцы подтянули туда свое войско. Произошла жестокая битва, в которой жители гор были наголову разбиты и бежали. После этого губернатор Хорасана Хасанали Мирза Каджар подошел к воротам Герата, и принц Фируз был принужден заплатить дань, а также отдать сына в заложники. Решив, таким образом, пограничный вопрос на юго-востоке, Каджары снова обратили взор на Закавказье.

Между тем Цицианов тоже не терял времени даром и как мог укреплял свои позиции в примыкающих к Грузии ханствах. Получить подкрепления из России ему так и не удалось. Начавшаяся очередная война с Наполеоном поглотила все воинские резервы.

Из Петербурга наместнику Кавказа деликатно намекнули, чтобы рассчитывал лишь на свои силы и управлялся как мог. А мог Цицианов, увы, немного. Семь тысяч солдат ему едва хватало, чтобы прикрыть основные направления вдоль границ и обеспечить спокойствие в самой Грузии.

В самом начале 1805 года к российским владениям в Закавказье был присоединен Шурагельский султанат. И хотя тот не значился в числе главных ханств, это было все же лучше, чем ничего. Ну, а в мае наместник заключил с карабахским ханом Ибрагим Халил-ханом Кюрекчайский договор, подтвердивший переход ханства в подданство Российской империи. Церемония подписания состоялась 14 мая в нашем военном лагере на берегу реки Кюрекчай, недалеко от Гянджи. Согласно договору Цицианов от имени царя гарантировал Ибрагим-хану целостность его владений, внутреннее самоуправление в ханстве и признание ханского титула за наследниками. Отныне в Шушинской крепости должен был находиться русский гарнизон как гарантия покорности. Кроме этого, хан обязался выплачивать дань 24 тысяч рублей ежегодно и отправить в Тифлис заложниками двух своих старших сыновей Мамед-Хасанагу и Шукур-Уллаха.

Весной за Араксом сосредоточилась огромная персидская армия – более 40 тысяч воинов во главе с наследным принцем Аббасом-Мирзой, за которым на сей раз присматривал опытный сердар Пир-Кули-хан. Сам принц не скрывал, что намерен повторить кровавое нашествие 1795 года, а его воины публично клялись «выгнать из Грузии, вырезать и истребить всех русских до последнего человека».

При этом никто не знал, на каком из двух направлений – через Эриванское или Карабахское ханства – противник нанесет главный удар. Помогли лазутчики, которые вскоре донесли, что Аббас-Мирза двинет главные силы со стороны Карабаха. Со стороны же Эриванского ханства персы ограничились тем, что усилили гарнизон Эриванской крепости и сместили Махмуд-хана, не оправдавшего ожиданий шаха. Что касается карабахского хана, то он, естественно, сразу же перешел на сторону персов.

Боевые действия начались с того, что десятитысячный авангард противника сразу в нескольких местах перешел пограничный Аракс, обойдя Худоперинский мост, где стоял заслоном егерский батальон майора Лисаневича. Однако Лисаневич совершил стремительный марш-бросок и разбил переправлявшихся через реку персов. Часть персидской конницы была вынуждена уйти за Аракс.

Однако затем Лисаневичу пришлось спешно вернуться в Шушу, где вот-вот мог начаться мятеж. После этого перед персами до самого Тифлиса не осталось вообще никого...

Вскоре передовые персидские отряды вышли к реке Аскерани, готовясь ворваться в Елизаветпольский округ (бывшую Гянджу). При этом гарнизон Лисаневича в Шуше оказался полностью блокирован. Взять Шушу персы не могли, но и Лисаневич выйти оттуда уже не мог. Помимо этого, персы рассеялись по всей округе, грабя селения и уничтожая посевы.

И тогда Цицианов бросил наперерез противнику свой последний резерв – стоящий в Гяндже второй батальон того же 17-го егерского полка майора Петра Котляревского. Увы, батальон был далеко не полного состава. Впрочем, в нем не было ни одного молодого солдата, все сплошь выдавшие виды ветераны, знающие почем фунт лиха. К батальону наскоро присоединили всех, кто оказался под рукой.

Окончательный состав этого импровизированного заградительного отряда был таков: егерский батальон майора Котляревского, рота Тифлисского мушкетерского полка капитана Татаринцова и артиллеристы подпоручика Гудима-Левковича. Всего 493 солдата и офицера и два орудия. Общее командование отрядом возложил на себя шеф 17-го егерского полка полковник Карягин.

Полковник должен был насколько возможно, пусть даже ценой собственной гибели, задержать персидскую армию, присоединив к себе по возможности батальон Лисаневича.

Мы уже встречались с полковником Карягиным при штурме Гянджи, где он показал себя с самой лучшей стороны. В дальнейшем нашем повествовании с Карягиным мы еще будем встречаться часто, поэтому познакомимся с ним поближе. Свою службу Карягин начал солдатом в Бутырском пехотном полку еще в турецкую войну 1768–1774 годов, под началом фельдмаршала Румянцева. После того как Бутырский полк был переведен на Кубань, Карягин участвовал в штурме Анапы, где был ранен, а после выздоровления постоянно воевал на границе с горами. В 1803 году, после смерти генерала Лазарева, Карягин был назначен шефом расположенного в Грузии 17-го егерского полка, а в следующем году, как мы уже знаем, за взятие Гянджи получил Георгия 4-го класса. Среди кавказских офицеров-ветеранов Карягин считался самым опытным и храбрым. Его ценили начальники и боготворили солдаты. Цицианов знал, что Карягину можно поручить самое невыполнимое дело и он его выполнит. Именно поэтому во главе отправленного прямо в пасть врага отряда он и поставил именно храброго Карягина.

Одновременно с отправкой последнего егерского батальона Цицианов лихорадочно выгребал все, что еще можно было наскрести, спешно формируя оборонительный отряд. Но на сборы надо было время, и это время должен был выиграть Карягин.

Во дворце Цицианова целыми днями толклись десятки грузинских князей, клянчили себе должности начальников провинций и пенсии, да ругались между собой. Этих генерал старался обходить стороной, так как надоели хуже мух навозных. На вопрос грузинских царевичей, почему наместник столь мрачен, Цицианов ответил жестко:

– Только что отправил лучшего из лучших офицеров своих – Карягина – прямо в пасть Аббасу-Мирзе. За то, что на какое-то время сможет задержать, ручаюсь головой, за то, что вернется, не дам и ломаной полушки.

– Карягин храбрый воин, и мы поставим за него свечи! – дружно кивали головами принцы.

– Вы бы оставили это занятие вашим женам, а сами бы седлали коней, да собирали ополчение, ведь когда-то надо защищать и свои семьи!

После этих слов принцы помрачнели и молча удалились. Защищать Грузию они не желали.

* * *

Получив приказ о новом назначении, Карягин собрал офицеров, честно все с ними обсудив. Вечером все писали прощальные письма родным и завещания, которые полковник завещал подписью. Сам он завещания не писал, так как завещать было нечего, поместий и крепостных Карягин так и не нажил, а семью не завел. После этого помолились, его отряд двинулся навстречу бесчисленному врагу.

За трое суток егеря прошагали от Елизаветполя более восьмидесяти верст. Персов нигде не было. Карягин начал нервничать, а вдруг противник двинул на Тифлис другим путем? Но на подступах к Шуше в районе Шах-Булаха отряд натолкнулся на передовой четырехтысячный отряд сердара Пир-Кули-хана. Итак, персы наступали на Тифлис именно этим путем. При этом было очевидно, что пробиться к Шуше и соединиться с батальоном Лисаневича не удастся.

Карягин быстро перестроил батальон в каре и продолжил марш, отражая атаки персидской конницы. Вокруг вздымались горы Карабахского хребта. Вдалеке желтела бурным потоком река Аскерань. После нескольких наскоков, понеся потери, опытный Пир-Кули-хан ослабил натиск, поджидая подхода главных сил.

Теперь противники переводили дух, изучая друг друга.

Наше каре прикрывали две цепи егерей, вооруженных дальнобойными штуцерами. Их задача отстреливать самых дерзких и не подпускать никого к каре. Левую цепь стрелков вел подпоручик князь Семен Туманов 1-й (Симеон Туманишвили). Правую – поручик Емельян Лисенко. Время от времени для укрепления стрелков из каре высылались партии штуцерных, которые возглавили капитаны Алексей Клюкин, Иван Парфенов и поручик Яков Кулябка 2-й.

Трижды Карягину по ходу дела пришлось высылать партии егерей очистить придорожные холмы, на которых персы пытались закрепиться. Эту горсть стрелков в рассыпном строю водил будущий «кавказский Суворов» – майор Петр Котляревский. С приказаниями ему и с донесениями от него туда-сюда мотался под персидскими пулями бесстрашный поручик Матвей Павленко.

Так, с боем, отряд двигался шесть часов – четырнадцать долгих нескончаемых верст.

К вечеру 7 июля к авангарду Пир-Кули-хана начали подтягиваться главные силы, и Карягину пришлось укрепиться в районе Аскерана на берегу речки Каркарчай (урочище Кара-агач-Баба). Неподалеку он усмотрел высокий курган, на котором находилось старое татарское кладбище. Такую выгодную позицию надо было захватить любой ценой.

Прорваться к кургану удалось, на удивление, легко.

– Какое-то время мы здесь продержимся! – удовлетворенно рассматривал в трубу окрестности Каркарчая Карягин.

На вершине кургана прямо среди могил составили в ряд повозки, между ними поставили пушки. Успели даже выкопать неглубокий ров вдоль линии обороны.

Так как Шуша находилась всего в каких-то 25 верстах, Карягин был уверен, что мог бы пробиться туда. Но к этому времени было перебито уже много лошадей. Их не хватало для перевозки раненых, так как раненых была уже треть отряда. Поэтому полковник решил держаться на кладбище до тех пор, пока из Шуши не подойдет майор Лисаневич с его шестью ротами. «Пренебрегая многочисленностью персиян, – писал он в тот же день Цицианову, – я проложил бы себе дорогу штыками в Шушу, но великое число раненых людей, коих поднять не имею средств, делает невозможным всякую попытку двинуться с занятого мной места».

В этот же день Карягин послал Лисаневичу требование бросить Шушу и идти на соединение с ним. Гонец до Лисаневича добрался, но тот в силу тяжелейшей обстановки выполнить приказа Карягина так и не смог.

В тот же вечер Пир-Кули-хан, поняв, что проворонил русских, начал штурмовать лагерь Карягина. Эти атаки с перерывом продолжались в течение трех часов до самой ночи. Отбивались картечью и ружейным огнем.

Из рапорта полковника Карягина князю Цицианову от 26 июня 1805 года: «Майор Котляревский три раза был командирован мною для прогнания бывшего впереди и занимавшего возвышенные места неприятеля, прогнал сильные толпы его с храбростью. Капитан Парфенов, капитан Клюкин во всем сражении, в разных случаях были посылаемы мною с штуцерниками и поражали неприятеля с неустрашимостью».

Понеся большие потери, Пир-Кули-хан уже в темноте отвел свои отряды на высоты вокруг лагеря.

Утром следующего дня к месту боя прибыл Аббас-Мирза, который немедленно возобновил атаки, которые были уже более массовыми и ожесточенными. Теперь персы набегали волнами, одна за другой, как морской прибой. Едва откатывалась одна волна, следом уже шла вторая и третья. Правда, до штыков так и не дошло, как и прежде, наши отбивались картечью и ружейным огнем. При этом орудийные стволы раскалились от пальбы так, что Карягин серьезно опасался, что их разорвет ко всем чертям. Потери нападавших были огромны. Все пространство вокруг старого кладбища было завалено мертвыми и умирающими. Но серьезные потери были и у нас. Одновременно с атаками персы поставили неподалеку четыре батареи фальконетов, которые теперь осыпали защитников холма горячим свинцом. К вечеру из строя убитыми и ранеными выбыло уже больше сотен егерей, а атаки все продолжались и продолжались...

Уже в сумерках Аббас-Мирза отвел войска на отдых, и егеря получили некоторую передышку.

Оценив свои потери, Аббас-Мирза впал в уныние и свой пыл поумерил. А потому весь следующий день ограничивался приведением армии в порядок и обстрелом нашей позиции из фальконетов. Где-то после полудня предложил он Карягину и почетную капитуляцию, которая была, разумеется, немедленно отвергнута.

– Вся моя надежда на карабахского хана, который присягнул на верность России, – сказал Карягин Котляревскому. – Если он вместе с Лисаневичем двинется на Аббаса-Мирзу, то нам сразу станет легче.

– Я на помощь хана не надеюсь, не тот расклад сил сейчас, чтобы он держал нашу сторону! – ответил тот и был недалек от истины.

К этому времени коварный Ибрагим Халил-хан уже изменил своему слову, и его старший сын с карабахской конницей находился в стане персов.

Об измене карабахского хана знал Цицианов, но и он мало что мог в данном случае сделать. Лишь послал прокламацию в Карабах, но не к тамошним татарам, а к армянам: «Неужели вы, армяне Карабаха, доселе славившиеся своей храбростью, переменились, сделались женоподобными и похожими на других армян, занимающихся только торговыми промыслами... – писал Цицианов. – Опомнитесь! Вспомните прежнюю вашу храбрость, будьте готовы к победам и покажите, что вы и теперь те же храбрые карабахцы, как были прежде страхом для персидской конницы».

Впрочем, толку от этой прокламации не было никакого, как и надежд на помощь из Шуши, где, окруженный со всех сторон, батальон Лисаневича уже сражался с изменником ханом.

* * *

На третий день противостояния Аббаса-Мирзы и Карягина, желая ускорить развязку, персы отвели от русского лагеря воду и усилили артиллерийский обстрел. С этого момента

положение отряда стало совершенно невыносимым, а потери росли с катастрофической быстротой. Сам Карягин к этому времени был уже контужен три раза в грудь и в голову, а также ранен навывлет пулей в бок. Большинство офицеров также было ранено, а после проведенной переклички выяснилось, что годных к бою егерей осталось не более полутора сотен. Ко всему этому прибавлялась нестерпимая жажда и испепеляющее горное солнце.

Ближе к вечеру Карягин собрал офицеров.

– Вы и сами видите, господа, дело наше плохо, – начал без обиняков. – Половина из нас уже перебита. Еще один день такой обороны – и в живых не останется никого. А потому будем делать вылазку в стан врага, чтобы поколебать его решимость.

Два десятка егерей во главе с поручиком Ладинским Карягин определил для уничтожения батарей фальконетов.

Петя Ладинский был всеобщим любимцем. Его обожали и офицеры, и солдаты. Еще бы, такого веселого и остроумного человека надо было поискать! Ладинский никогда не унывал и не впадал в уныние. Всякий рассказ он умел украсить хорошим анекдотом, для каждого у него всегда была припасена хорошая шутка. Ну, а ко всему происходящему вокруг всегда относился с долей комизма.

Карягин иногда для виду напускал на себя строгость и одергивал шутника, но делал это скорее по долгу службы. В кругу других полковых командиров он не раз говорил:

– Мой Петя Ладинский своим задором целой роты стоит! С ним солдаты одним махом и к черту на рога взберутся!

Едва стемнело и в неприятельском лагере стих шум, Ладинский скомандовал своим охотникам:

– Ребята, слушай команду: крестись, и вперед, с Богом!

В стремительной дерзкой штыковой атаке егеря Ладинского овладели всеми четырьмя батареями на Аскерани, принесли с собой захваченные фальконеты и воду.

«Я не могу без душевного умиления вспомнить, – рассказывал впоследствии сам Ладинский, – что за чудесные русские молодцы были солдаты в нашем отряде. Поощрять и возбуждать их храбрость не было мне нужды. Вся моя речь к ним состояла из нескольких слов: «Пойдем, ребята, с Богом! Вспомним русскую пословицу, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, а умереть же, сами знаете, лучше в бою, чем в госпитале». Все сняли шапки и перекрестились. Ночь была темная. Мы с быстротой молнии перебежали расстояние, отделявшее нас от реки, и, как львы, бросились на первую батарею. В одну минуту она была в наших руках. На второй персияне защищались с большим упорством, но были переколоты штыками, а с третьей и с четвертой все кинулись бежать в паническом страхе. Таким образом, менее чем в полчаса мы кончили бой, не потеряв со своей стороны ни одного человека. Я разорил батарею, набрал воды и, захватив пятнадцать фальконетов, присоединился к отряду».

Растроганный мужеством подчиненных, Карягин даже вышел за линию повозок, чтобы первым встретить возвращавшихся. Хотел было что-то им сказать, а затем махнул рукой и просто перецеловал всех перед строем. Отдельно обнял главного героя – поручика Ладинского.

Увы, на войне как на войне, и уже на следующее утро Ладинский был ранен персидской пулей. Но, перевязав рану, поручик остался в строю. Когда же Карягин выразил сомнение в том, что Ладинский сможет с такой раной командовать, тот только рассмеялся:

– Летит пуля, жужжит: я в бок – она за мной, я упал в кусты – она меня хватить в лоб, я цап рукой – ан это жук!

Улыбнулся Карягин, махнул рукой. Ну, что с тобой делать, войю дальше!

* * *

Отчаянная оборона на холме продолжалась уже пятые сутки. Все это время огромная персидская армия топталась у Аскерана, вместо того чтобы стремительным маршем идти на Тифлис. Каждый час выигранного Карягиным и его егерями времени являлся спасением для Грузии и ее жителей...

Через день персы подтянули новые пушки и снова начали обстрел нашего лагеря, который чередовался с атаками конницы.

А потери все росли. Карягин был еще раз ранен. На этот раз в спину. Четырежды контуженный артиллерийский подпоручик Сидор Гудим-Левкович, у которого убиты или ранены 22 из 23 канониров, сам заряжал и наводил оба орудия.

На пятый день противостояния начал ощущаться недостаток в порохе и провианте, снова закончилась вода. В тот день солдаты съели свои последние сухари, а офицеры вообще к этому времени давно питались травой и кореньями.

Тогда же от пленного перса узнали, что в лагерь Аббаса-Мирзы прибыла карабахская конница. Это значило, что Лисаневича ждать уже не следует – его роты уже погибли или отбиваются от войск коварного карабахского хана.

В этой крайности Карягин решил отправить ночью четыре десятка егерей на фуражировку в ближайшее селение Храмортза, чтобы добыли мяса, а если можно, и хлеба.

Команда пошла под начальством поручика Лисенко – хитрого и изворотливого малоросса, не пользовавшегося авторитетом ни у солдат, ни у начальников. При этом Лисенко сам настойчиво предлагал себя в начальники фуражирной партии. Карягин вначале сомневался, уж больно ненадежен, но потом подумал, что может оскорбить офицера своим недоверием. В этом была его большая ошибка.

Когда в обозначенный срок фуражиры не вернулись, Карягин понял, что что-то случилось. Не вернулись они и с восходом солнца. Лишь следующим вечером на холм пробрались шестеро раненых егерей из команды Лисенко, которые и рассказали о том, что с ними произошло.

Из рассказа участника вылазки фельдфебеля Петрова: «Как только мы пришли в деревню, поручик Лисенко тотчас приказал нам составить ружья, снять амуницию и идти по саклям. Я доложил ему, что в неприятельской земле так делать не годится, потому что, не ровен час, может набежать неприятель. Но поручик на меня крикнул и сказал, что нам бояться нечего; что эта деревня лежит позади нашего лагеря, и неприятелю пробраться сюда нельзя; что с амуницией и ружьями тяжело лазить по амбарам и погребам, а нам мешкать нечего и надо поскорее возвращаться в лагерь. «Нет, – подумал я, – все это выходит как-то неладно». Не так, бывало, дельвали наши прежние офицеры: бывало, половина команды всегда оставалась на месте с заряженными ружьями; но с командиром спорить не приходилось. Я распустил людей, а сам, словно чуя что-то недоброе, взобрался на курган и стал осматривать окрестность. Вдруг вижу: скачет персидская конница... «Ну, – думаю, – плохо!» Кинулся в деревню, а там уже персияне. Я стал отбиваться штыком, а между тем кричу, чтобы солдаты скорее выручали ружья. Кое-как успел это сделать, и, мы, собравшись в кучу, бросились пробиваться. «Ну, ребята, – сказал я, – сила солону ломит; беги в кусты, а там, Бог даст, еще и отсидимся!» С этими словами мы кинулись врассыпную, но только шестерым из нас, и то израненным, удалось добраться до кустарника. Персияне сунулись было за нами, но мы их приняли так, что они скоро оставили нас в покое. Теперь все, что осталось в деревне, или побито, или захвачено в плен, выручать уже некого».

Все были потрясены не только огромными потерями, но и изменой поручика Лисенко. Впоследствии якобы из перехваченной переписки персов оказалось, что он был английским

шпионом. Однако, скорее всего, Лисенко был просто трусом и мерзавцем, решившим спасти свою шкуру за счет товарищей.

Возможно, что после такой неудачи кто-нибудь и пал бы духом, но только не полковник Карягин.

– Что делать, братцы, – сказал он собравшимся вокруг него солдатам, – гореваньем беды не поправишь. Ложитесь-ка спать да помолитесь Богу, а ночью будет у нас серьезная работа!

* * *

Пока солдаты отдыхали, Карягин объявил офицерам, что намерен пробиваться к Шах-Булахскому замку, чтобы, взяв его штурмом, отсидеться под защитой каменных стен в ожидании выручки.

По преданиям, замок Шах-Булах был построен шахом Надиром, а название получил от протекавшего рядом ручья. На тот момент в замке, по докладам лазутчиков, находился небольшой персидский гарнизон под командованием сразу двух ханов – Эмир-хана и Фиал-хана.

Проводником вызвался быть находившийся при батальоне армянин Мелик Вани (в ряде источников его называют Юзбаш). Когда-то Карягин спас от смерти отца Мелика Вани, и теперь его сын в знак благодарности был рядом с полковником во время всех походов, помогая ему, чем только мог.

Едва стемнело, стали готовиться к прорыву. Пробиваться решили налегке. Поэтому обоз оставили на разграбление персам, но трофейные фальконеты испортили и тщательно зарыли в землю, чтобы их не нашли. В полночь, помолившись, зарядили картечью пушки, уложили на носилки раненых и тихо, без шума, покинули лагерь.

Так как лошадей осталось мало, егеря сами тащили пушки на лямках. Верхом ехали только раненые Карягин, Котляревский и поручик Ладинский, да и то потому, что солдаты сами не разрешили им спешиться, обещая на руках вытаскивать пушки, где это будет нужно.

Пользуясь темнотой ночи и горной дорогой, Мелик Вани некоторое время вел отряд совершенно скрытно. И за ночь удалось уйти достаточно далеко.

С рассветом персы конечно же быстро обнаружили исчезновение русских, но пока грабили обоз и разбирались что к чему, наступил вечер, а потом и ночь, поэтому посланная погоня в темноте не то что никого не нашла, но и сама заблудилась в горах.

Именно это и спасло карягинцев от неизбежного истребления. Как говорится, Бог любит отважных!

К рассвету следующего дня егеря были уже у стен Шах-Булаха. Там не ожидали появления русских и заметили их в самый последний момент. В замке поднялась суматоха.

И снова Карягин не растерялся.

– Дорога каждая минута! Выкатывай, ребята, пушки и пали ядрами по воротам!

В два выстрела вышибли железные ворота, и внутрь замка, следом за майором Котляревским, устремились солдаты. Две пули попадают майору в ногу, заряд ружейной картечи – в руку, Котляревский падает. Но егерей уже увлекают за собой штабс-капитан Федор Вихляев, подпоручик Астафий Чичканев.

Через десять минут замок был уже в наших руках. Кто пытался оказать сопротивление, были нещадно переколоты штыками, остальных разоружили и согнали во внутренний двор. Среди убитых оказались и два хана, причем Эмир-хан, как оказалось, был двоюродным братом наследного персидского принца.

Из рапорта Карягина: «... крепость взята, неприятель прогнан из оной и из лесу с малой с нашей стороны потерю. С неприятельской же стороны убиты оба хана... Расположась в крепости, ожидаю повелений вашего сиятельства».

На вечерней переключке насчитали в строю 179 человек и 45 орудийных зарядов. К несказанной радости, в замке оказалась вода, немного пороха и провианта, так что обороняться некоторое время было можно. Наскоро заделали ворота, поставили пушки и приготовились к обороне.

Ждать долго не пришлось. Вскоре персидская армия, по пятам преследовавшая Карягина, была уже у стен Шах-Булаха.

Карягин в томительном ожидании осматривал вражеские порядки. Персы, как всегда, что-то громко кричали, размахивали саблями и ружьями, но с места не двигались. Так минул час, затем другой...

Наконец, вместо штурмовых колонн перед воротами замка появились парламентареры. Из их речи Карягин понял, что Аббас-Мирза обращался к его великодушию и просил о выдаче тела убитого родственника.

– С удовольствием исполню желание его высочества, – ответил Карягин, – но с тем, чтобы и нам были выданы все наши пленные солдаты, захваченные в экспедиции Лисенко.

– Шахзаде (наследник) это предвидел, – воздел руки к небу парламентарер, – поэтому поручил мне передать искреннее его сожаление. Все русские солдаты до последнего храбро сражались и полегли на поле брани, а их офицер на другой день умер от раны.

Это была наглая ложь, т. к. изменник Лисенко в это самое время находился в персидском лагере и советовал Аббасу-Мирзе, как лучше уничтожить своих боевых товарищей.

Подумав, Карягин не стал больше торговаться, а приказал выдать тело убитого хана, а парламентареру крикнул:

– Передайте вашему принцу, что я ему верю, но что у нас есть старая пословица: «Кто обманет, да прослывет тот бесчестным человеком!» Уверен, что наследник персидской монархии не захочет, чтобы мы считали его таковым!

Когда парламентарер, вернувшись с телом двоюродного брата, передал Аббасу-Мирзе слова Карягина, тот со злостью стегнул по спине плеткой стоявшего рядом Лисенко:

– Из-за тебя, изменник, я прослыву теперь на весь Кавказ бесчестным человеком!

На этом переговоры и закончились.

* * *

После этого персидская армия обложила замок и начала блокаду, рассчитывая голодом принудить Карягина сдаться. За последующие четверо суток осажденные съели то небольшое, что удалось найти в замке, затем перешли на конину, для чего пришлось забить последних лошадей. Но и этого хватило ненадолго. Особенно быстро заканчивалась вода.

При очередной раздаче воды капитан Клюкин, глядя на свою уменьшенную порцию, печально вздохнул:

– Вот и кружка уже наполовину пуста, а что будет дальше?

Никогда не унывающий Ладинский хлопнул товарища по плечу:

– Не все так плохо, дружище! Посмотри! Это у тебя кружка наполовину пуста, у меня же она, наоборот, наполовину наполнена!

Несмотря на напряженность момента, все рассмеялись. Улыбнулся даже дотоле пребывавший в унынии Клюкин.

В ближайшую ночь со стены кинули веревку и по ней спустили проводника Мелика Вани, который, минуя персидские дозоры, добрался до армянских аулов, а затем и до ставки Цицианова, известив его о ситуации в замке Шах-Булах. Передал он и записку Карягина.

«Если ваше сиятельство не поспешит на помощь, – писал Карягин, – то отряд погибнет не от сдачи, к которой не приступлю, но от голода».

Донесение встревожило Цицианова, но он по-прежнему не имел сил для контрнаступления на персов.

«В отчаянии неслыханном, – писал он в ответ Карягину, – прошу вас подкрепить духом солдат, а Бога прошу подкрепить вас лично. Если чудесами Божиими вы получите облегчение как-нибудь от участи вашей, для меня страшной, то постарайтесь меня успокоить для того, что мое прискорбие превышает всякое воображение».

Храбрый и ловкий Мелик Вани снова обманул персидские дозоры и благополучно добрался до замка, где его по условному сигналу втащили наверх вместе с некоторым запасом провизии, которую он доставил на двух осликах.

Карягин разделил доставленную еду поровну между всеми чинами гарнизона, но этого хватило лишь на сутки.

Голод диктовал свое. Поэтому теперь каждую ночь Мелик Вани отправлялся на поиски еды с группой егерей. Несколько раз это удавалось. Возвращались и без потерь, и с продуктами. Офицеры и солдаты теперь называли ловкого армянина не иначе как «добрый гений отряда».

Но бесконечно удача сопутствовать им конечно же не могла. И в одну из ночей охотники столкнулись лоб в лоб с персидским конным разъездом.

К счастью, персы были совершенно не готовы к такой встрече и их перебили в несколько минут штыками. Затем пользуясь темнотой и туманом, быстро стащили убитых в овраг и закидали кустарником. После чего забрали лошадей и вернулись в замок. Позже стало известно, что в персидском лагере так ничего и не узнали об участии своего исчезнувшего разъезда.

Эти отчаянные ночные вылазки позволили Карягину продержаться еще целую неделю.

А Аббас-Мирза уже терял терпение. Время шло, а он бесцельно топтался у малозначительного замка, тогда как где-то в Грузии Цицианов спешно готовился к обороне. Потеряв терпение, принц предложил полковнику большие награды и почести, если тот согласится перейти в персидскую службу и сдаст Шах-Булах, так как сам шах наслышан о его подвигах и будет счастлив иметь такого советника. Всем сдавшимся солдатам принц обещал жен и безбедную жизнь в Персии.

Прямолинейный Котляревский сразу же посоветовал послать Аббаса-Мирзу куда подальше. Но Карягин не согласился:

– Зачем мы будем возбуждать против себя человека, который желает нам добра. Пусть он еще некоторое время пребывает в счастливом неведении!

После этого Карягин просил у принца четыре дня на размышление, причем чтобы Аббас-Мирза во все эти дни снабжал его съестными припасами.

Когда передавал свои условия, на удачу надеялся не особо. Но чудо произошло, и Аббас-Мирза на эти условия с удовольствием согласился, и русский отряд, исправно получая от персов все необходимое, за последующие четверо суток отдохнул и немного отъелся.

Когда же истек последний час перемирия, Аббас-Мирза прислал к замку парламентаря.

– Шахзаде спрашивает, когда вы сложите оружие и отдадите ему замок? – спросил он.

– Завтра утром его высочество займет Шах-Булах! – ответил Карягин. – Даю слово русского офицера!

Вскоре в лагере персов начались песни и пляски – там уже праздновали будущую победу.

Едва же наступила ночь, как весь отряд, предводимый неутомимым Меликом Вани, скрытно вышел из Шах-Булаха, чтобы успеть за ночь добраться до более близкой к Елизаветополу крепостицы Мухрат.

Всех раненых Карягин определил в авангард, который возглавил дважды раненый Котляревский. Раненых везли на нескольких подводах, при этом все они были при оружии и готовы к бою. Таким образом, идущие сзади равняли темп своего передвижения по впереди идущим раненым, помогая наиболее слабым, которые при таком построении уже не могли отстать.

Несколько оставленных часовых некоторое время создавали видимость присутствия гарнизона и ушли последними при помощи армянских проводников, которые увели их горными тропами.

Двигаясь окольными дорогами, по горам и оврагам, отряду Карягина удалось обойти персидские посты столь скрытно, что персы обнаружили исчезновение русских только с восходом солнца.

В те минуты, когда персы с криками ворвались во двор пустого Шах-Булаха, авангард Котляревского уже открывал ворота Мухрата, а сам Карягин с остальными тащил через горное ущелье пушки.

Когда Аббас-Мирза понял, как ловко его обманул русский полковник, он пришел в неопишемую ярость, приказав немедленно организовать погоню, а когда русских догонят, то всех перебить, а голову Карягина привезти ему, чтобы принц попрали оную своим каблуком.

– За что же такая немилость? – деланно спросил принца командир авангарда Пир-Кулихан. – Ведь он все исполнил в точности, как вам и обещал. Солнце еще не дошло до своего зенита, а вы уже хозяин замка!

– А сдаться в плен и перейти ко мне на службу? – возрился на сардара возбужденный Аббас-Мирза.

– Об этом просили его вы, но в своем ответе он об этом ничего не сказал. Так что никакого обмана не было! – назидательно сказал молодому принцу убежденный сединами сердар, рискуя навлечь на себя его гнев.

Но ничего не произошло. Аббас-Мирза вдруг как-то сник и молча удалился.

* * *

Жуткий переход от Шах-Булаха до Мухрата навсегда остался в памяти 17-го егерского полка как одна из самых героических страниц его истории.

В какой-то момент дорогу впереди пересекла глубокая промоина реки Тертер, подводы с ранеными через нее еще кое-как перетаскивали, но перетаскать тяжелые пушки было просто невозможно. Даже Карягин, остановившись, уже подумывал, а не бросить ли орудия прямо здесь.

Но спасла солдатская смекалка. Вперед вышел батальонный запевала Сидоров.

– Ребята! – обратился он к понишим егерям. – Чего носы опустили? Стоя, города не возьмешь. Наши пушки – наши барыни, а барыням завсегда помогать надобно, потому как, во-первых, они особы благородные, а, во-вторых, потому что бабы! Поэтому перекатим-ка их на ружьях!

Несмотря на драматичность момента, поднялся хохот. Рассмеялся даже Карягин. И вправду, а что если попробовать?

Несколько ружей тотчас же были воткнуты в землю штыками и образовали своеобразные сваи, несколько других положили на них как переводины. После этого несколько солдат подперли их плечами, и импровизированный мост был готов.

– Ну, с Богом, – перекрестился Карягин. – Первая пошла!

Первая пушка разом перелетела по этому в буквальном смысле живому мосту и только слегка помяла солдатские плечи. Увы, вторая пушка сорвалась и со всего маху ударила колесом по голове двух егерей. Пушка была спасена, и ее вытащили на другую сторону, но солдаты погибли. Одним из них был егерь Гавриил Сидоров...

Как ни торопились с отступлением, однако Карягин приказал вырыть глубокую могилу, в которую офицеры на руках опустили тела погибших сослуживцев. Сам Карягин поклонился героям до земли.

– Прощайте! – сказал он после короткой молитвы. – Прощайте, истинно православные русские люди, верные царские слуги! Да будет вам вечная память! А мы еще вернемся и поставим достойный памятник, чтобы весь мир знал о вашем жертвенном подвиге.

– Молите, братья, Бога за нас, – говорили солдаты, крестясь и разбирая ружья.

Есть и другая версия этого эпизода: «...отряд продолжал движение, спокойно и беспрепятственно, пока находившиеся при нем две пушки не были остановлены небольшим рвом. Леса, чтобы сделать мост, поблизости не было. Четверо солдат добровольно вызвались посодействовать делу, перекрестясь, легли в ров, и по ним перевезли орудия. Двое остались живы, а двое за геройское самопожертвование заплатили жизнью».

Как бы то ни было, но ценой солдатских жизней пушки были переправлены. Однако уйти далеко не удалось. Едва миновали реку, вдалеке позади над дорогой поднялась пыль.

– Персы! Персы! – первым закричал никогда не терявший бдительности Мелик Вани.

Вскоре персидская конница была уже совсем рядом, с ходу устремившись в атаку. Персы на этот раз нападали столь неистово, что пушки переходили из рук в руки несколько раз.

Один из офицеров вспоминал: «...но лишь только Котляревский успел от нас отдалиться, как мы жестоко были атакованы несколькими тысячами персиян, и натиск их был так силен и внезапен, что они успели захватить обе наши пушки. Это уже совсем не штука. Карягин закричал: «Ребята, вперед, вперед, спасайте пушки!» Все бросились как львы, и тотчас штыки наши открыли дорогу».

Пытаясь отрезать русских от пустовавшей крепости Мухрат, Аббас-Мирза послал конный отряд для его захвата, но и здесь персы потерпели неудачу – инвалидная команда Котляревского в жестокое бою отбросила персидских всадников прочь.

К счастью, Мухрат уже был близко, и Карягин, отбившись от атакующей его конницы, успел добраться до него с минимальными потерями и обоими пушками.

К моменту подхода Карягина Котляревский уже занял пустой Мухрат, обнаружив там запасы провианта и воды.

– Ну теперь нас отсюда уже никто не сможет выковырять! – объявил своим изможденным егерям Карягин. – Тут мы персов хоть до самой зимы держать сможем!

Из крепостицы он немедленно отослал очередную записку Цицианову. Изложив там обстоятельства последнего перехода, полковник закончил ее такими словами: «Теперь я от атак Баба-хана совершенно безопасен по причине того, что здесь местоположение не позволяет ему быть с многочисленными войсками».

Одновременно он отправил записку и Аббасу-Мирзе, где написал: «В письме своем изволил говорить, что родитель ваш имеет ко мне милость; а я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников; а я, посевший под ружьем, за счастье сочту пролить мою кровь на службе Его Императорского Величества».

В это трудно поверить, но горсть егерей полковника Карягина задержала огромную персидскую армию в Карабахе на долгих три недели! Мужеством русских офицеров и солдат Грузия была в очередной раз спасена от вторжения и разорения!

Пока Аббас-Мирза безуспешно пытался уничтожить отряд Карягина, Цицианов успел собрать, рассеянные по границам и провинциям войска – две с половиной тысячи человек с десятью орудиями, после чего немедленно выступил навстречу противнику.

Уже через пару дней отряд Цицианова, отбросив авангард персов от реки Тертер, расположился лагерем у селения Маздычерт.

Получив сведения, что навстречу ему движутся русские полки во главе с самим наместником, Аббас-Мирза понял, что эту кампанию он проиграл еще до генерального сражения. Но отступить без сражения значило прослыть трусом и неудачником.

Сразу же, потеряв всякий интерес к находящемуся в Мухрате Карягину, Аббас-Мирза начал лихорадочно готовиться к предстоящей встрече с Цициановым.

Что касается Карягина, то, узнав о приближении Цицианова, он ночью скрытно оставил Мухрат и двинулся на соединение с заместителем.

Через несколько часов у села Маздыгерт они соединились.

Так завершился беспрецедентный поход батальона егерей 17-го полка.

* * *

Когда остатки батальона вошли в Маздыгерт, на егерей невозможно было смотреть без слез. Все без исключения – раненые-перераненные, в лохмотьях, с заросшими щетиной изможденными лицами, они несли на носилках и тащили на руках своих ослабевших и тяжело-раненых товарищей. Впереди под изрешеченным пулями батальонным знаменем едва державшийся на ногах скелет, в котором почти невозможно было узнать храброго полковника Карягина. Рядом с ним ковыляла еще два доходяги – майор Котляревский и знаменосец.

Егерей Цицианов встретил со всей возможной торжественностью. Полки в полной парадной форме были выстроены развернутым фронтом, и, когда показались карягинцы, Цицианов выхватил из ножен саблю и сам скомандовал:

– На караул!

В ответ взлетели и замерли в солдатских руках тысячи ружей, блистая на ярком солнце синей сталью штыков.

По рядам гремело «Ура!», барабаны били поход, знамена преклонялись...

Приняв рапорт Карягина и расцеловав его, Цицианов обошел строй, расспрашивая егерей о понесенных ранах. Затем вышел перед войсками и заявил, что сегодня же отпишет государю о небывалом подвиге 17-го егерского.

Тут же поздравил, по представлению Карягина, георгиевским кавалером поручика Ладинского, который, несмотря на тяжелое ранение, по-прежнему находился в боевом строю. К сожалению, несмотря на представление Цицианова, Ладинский Георгиевский крест тогда так и не получит. Вручат ему заслуженную награду лишь спустя сорок лет...

Сразу же после торжественной встречи тяжелораненые были помещены в госпиталь, остальных Карягин увел в Елизаветполь.

Там же стало известно, что император пожаловал Карягину золотую шпагу с надписью: «За храбрость». Орденами и медалями были награждены все участвовавшие в беспримерном походе офицеры и егеря. Что касается храброго проводника отряда армянина Мелика Вани, то ему был даден чин прапорщика, золотая медаль и двести рублей пожизненной пенсии.

Глава шестая

Наполеон, как известно, стал последним французским кошмаром англичан. Того самого кошмара, который определял всю английскую политику предыдущего XVIII века с отчаянной борьбой за новые рынки, за контроль над мировой торговлей, борьбой за Америку и Индию. По сути, вся борьба Наполеона с Британией – это была попытка реванша за предыдущее поражение Франции в Америке. Исход этой борьбы предопределился Трафальгарским сражением в октябре 1805 года, когда англичане под командованием вице-адмирала Нельсона полностью уничтожили французский флот.

– Франция уже навсегда потеряла влияние на море. Отныне все океаны подвластны Британии. Мы можем отправиться туда, куда нам заблагорассудится, и наша торговля будет защищена. Мы можем легко полностью отрезать Европу от торговых путей! – заявил тогдашний министр иностранных дел лорд Малгрейв.

– А можем ли мы отрезать от торговых путей Россию? – спросили его дотошные журналисты.

Вместо ответа Малгрейв пустился в отвлеченные рассуждения.

– А находится ли сейчас Индия в полной безопасности от возможности русского вторжения? – снова последовал неудобный вопрос.

– Нет! – честно признался министр иностранных дел и опустил голову. – На суше им преграждают путь Персия и Афганистан, а на море наш флот.

– А что если русские или французы попробуют высадиться в Персидском заливе? Сможет ли королевский флот их уничтожить? – не унимались дотошные журналисты.

– Безусловно! – гордо ответил лорд Малгрейв.

В тот же день он послал распоряжение в Калькутту активизировать затянувшиеся переговоры с Тегераном об английских базах на Каспийском море и в Персидском заливе. Дело в том, что Фетх-Али очень рассчитывая на помощь англичан в новых пушках и ружьях, согласно договору 1801 года пытался выторговать их ценой некоторых политических уступок. После оглушительной оплеухи, полученной от русского полковника Карягина, Фетх-Али-шах стал настаивать на срочном предоставлении ему оговоренной договором помощи. Тут-то англичане потребовали за это передать им в аренду все причалы Каспийского моря, а кроме того, разрешить сооружение крепости в порту Бушир, что в Персидском заливе, и предоставить стратегически важный остров Харк в том же заливе.

– Мы предоставим Персии самое лучшее оружие, если шах отдаст нам Персидский залив и Каспийское море! – заявил представитель англичан.

От этого предложения Фетх-Али отказался:

– Потерять Бушир и Харк то же самое, что потерять Грузию! Но за Грузию я хоть воюю, а порт с островом мне предлагают отдать за просто так!

К нашему большому счастью, переговоры быстро зашли в тупик и вторжение англичан на Каспийское море так и не состоялось.

* * *

11 июля 1805 года Цицианов с главными силами двинулся в Карабах. Наши войска форсировали реку Тертер, после этого персидская армия, к которой уже прибыл сам шах, предпочла, не вступая в генеральное сражение, отступить за пограничный Аракс. Тогда же была разблокирована и Шуша, где месяц героически держался батальон майора Лисаневича.

Теперь в Северном Азербайджане осталась только конница Аббаса-Мирзы и его верного помощника Пир-Кули-хана, которые не желали закончить кампанию 1805 года без какого бы то ни было успеха.

На сей раз принц проявил себя талантливым полководцем и, совершив ловкий обходной маневр, рванул на Елизаветполь, стремясь наскоком захватить город и крепость.

Однако небольшой гарнизон Елизаветполя, состоящий из нескольких сотен солдат, казаков и армян-добровольцев, нападение персидской конницы отразил. После этого Аббас-Мирза откатился к Шамхору, где решил возбудить мятеж местных жителей, после чего ударить по Тифлису, который был практически беззащитен, так как Цицианов забрал оттуда всех солдат, кроме тяжелобольных.

Но Аббасу-Мирзе снова не повезло. Неожиданно для себя он вновь столкнулся со своим недавним оппонентом – полковником Карягиным. И эта новая встреча радости Аббасу-Мирзе не доставила.

Отряд Карягина, как мы знаем, в это время следовал в Елизаветполью на отдых.

Разумеется, что с измученными предыдущим походом солдатами он догнать конницу Аббаса-Мирзы не смог бы. Но к счастью, случайное обстоятельство задержало конницу Аббаса-Мирзы на месте.

В районе селения Дзегам (Загам) Аббас-Мирза неожиданно натолкнулся с шедшим из Тифлиса к Елизаветполю небольшим конвоем, перевозящим боеприпасы и провиант. 27 июля российский конвой был атакован многотысячной конницей Пир-Кули-хана. Несколько десятков русских солдат и с ними грузинские погонщики, составив каре из арб, защищались отчаянно, несмотря на то что на каждого из них приходилось по сотне персов. Опытный Пир-Кули-хан, окружив импровизированный вагенбург, расстреливал его из пушек, требуя сдачи и угрожая, что в противном случае всех истребит. На это начальник транспорта, поручик Донцов, ответил кратко, но исчерпывающе: «Умрем, а не сдадимся!»

После этого обстрел скученных арб, перемежающийся с конными атаками, продолжился. Положение маленького отряда с каждой минутой становилось все более отчаянным. Вскоре получил смертельную рану храбрый Донцов. Принявший после него команду прапорщик Плотневский во время контратаки был ранен и схвачен в плен. Убитыми и ранеными были уже больше половины солдат и погонщиков. При этом в живых не осталось ни одного офицера. Защиту обоза возглавил один из унтер-офицеров, но вскоре пал и он. Оставшиеся в живых еще отбивались, но решимость их была поколеблена. Кто знает, чем бы все тогда закончилось, если бы не карягинцы.

Они появились в самый критический момент боя, и все мгновенно переменялось. Опытным глазом Карягин мгновенно оценил непростую ситуацию и принял единственно правильное решение. Его далеко не полный батальон стремительно атаковал главный лагерь наследного принца, егеря прорвались к шатру Аббаса-Мирзы и овладели артиллерией. Не давая неприятелю опомниться, солдаты повернули отбитые пушки на скопление конницы и открыли жестокий огонь.

А затем кто-то из персов крикнул: «Карягин!»

Этого оказалось достаточно. Услышав о страшном Карягине, персидская конница в ужасе бросилась во все стороны. Обескураженный Аббас-Мирза уже не помышлял о реванше и поспешно ушел за Аракс.

Поражение персов было столь сокрушительно, что трофеями этой небывалой победы, одержанной горстью солдат над целой армией, были весь неприятельский лагерь, огромный обоз, артиллерия, знамена и множество пленных, в числе которых и раненый изменник – грузинский царевич Теймураз Ираклиевич.

* * *

Между тем в наших войсках начались заболевания. Зараза не разбирала, с кем имеет дело – генерал ли это или солдат. Цицианов писал Чарторыйскому о своем здоровье во время июльского похода 1805 года, жалуясь то на лихорадку трехдневную, то на четырехдневную, то на «понос от худых в Карабаге вод»: «...из Шамхора привезли меня полумертвым со спазмами в желудке, да и теперь не более недели как лихорадка меня оставила, – в чем, буде нужно, к стыду звания моего, свидетельствуюсь всеми медицинскими чинами и всеми войсками, здесь находившимися, кои видели меня на переходах в день лихорадки, что я принужден был каждые 3 версты слезать с лошади и ложиться на землю, пока пароксизм кончится, и после привала догонять колонну».

Выражая признательность за поздравления по поводу выздоровления, Цицианов довольно ясно выразил неудовольствие, что в Петербурге узнавали о его болезнях от неизвестных ему информаторов.

Избавившись от персов и немного придя в себя после болезни, наместник начал приводить в чувство окрестных владетелей. Начал с Ширванского ханства, которое обеспечивало коммуникации, идущие из Тифлиса к Каспию. Тамошний хан Мустафа изворачивался как только мог. Напрямую от подчинения России он не отказывался, но и не спешил выполнять требования Цицианова. Все оставшееся лето шли переговоры, но успеха они не принесли. Мустафа-хан по-прежнему пытался лавировать между Россией и Персией. Наконец терпение Цицианова лопнуло. 30 ноября 1805 года он во главе большого отряда форсировал Куру и вторгся в Ширван. После этого Мустафа-хан, поняв, что шутки кончились, безропотно подписал договор о переходе в подданство России. Переход сильного и влиятельного Ширванского ханства под руку России укрепил наши позиции в Закавказье и, соответственно, ослабил позиции Тегерана. Следом за Ширваном приняли российское подданство Карабахское и Шекинское ханства, Шурагельский султанат.

Не теряя времени, в самом конце 1805 года Цицианов решил окончательно поставить под контроль Бакинское ханство и Решт, дабы утвердиться в юго-западной части Каспия. Решить вопрос с Баку и Рештом должен был генерал-майор Завалишин.

* * *

Приказ Цицианова о подготовке и проведении десантной операции против Решта фельдъегерь доставил в Астрахань еще весной 1805 года. Но быстро отправиться в море не получилось. Уж больно много на Каспийской флотилии имелось всяческих недоделок, которые, как всегда, исправляли уже в самый последний момент.

Наконец в последних числах июня в устье Волги у Сладкоеричной пристани приняли на борт десант – полторы тысячи солдат Казанского полка. Помощником к Завалишину был определен известный своей храбростью подполковник Казанского полка Асеев.

После этого флотилия взяла курс к Энзели, что на противоположном берегу Каспия. Море не штормило, и переход ничем не был омрачен, лишь пару раз падал ветер, и приходилось некоторое время штилевать. 23 июня подошли к Энзели.

Увы, никто на флотилии еще не знал, что обстановка в Закавказье к этому времени изменилась не в нашу пользу. Персы были уже в Карабахе, а полковник Карягин после отчаянного дела при Аскерани уже начал свое героическое отступление...

...С палубы Завалишин осмотрел оборону Энзели. В сам порт вел узкий пролив. На его берегах были сооружены укрепления, рядом с которыми стояли толпы вооруженных персов, грозно потрясая оружием.

– Что будем делать? – спросил Завалишина командовавший отрядом судов капитан-лейтенант Веселаго.

– Как что? – удивился тот вопросу. – Высаживать десант! Зачем же мы сюдаплыли?

После этого капитан-лейтенант Веселаго послал три галиота под командой Челеева для овладения городом. Наши приготовились к серьезному бою, но все обернулось иначе. Едва первый из галиотов под огнем береговой батареи миновал пролив, как защитники города в панике бросились в свои лодки и поспешили спастись бегством.

После этого разбежалась и прислуга орудий.

Через час лейтенант Челеев уже докладывал Завалишину с Веселаго:

– Так что дело сделано. Персияне, как один, разбежались. Наша добыча – три купеческие лайбы да восемь фальконетов, а также весь город! Увы, ключей от Энзели достать не удалось за отсутствием оных!

Завалишин остался докладом доволен. Пока все складывалось как нельзя лучше. Немедленно была дана команда на своз десанта, пушек и припасов. Через пару часов рота казанцев во главе с подполковником Асеевым заняла Энзели, подняв над ним русский флаг.

Затем с двумя ротами Асеев выступил к селению Пери-Базар, что находилось по дороге на Решт. Так как наступление шло вдоль реки, казанцев сопровождали четыре вооруженные фальконетами шлюпки, под командой все того же неугомонного лейтенанта Челеева. Работали дружно и слаженно – Асеев выбивал персов штыками из засек, а Челеев поливал их картечью из фальконетов. Подойдя к селению, Асеев велел барабанщикам бить атаку и в ходе трехчасового боя овладел Пери-Базаром.

Однако именно в это время Завалишин получил от лазутчиков известие, что у Решта персы собирают серьезные силы, чтобы одновременной атакой Пери-Базара и Энзели отрезать отряд Асеева от моря, а потом истребить.

Опасность была реальной, так как многочисленность противника, густой прибрежный лес не давали возможность организовать правильный бой, в котором наши были несравненно сильнее.

– Что будем делать? – обратился в некоторой нерешительности Завалишин к Асееву. – Может, лучше с наступлением повременить?

– Если отложим, дальше будет только хуже, а потому надо немедленно идти вперед! – ответил храбрый подполковник.

– Ну, вперед так вперед!

5 июля на Решт выступил отряд – восемь сотен солдат и три пушки. Возглавил отряд Асеев. Впрочем, Завалишин также отправился с ним. Для прикрытия Энзели он оставил четыре сотни солдат и суда Веселаго.

Впрочем, перед самым выступлением отряда Завалишин отправил с местным купцом письмо Цицианова к Бабе-хану, требуя от последнего миролюбия и покорности.

К большому разочарованию Челеева и его матросов, за Пери-Базаром река уходила в другую сторону, и сопровождать отряд было уже нельзя. Пожелав удачи Завалишину с Асеевым, лейтенант развернул свои шлюпки обратно.

А вскоре первая неожиданность – на пути следования отряда посреди дороги персы воздвигли земляную крепостицу, вокруг которой собрали семь тысяч воинов.

Неожиданный огонь противника внес расстройство в ряды Казанского полка, появились первые потери. И если люди быстро попрятались за камни и в овраги, то лошадей деть было просто некуда. Поэтому вскоре персы их всех перестреляли.

Опомнившись от первого удара, Завалишин с Асеевым ободрили солдат и ударили в штыки. Не приняв боя, персы бежали.

Увы, но теперь без лошадей продвижение отряда стало весьма медленным, так как пушки солдатам пришлось тащить на себе. К тому же вскоре у одной из пушек вообще сломалась ось, и ее пришлось бросить прямо на дороге.

Вскоре по сторонам дороги снова замелькали персы и хотя нападать они опасались, но стреляли из-за кустов и деревьев постоянно. При этом чем дальше, тем стрелков становилось все больше и больше. Наконец отряд дошел до широкого арыка, через который имелся каменный мост. К сожалению, персы успели до подхода наших его разломать. Офицеры и солдаты сгрудились на краю арыка под обстрелом противника. Был ранен Асеев и, хотя подполковник, перевязав рану, мужественно остался в строю, Завалишин принял командование отрядом на себя. Еще раз окинул взглядом поредевшие ряды. Все были измождены, да и патроны с порохом также были на исходе.

– Сколько еще до Решта? – с тревогой в голосе спросил генерал проводника-армянина.

– Ровно столько же, сколько прошли, – ответил тот. – Семь верст.

Надо было что-то срочно решать, иначе все могли быть просто перебиты. Сколь ни тяжело было принять единственно правильное в той ситуации решение, Завалишин его все же принял.

– Отступаем! – приказал он коротко. – Пушки тащим с собой.

Едва персы увидели, что наши отходят, они немедленно усилили натиск. Теперь единственное, что сдерживало их пыл – это картечь. Причем противник трижды захватывал оставшиеся две пушки, но всякий раз казанцы отгоняли их штыками.

Так медленно отступая, отряд дошел до Пери-Базара. Удержать селение не было никакой возможности, и Завалишин продолжил отступление уже на Энзели.

Наконец добрались и до Энзели. Под прикрытием корабельных пушек сразу почувствовали себя уверенней.

– Будем ждать ответа Баба-хана, может, что все еще и образуется, – объявил офицерам Завалишин, хотя и без обычной уверенности в голосе.

Но последующие известия не оставили и последнего шанса на улучшение дел. Как выяснилось, Баба-хан вместо ответа Цицианову направил в Гилян еще шесть тысяч войска, которое через неделю должно было подойти к Решту.

Между тем началась и невыносимая жара, от которой солдаты просто падали без чувств.

Отчаявшись что-то поправить, Завалишин дал команду грузить десант на суда.

– Курс на Баку! – велел он. – Не получилось на южном берегу, попробуем взять свое на западном!

* * *

Правитель Баку Хусейн-Кули-хан был человеком многоопытным. Едва в жарком воздухе Закавказья запахло большой войной, он начал укреплять свой город, превращая его в мощную крепость. Во времена оные Хусейн-Кули-хан был дружен с генералом Цициановым, а потому понимал, что тот слов на ветер не бросает – если прислал письмо о незамедлительном принятии российского подданства, то послушания не потерпит.

Поэтому буквально за три недели до подхода русской флотилии Хусейн-хан велел вывезти в безопасные горы самое ценное имущество, женщин и детей, оставив в Баку лишь способных к его защите.

Так что к моменту прибытия Завалишина город был полон припасов, а стены ошетились стволами орудий.

Сам Хусейн-Кули-хан заявил своим подданным:

– Я лично буду защищаться как лев и того же требую от всех вас. Мы покинем наш Баку только тогда, когда уже не останется никакой возможности к обороне! Клянётесь ли вы быть послушными мне?

– Клянемся! – кричали в ответ бакинцы, потрясая ятаганами и ружьями.

Все ворота в город Хусейн-Кули-хан забаррикадировал, кроме одних, через которые он полагал уйти в горы в случае крайних обстоятельств.

Когда флотилия Веселаго подошла к Баку и высадившийся десант занял торговый порт, Хусейн-хан послал к Завалишину переговорщиков узнать о причинах прихода, хотя все и так было очевидно, что русские пришли не просто погостить.

Завалишин, не будучи дипломатом, ответил прямо:

– Я прислан по повелению моего государя императора Александра занять Баку, а посему требую немедленной и безусловной сдачи! На раздумья даю двое суток и ни минуты больше!

Теперь у владельца Баку оставалась надежда, что шах пришлет войска и выгонит русских, но на это надо было время. К тому же и русские не смогут сидеть под стенами Баку нескончаемо. Короче, время работало на Хусейна-Кули-хана, поэтому он, проглотив обиду, двое суток послушно молчал, когда же время вышло, вновь прислал парламентаря. И тот, потупив глаза, заявил, что бакинский хан просит продлить отсрочку... на два месяца.

От такой наглости Завалишин даже рот открыл. Затем, когда пришел в себя, заявил резко:

– Я требую сдачи крепости до захода солнца. Ежели этого не будет, начинаю бомбардировку!

Разумеется, что с наступлением ночи Баку не сдался. На этом все переговоры были исчерпаны, и на следующий день (это было 15 августа – день Успения Богородицы) наши открыли огонь по крепости. В ответ из крепости тоже полетели ядра.

При этом защитники крепости были точнее, так как артиллеристам Веселаго мешала знаменитая каспийская мертвая зыбь. И не шторм как таковой, но качает и кренит корабли так, что не возрадуешься! По этой причине ядра с судов флотилии летели в цель не слишком точно.

А затем разорвало в клочья две мортиры, поубивав обслугу. Веселаго с Челеевым кинулись разбираться, оказалось, что мортиры старые, помнившие еще Петра Великого и по этой причине наверняка все с внутренними кавернами, отчего и лопнули стволы при очередном залпе. Увы, и большинство других орудий было ненамного лучше. Но стрелять было надо, и теперь, зарядив пушки, канониры отбегали подальше, лишь один (в очередь!) оставался с пальником подле орудия, чтобы произвести рискованный залп. К тому же ядра 12-фунтовых пушек не могли сделать сколько-нибудь значительных повреждений трехаршинным массивным стенам крепости.

Так долго продолжаться не могло. Понимая это, Завалишин решил обложить Баку и с суши.

22 августа подполковник Асеев начал высаживать десант. Но, несмотря на противодействие бакинцев и отсутствие лошадей, Асеев не только обложил Баку и занял ближайшие высоты, но еще отбил у противника две пушки и три знамени. Впрочем, Хусейн-Кули-хан был по-прежнему полон решимости драться до конца, тем более что он наконец-то получил известие, что на помощь Баку спешит его старый союзник Шейх-Али Дербентский.

Узнал об этом и Завалишин. Нам неизвестно почему, но узнав о возможном приближении дербентцев, Завалишин почему-то надломился и потерял волю к победе.

Генерал-майор собрал военный совет. На совете мнения разделились. И Асеев, и Веселаго ратовали за продолжение осады, другие же, наоборот, были за ее снятие и чем скорее, тем лучше. После некоторого колебания Завалишин принял сторону вторых.

3 сентября еще до подхода Шейха-Али он приказал грузить десант на суда и уходить.

– Следуем к острову Сара, что у Ленкорани, – объявил Завалишин, – хоть поможем дружественному нам шагазскому хану вывести в пределы российские четыре тысячи его семейств, изъявивших желание принять наше подданство.

– Курс на Ленкорань! – объявил своим капитанам Веселаго. – Митрий, разворачивай карту соответственную!

Вооружившись циркулями, офицеры быстро определили курс и время перехода.

– Скоро будем на месте! – доложили мрачному Завалишину.

Паруса русских судов еще не исчезли с морского горизонта, как под стены Баку прибыли дербентский и хамбутагский владетели, чтобы уже не воевать, а лишь торжественно вступить в город.

Вскоре флотилия уже подходила к острову Саре. Но и там бедного Завалишина ждала неудача. Более двух месяцев стоянки у ленкоранских берегов ни к чему не привели. Шагизцы так и не появились.

Как оказалось впоследствии, тальшинский хан просто не разрешил им проход через свои земли, боясь мести со стороны персидского шаха.

От Ленкорани Завалишин отослал отчет о своих действиях Цицианову, а также захваченные под Баку знамена. «Пылкий» Цицианов, прочитав послание подчиненного и увидев его трофеи, пришел в бешенство.

Из письма Цицианова Завалишину: «С получением знамен, взятых вами у бакинского хана, я устыдился, и еще сто крат стыднее бы мне было отправить их к высочайшему двору, ибо одно из них сделано из бахчи – платка, в который торговцы завертывают; другое – из онучи, которой персияне обвертывают ноги вместо чулка; а третье – холстинное, лезгинского покроя, но самого низкого. Знамена я здесь брал, но ни одного такого не видел. Не могу вам не заметить также противоречия, замеченного в ваших рапортах, в которых вы говорите, что подполковник Асеев от вас нигде не отставал, а по реляциям вашим вижу, что он везде впереди вас был и все берега занимал. Во всяком случае, вам лучше бы было и не свозить десанта, тогда бы хан счел, что вы приезжали только его постращать, а войска назначены были против Решта и сие заключение было бы для вас гораздо полезнее, чем взятие двух пушек и трех знамен храбрейшим из храбрейших Асеевым».

Справедливы ли были обвинения Цицианова? По большей части, думается, что нет. Завалишин, разумеется, потерпел неудачу, которая сразу же негативно сказалась на перемене отношения к нам всех закавказских ханов. Но серьезных ошибок он нигде не совершил, просто так сложились обстоятельства. Да и сил для решения поставленных перед Завалишиным задач было явно недостаточно. Так, в Персидском походе Петра I в 1722–1723 годах участвовало до 37 тысяч войск, а в Персидском походе Зубова в 1796 году до 35 тысяч. Что мог сделать Завалишин со своей горстью солдат?

При этом он поступил благоразумно, не дав уничтожить свой отряд ни под Рештом, ни под Баку. Победным поход его не получился, но и поражения не произошло.

Цицианов был человеком вспыльчивым и резким, но в то же время и отходчивым. Спустя некоторое время он успокоился и уже в письме императору ходатайствовал о награждении генерал-майора Завалишина за боевые действия в кампании 1805 года орденом Святой Анны 1-го класса с алмазами. Помимо этого, особо просил Александра I обратить внимание на храброго подполковника Асеева.

* * *

А затем Цицианов принял самое роковое в своей жизни решение. Он приказал Завалишину свезти войска с судов на Апшеронский полуостров и пешим порядком следовать снова к Баку. Кроме этого, Цицианов направил к непокорной крепости и почти две тысячи солдат из

других отрядов. Отправился он туда и сам, чтобы лично завершить то, что так неудачно начал Завалишин. Прежде всего, надо было уменьшить недовольство итогами кампании в Петербурге. Подчинив Ширванское и Бакинское ханства, наместник надеялся получить от Тегерана мир, установив границу между империями по рекам Куре и Араксу.

Дело в том, что в 1796 году, во время похода графа Зубова в Закавказье, Цицианов был назначен комендантом захваченного Баку и тогда близко сошелся с Хусейном-Кули-ханом. Именно это, полагал он, должно было в этот раз помочь ему в решении судьбы Баку.

– Уж с Хусейном я всегда смогу договориться, – не раз говорил генерал своим офицерам.

Помимо этого, наместник хотел наглядно продемонстрировать нелюбимому им Завалишину, как следует воевать.

На время своего отсутствия старшим начальником в Закавказье Цицианов оставил генерал-майора Портнягина.

Для похода наместник сформировал двухтысячный отряд при десяти орудиях и с присущей ему решительностью двинулся через Ширванское ханство, Баку. Завалишину и Каспийской флотилии снова предписали идти к Баку. Бакинскому хану еще раз предложили перейти в подданство России. Проект договора предполагал ввести в Баку портовое управление, в крепости поставить гарнизон в тысячу солдат. Хану было предложено и годовое содержание в 10 тысяч рублей. Но тот гордо отказался.

Тем временем Завалишин повторно высадил десант у стен Баку, и Хусейн-Кули-хан заперся в крепости.

Поход Цицианова начался 23 ноября 1805 года. С одной стороны, это было выгодно, снег, выпадавший в горном крае от Тавриза до Карабаха, отнимал у Аббаса-Мирзы возможность прислать помощь. С другой стороны, выпавший снег затруднял движение.

Зимний поход нелегко дался Цицианову, и он серьезно заболел. Тяжелые приступы заставляли его по несколько раз в день останавливаться, а затем догонять войска. По этой причине наместник пребывал в самом мрачном расположении духа.

– В таком настроении на войну не ходят, – говорили меж собой штабные офицеры, – так и беду накликают недолго!

30 января 1806 года Цицианов подошел к Баку и потребовал немедленной сдачи города. А чтобы старый друг Хусейн-Кули был сговорчивее, отряд егерей почти беспрепятственно занял передовое укрепление.

После недолгих переговоров Хусейн-Кули-хан согласился капитулировать. Сама капитуляция была назначена на 8 февраля. Казалось, что все самое трудное уже позади.

Утром назначенного дня князь Цицианов в полной парадной форме отправился принимать капитуляцию. С собой он взял лишь переводчика – подполковника князя Елизабара Эристова и казака, чтобы следить за лошадьми.

На слова Завалишина о том, что не помешала бы более многочисленная охрана, Цицианов ответил так:

– Я уже девять лет дружу с Хусейном-Кули-ханом, и большой конвой может его обидеть недоверием.

Местом встречи двух старых друзей был определен колодец в сотне саженях от крепостных ворот.

Цицианов прибыл к колодцу первым. Время шло, но Хусейн-Кули-хан все не показывался. Наместник мрачнел. Что-то складывалось не так, как планировалось.

– Елизабар! – обратился он к Эристову. – Езжай к воротам и напхни Хусейн-хану, что своей задержкой он оскорбляет представителя российского императора.

Эристов, прищпорив коня, помчался к воротам Баку, передал предупреждение Цицианова и вернулся обратно.

Наконец, из ворот выехали бакинские старейшины-беки и комендант с символическими ключами от крепости. Склонив головы в знак покорности, они преподнесли наместнику Кавказа хлеб и соль. Но ключи передавать не спешили.

– Почему я не вижу моего друга Хусейн-хана? – поинтересовался Цицианов, отламывая корочку хлеба и макая ее в соль, по старому обычаю.

– Хан боится, что вы злы на него, и не решается предстать пред вашим взором! – сообщил старший из беков.

– Зачем ему меня бояться? – удивился Цицианов. – Мы с ним старинные приятели, и я не держу на него зла. Пусть выезжает ко мне хоть с тысячным конвоем, я буду ждать его лишь с князем Эристовым! И передайте, что, в противном случае, переговоры будут прерваны, и я вернусь к бакинским стенам уже с солдатами и пушками.

Наконец из крепости выехал и сам хан в сопровождении охраны. Когда Хусейн-Кули подъехал, Цицианов сошел с лошади, и они дружески обнялись...

Цицианов еще не разжал своих объятий, как получил удар кинжалом в спину. Упавшего на землю наместника тут же безжалостно добились несколькими выстрелами в упор охранники хана. Одновременно был убит и Эристов. Уже мертвому Цицианову отсекли голову.

После этого Хусейн-Кули-хан вместе с телом и головой наместника ускакал в крепость.

Впоследствии говорили, что Цицианова убили приближенные хана, не желавшие капитуляции, а сам он якобы был в полном неведении. Но в это слабо верится.

По донесению Завалишина, Цицианова убил приближенный хана – Ибрагим-бек. При этом, обнимая Цицианова, Хусейн-Кули-хан развернул его спиной именно к Ибрагим-беку, чтобы тому удобнее было убивать наместника.

Как стало известно позднее, голову и руки российского наместника Ибрагим-бек лично отвез персидскому принцу Аббасу-Мирзе и тот пожаловал ему за предательское убийство титул хана и земли.

Большинство офицеров, взбешенные таким гнусным предательством, требовали немедленного штурма.

– Решается вопрос о чести и славе русской армии! – говорили они Завалишину.

Мщением горели и любившие Цицианова солдаты.

К сожалению, в данной непростой ситуации генерал-майор Завалишин оказался не на высоте. Гибель Цицианова подействовала на него удручающе. На немедленный штурм Баку он так и не решился.

Между тем пришла зима. Скоро осаждавшие уже довольствовались половинными пайками, стояли в снегу, без хлеба, без дров и без амуниции. Жестокие вьюги, начавшиеся с февраля и продолжавшиеся попеременно с дождем и морозом, развили болезни. Появилось много обмороженных. По малому числу палаток больные лежали на земле, укрытые одними шинелями, в большинстве изодранными; у многих солдат не было белья. Вскоре в отряде было уже не более тысячи здоровых, из которых только треть могла владеть оружием, остальные же до такой степени слабы, что не могли править службу.

Оставаться далее на одном месте без всякой деятельности было более чем неблагоприятно, а что еще можно предпринять, Завалишин не знал. Поэтому 11 февраля 1806 года он собрал военный совет из командиров частей и штаб-офицеров. Два-три голоса было подано в пользу штурма, но большинство членов совета было противного мнения, предоставляя усмотрению самого Завалишина – штурмовать Баку или нет.

И Завалишин предпочел отвести войска от крепости. Увы, любимец Суворова, пытавшийся всю жизнь подражать своему кумиру и сочинявший в его честь героические оды, сам героем не оказался. Что ж, в жизни бывает и такое...

Впрочем, объективные причины для ухода из-под Баку у него действительно были.

Спустя несколько дней все войска погрузили на суда Каспийской флотилии. После перехода к берегу Северного Дагестана там был высажен отряд Цицианова, который и отбыл к Кизлярской крепости. А сама флотилия вернулась в Астрахань.

К сожалению, зимняя кампания 1806 года стала последней и для легендарного полковника Карягина. Сказались все перенесенные раны и лишения – Карягин заболел лихорадкой, которая быстро развилась в гнилую горячку. Последней его наградой был орден Владимира 3-го класса, полученный за несколько дней до кончины...

* * *

В лице князя Павла Дмитриевича Цицианова Россия понесла большую утрату. Управляя Кавказом всего три года, он смог за этот срок раздвинуть границы империи до Черного и Каспийского морей. Цицианов успокоил Грузию, усмирил лезгин, присоединил к России Имеретинское царство и Мингрельское княжество. Цицианов отбил персидское нашествие, штурмом взял Гянджу, подчинил Шурагельскую область, Карабахское, Шекинское и Ширванское ханства. Унял самоуправство местных ханов и беков. Отныне и навсегда Грузия была освобождена от постоянной угрозы со стороны Турции и Персии, перестала платить дань деньгами и рабами лезгинам и туркам. Цицианов приступил к постройке дороги от Кавказской линии в Грузию, обновил город-крепость Владикавказ, учредил постоянное почтовое сообщение по Военно-Грузинскому тракту. Наместник всячески поощрял русское образование в Тифлисе, требуя присылки туда русских учителей, доставки русских книг. Отправлял, несмотря на слезы матерей, десятки отпрысков благородных семей на учебу в Петербург. И все это за каких-то три года!

...Только после присоединения Баку к России останки Цицианова будут преданы погребению в городской армянской церкви. Через несколько лет прах наместника будет перенесен в тифлисский Сионский собор. Траурную процессию до самого Тифлиса будут сопровождать войска, отдавая воинские почести своему вождю. Весь Тифлис выйдет навстречу процессии, и толпы народа будут безмолвно сопровождать прах русского генерала и потомка картли-кахетинских царей. Над могилой Цицианова поставят памятник с эпитафией: «Под сим монументом сокрыты тленные останки Цицианова, коего слава переживет прах его».

Спустя годы о подвиге генерала Цицианова скажет великий Пушкин:

...И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов...

После убийства Цицианова временным наместником Кавказа был назначен скромный и толковый генерал-майор Портнягин.

Но Фетх-Али просчитался, рассчитывая на серьезную помощь англичан, согласно договору 1801 года. Его союзники стремились лишь использовать ситуацию в своих интересах. Поэтому, когда после ряда серьезных поражений в 1805 году Фетх-Али-шах стал настаивать на предоставлении ему оговоренной договором помощи, англичане немедленно потребовали за

это передать им в аренду все причалы Каспийского моря, а кроме того, разрешить сооружение крепости в Бушире и предоставить им столь вожеленный остров Харк.

«Мы предоставим Персии самое лучшее оружие, если шах отдаст нам Персидский залив и Каспийское море».

Глава седьмая

Итак, русские войска на Кавказе остались без авторитетного предводителя, а Грузия в ситуации безначалия. Едва известие о смерти Цицианова разнеслось по Кавказу, вступившие уже было в российское подданство ханы Карабахский, Шекинский, Шамахинский и Кубинский мгновенно забыли все клятвы.

– Мы обещали слушаться лишь князя Цицианова, а не любого, кого пришет властвовать русский царь! Теперь Цицианова нет, а значит, и клятвы тоже нет!

Сразу же возник и масштабный антирусский заговор, грозивший большими бедами. Самым вероломным из ослушников оказался кубинский хан Сурхай. Договорившись с аварским ханом, обещавшим прийти к нему на помощь с войском, Сурхай обещал напасть на наш пост на реке Куре, после чего двинуться на Гянджу и начать полномасштабные действия против России. Одновременно Шейхали-хан Дербентский и Мустафа-хан Ширванский должны были двинуться к Нухе и там соединиться с шекинским ханом Селимом. После этого к заговорщикам должен был подойти во главе персидской армии сам Аббас-Мирза с изменником-царевичем Александром. Что и говорить, план был неплох, осталось лишь его исполнить!

Первыми начали мятеж Ширванское и Шекинское ханства. Узнав об этом, заволновались и горские племена.

Храбрый генерал Портнягин лично метался из города в город, стремясь всех успокоить. Но авторитета и опытности в таких делах ему не хватало. В Закавказье, как никогда ранее, требовалась твердая рука, которая бы восстановила порядок.

К счастью, такая рука быстро нашлась. Наши войска возглавил генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап. Это был опытный воин, получивший крещение еще в Кагульской битве, под началом графа Румянцева и отличившийся у Суворова при Измаиле. До этого назначения Глазенап командовал Кавказской линией и неплохо управлялся с местными горцами где оружием, а где добрым словом. Глазенап вообще слыл человеком добродушным. Узнав о мятеже азербайджанских ханов, он искренне недоумевал:

– И чего им всем по аулам не сидится! Сидели бы себе с домочадцами, да чай с халвой вкушали. Ну, а коль не сидится спокойно, придется вразумлять нерадивых!

Добродушие генерала, впрочем, не сказывалось на его военном опыте. Собрав старших начальников, Глазенап объявил о первых мерах по наведению порядка:

– Прежде всего, займемся Дербентом, затем всеми другими отступниками. Надлежит наглядно показать зарвавшимся ханам, что Россия измены не прощает!

Войска начали готовиться к походу.

Опытный Глазенап требовал от офицеров бдительности:

– Война здешняя не столь опасна для полков и больших отрядов, сколь гибельна для солдат и казаков, которые отваживались отделиться поодиночке за какую-нибудь надобностью. Посему каждый должен быть не только искусным наездником, стрелком, но и неутомимым следопытом, чтобы по узким горным тропинкам на горы взбираться!

В июне 1806 года войска Глазенапа двинулись на Дербент.

Когда на холмах подле Дербента появился русский авангард, там начался настоящий переполох. До наших доносились крики и пальба из ружей. Как оказалось, горожане подняли восстание, хан бежал, после чего старейшины вручили Глазенапу ключи от Дербента. Тот немедленно привел жителей города к присяге императору Александру.

– Так бы всегда воевать, – потирал руки генерал. – Чтобы без всякой крови и полюбовно!

За присоединение Дербента император Александр одарил Глазенапа табакеркой, украшенной бриллиантами, и большой пенсией. Другой бы на месте Григория Ивановича усмотрел в этом намек на скорую отставку, но Глазенап был бесхитростен:

– Табакерку жене отдам, чтобы табачок нюхала, а пенсион на старость отложу!

Хватало Глазенапу и других проблем. Так, в Тифлисе неожиданно появился поручик лейб-гвардии Гусарского полка князь Роман Багратион, младший брат знаменитого русского генерала князя Петра Багратиона. Окруженный всеобщим вниманием, зарвавшийся поручик начал сочинять, будто приехал по личному поручению императора Александра для улучшения жизни грузинского народа. При этом поручик Багратион позволял себе дурно отзываться о начальствовавших лицах Грузии, особенно поливая грязью покойного Цицианова.

Рассказы приехавшего из столицы самозванца взволновали столичное грузинское дворянство. Многие, поверив на слово пьяному гусару, начали собираться на тайные сходки и совещания. Как это всегда бывает в Грузии, мгновенно образовались две враждебные партии, ссора между которыми дошла до кровавых драк. Вслед за дворянами начал волноваться и народ. Тогда несколько наиболее благоразумных князей обратились к правителю Грузии, прося разъяснить им причины тайных совещаний и сборищ.

– Мы вполне довольны русским правлением, не желаем ни о чем просить императора. Мы не понимаем, зачем он помимо наместника присылает еще и тайного агента? – огорошили они вопросами Глазенапа.

Разобравшись в этом вопросе, Глазенап и его помощник генерал Несветаев немедленно выдворили заигравшегося гусара из Грузии, запретив впредь туда возвращаться. Однако уезжая, поручик Багратион все же прихватил с собою прошения нескольких грузинских князей и дворян на имя генерала Багратиона. В этом прошении подписанты просили ни много ни мало о... возвращении независимости Грузии. Нетрезвый возмутитель спокойствия был уже изгнан, когда молва о некоем тайном посланце русского царя дошла до провинций, а потом за грузинские пределы. Теперь там только и говорили о плохих наместниках и о том, что русский царь сам якобы хочет от них избавиться.

В короткое время ряд горских племен, надеясь на льготы и новые милости русского императора, заявляли свои претензии наместнику. В числе первых было племя хевсуров. Недовольные своим правителем-моуравом, они изгнали его из своих владений, после чего напали на Тионетский пост, защищаемый двумя ротами. Нападение отбили, но нападавшие остались безнаказанны. Это еще больше раззадорило воинственных хевсуров. Заявив, что не желают иметь при себе ни моурава, ни русского пристава, они пошли в набег на соседние племена. Пришлось принимать срочные меры. Посланные Глазенапом войска перекрыли хевсурам входы и выходы из их ущелий, после чего те оказались заперты в своих диких горах. Испытывая большую нужду в хлебе и соли, хевсуры продержались до холодов, после чего запросили пощады. Чтобы не нагнетать ситуацию, Глазенап разрешил им избрать себе нового моурава, а также свободный проезд в Грузию.

На этом собственно недолгое командование для Глазенапа и закончилось. Непонятно почему, но генерал ко двору не пришелся и император решил передать власть над Кавказом деятелю более известному и именитому.

* * *

Новым наместником Кавказа был назначен генерал от инфантерии граф Иван Гудович, уболенный сединами ветеран многих войн, завоеватель Гаджибея (нынешней Одессы) и Анапы. В свое время Гудович состоял адъютантом у императора Петра III, оставшись ему верным до конца, за что потом некоторое время пребывал в опале. После снова много воевал с турками. С Кавказом Гудович был знаком не понаслышке, так как дважды за свою долгую службу командовал Кавказской линией.

К сожалению, преклонный возраст изменил характер ветерана. Современники описывают Гудовича как «чрезмерно гордого, старинного века вельможу».

На старости лет Гудович стал раздражительным и упрямым, во всем и во всех видел лишь недостатки, а советы, даже самые дельные, отвергал, даже не слушая. В 1799 году он сумел разругаться даже со своим благодетелем императором Павлом.

Надо ли говорить, что о Цицианове надменный Гудович отзывался исключительно отрицательно, в упор не видя всего им сделанного. Что касается Глазенапа (с которым Гудович имел старую вражду), то прибыв в Тифлис, наместник отстранил его от всякого командования. Покоритель Дербента был без всякой вины отправлен в далекий Омск инспектором Сибирской инспекции и начальником Сибирской линии, где спустя какое-то время и скончался.

Впрочем, наследство досталось Гудовичу весьма непростое. Несмотря на локальный успех Глазенапа, до наведения порядка в Закавказье было еще далеко. Бунтовал имеретинский царь, участились набеги лезгин на Грузию, волновались осетины. Закубанские горцы и кабардинцы совершали дерзкие набеги до самого Ставрополя. Вот-вот могли выступить против и закавказские ханы, непрерывно плетущие заговоры. Предстояло продолжать войну против Персии, которая готовилась к новому вторжению, планируя отбить Карабах и Гянджу. А на носу была уже новая война, теперь уж с Турцией, которая тоже имела виды на Закавказье!

Предвидя возможность войны с Турцией, петербургский кабинет предлагал Гудовичу как можно скорее усмирить местных ханов, а если представится возможность, заключить мир с Персией и постараться привлечь персов на свою сторону для совместных действий против турок.

Задача была, прямо скажем, непростая. Но граф Гудович был слишком горд, чтобы это признать.

– Я считаю возможным покорить всех ханов и владельцев «великой Армении и Дагестана» в самое ближайшее время, – объявил он сразу же по прибытии в Тифлис. – Мало того, в знак своего подчинения я заставлю их платить дань России!

Непокорных и упорствующих я изгоню из их владений, а сами владения разделю между преданными ханами. Карать же непослушных я начну с подлого убийцы – хана Бакинского!

Наша армия в Закавказье состояла на тот момент из девяти пехотных, одного драгунского и пяти казачьих полков, с батальоном артиллерии в 48 орудий. Помимо этого, на Кавказской линии стояло еще три драгунских и пять пехотных полков. Это ничтожное число войск должно было охранять границы и внутренние сообщения в Грузии, Имеретии и Мингрелии, защищать Памбаки, Елизаветполь, Маданское ущелье против Дагестана, Александровский редут и другие пункты, лежащие по реке Алазани. К тому же не могли быть оставлены без защиты ханства Карабахское, Шекинское и Джават, где Аракс сливается с Курю. Поэтому для отражения персидского нашествия главнокомандующий мог в лучшем случае собрать отряд в три тысячи штыков.

* * *

Еще в конце 1805 года в столицу Карабаха Шушу был отправлен батальон героя штурма Гянджи подполковника Лисаневича. Подполковник имел задачу обеспечить защиту границ ханства от вторжения персов и не дать карабахскому хану переметнуться на сторону противника.

Престарелый Ибрагим-хан Карабахский встретил русских с нескрываемым раздражением. С Лисаневичем он разговаривал, что говорится, «через губу».

– Если Ибрагим якобы на словах желает принять российское подданство и к нему на защиту пришел русский отряд, то чего рожу воротить? – делился он со своим помощником майором Джораевым.

Тот только плечами пожимал:

– Хитрит не иначе старый хрыч!

Что-что, а хитрить Ибрагим-хан действительно умел. За долгие годы своего правления он превратил свое ханство в самое могущественное в Закавказье. К мнению Ибрагим-хана прислушивались ханы Карадага и Ардебилля, Нахичевана, да и другие тоже.

Воевать Ибрагим-хан также умел. Когда-то он отбил нападение кубинского хана, а затем сумел выстоять в непростой войне против самого персидского властителя Ага-Мохаммеда-хана!

Всего год назад Ибрагим подписал Кюрекчайский договор, согласно которому его ханство переходило под руку России. Но затем старый хитрец передумал и теперь вертелся ужом, пытаясь усидеть сразу на двух стульях – российском и персидском.

Поэтому русскому гарнизону Шуши жилось не слишком сытно. Ибрагим-хан обманывал то с провиантом, то с фуражом, а то и с тем, и с другим. По этой причине не сложились у хана отношения с Лисаневичем, который не без оснований подозревал властителя Карабаха в двуличии.

Когда в мае 1806 года персидская армия Аббаса-Мирзы пересекла пограничный Аракс, то первым делом она направилась именно к Шуше. Во главе персидского авангарда был поставлен старший сын карабахского хана – Абдул-Фетх. Пока деятельный Лисаневич готовил Шушу к обороне, Ибрагим-хан внезапно объявил ему, что из-за наступившей жары плохо себя чувствует, а в каменной Шуше ему просто не хватает воздуха, поэтому ему надо срочно покинуть крепость.

– Вот ведь как, – невесело усмехнулся Лисаневич, – семьдесят лет хватало, а теперь вдруг нет!

Выехав из Шуши, Ибрагим-хан расположился вместе с сопровождавшими его домашними, большой охраной и свитой в четырех верстах от Шуши в замке Мирза-Али-Беков Сенгир. Оттуда он слал гонцов к своему сыну Абдул-Фетху, извещая его о всех делах русских. Раз в несколько дней Ибрагим-хан посещал Шушу, где его осведомители докладывали владыке о том, что нового предприняли русские для обороны. Но лазутчиков имел не только Ибрагим-хан. Были они и у Лисаневича, тем более что подполковник бегло говорил на фарси. При этом о хане докладывали ему, прежде всего, армянский врач мелик Джемшид и ближайшие родственники самого хана.

Налицо была прямая измена, но вначале Лисаневич пытался действовать уговорами, посылая к Ибрагим-хану его сына и внука, чтобы те уговорили изменника прекратить сношения с неприятелем и вернуться на российскую сторону. Лисаневич докладывал: «Как по сим случаям измена оказалась явною, то я послал для уговора одного сына его Мехти-агу и внука Джафар-Кули-бека, с тем чтобы он, разруша все с персиянами связи, возвратился бы со всем семейством в крепость, которые, пробыв там большую часть дня, сначала возвратившийся Джафар-Кули-бек объявил мне, что он хотя несколько раз уговаривал хана отстать от персиян, но кроме брани русских он ничего от него не слышал и сверх того хан его убедительнейше просил, чтобы он постарался позвать в дом меня к себе и, поймавши там, отдать ему и также выкрасть брата своего Шукур-Уллаха, находящегося в аманатах в Елисаветполе, отчего-де я ему отказался; сверх сего объявил, что в нынешнюю ночь или хан уйдет к персиянам или персияне с ним соединятся, после чего прибывший Мехти-ага также объявил, что он сколько ни старался уговаривать хана, но хан ни на что не соглашается и явно уже принял сторону персиян».

Надо было срочно решать, что делать? Промедление могло обойтись очень дорого. В случае побега Ибрагим-хана тот поднял бы против нас все Карабахское ханство.

Лисаневич был человеком действия, поэтому решил захватить и вернуть в крепость мятежного хана. Взяв с собой сотню егерей 17-го полка, в ночь на 27 мая Лисаневич вышел из Шушинской крепости и двинулся к замку Ибрагим-хана.

При этом, чтобы обмануть выставленные в сторону Шуши караулы, егеря зашли к ханскому замку с тыла. Но незаметно подойти не удалось. Увидев приближающихся егерей, ханские гвардейцы открыли по ним стрельбу.

Сколько ни старался Лисаневич криком уговорить стрелявших прекратить огонь и сдаться, те продолжали бой и убили одного егеря. Тогда раздосадованный Лисаневич приказал барабанщику бить атаку. Егеря бросились в штыки и в считанные минуты обратили оборонявшихся в бегство. При этом в неразберихе атаки сам хан и несколько вельмож были убиты пулями, а жена и дочь тяжело ранены. Что касается захваченных вещей, то, по военному обычаю того времени, Лисаневич все отдал своим егерям.

При этом один из ханских сыновей Ханлар-ага с группой всадников успел ускакать к персам.

Еще не развеялся пороховой дым, как прискакавший гонец доложил:

– Получено известие от муганлинского бека, что персидский авангард во главе с Абдул-Фетхом находился уже совсем близко от Шуши!

После этого Лисаневич поспешил вернуться в крепость. Едва успели закрыть ворота, как на ближайших высотах показались персы. Переведя дух, Лисаневич выступил против них с полутора сотнями егерей и конной карабахской милицией. Но Абдул-Фетх боя не принял. Узнав от беглецов об участии отца и его окружения, старший сын хана отступил.

Когда Гудовичу уже донесли, что командир егерского батальона убил беззащитного и невинного хана, перебив при этом его семью, включая жен и детей, а также разграбил все ханские ценности, он был, мягко сказать, огорчен.

– Назначить самое строгое расследование и, ежели факт безвинного смертоубийства подтвердится, спросить с виновников по полной! – распорядился наместник.

Впоследствии Лисаневичу пришлось еще долго объясняться за смерть Ибрагим-паши. Только полтора года спустя следствие пришло к выводу, что подполковник действовал совершенно правильно и сделал в той непростой обстановке все от него зависящее.

* * *

Свое новое поприще Гудович начал с отражения персидского вторжения. Летом 1806 года он послал только что прибывший с Кавказской линии Троицкий мушкетерский полк генерал-майора Небольсина (полторы тысячи солдат) занять приграничную Нахичивань, что тот блестяще и исполнил. После этого по приказу Гудовича Небольсин двинулся в Карабахскую провинцию и дважды (у Шах-Булахского замка и на речке Ханашин) разбил 20-тысячное войско Аббаса-Мирзы. Разрушив устроенные персами батареи и укрепления, Небольсин вышвырнул войска шаха из пределов Карабахской провинции за реку Аракс. Одновременно русские войска отразили попытку вторжения персов и со стороны Эривани.

Между тем персы продолжили свое вторжение. Поэтому, едва пришло известие от Лисаневича о появлении вблизи наших границ нового персидского воинства, навстречу неприятелю в Карабах были направлены два батальона Троицкого мушкетерского полка под начальством генерал-майора Небольсина. По пути Небольсин присоединил к себе егерей 17-го полка во главе с самим полковником Карягиным. Всего под своим началом он имел тысячу пехоты, сотню казаков и восемь орудий.

На пути между Шах-Булахом и Аскераном Небольсин был атакован четырьмя тысячами конников Аббаса-Мирзы. Окружив русское каре со всех сторон, персы то и дело пытались прорваться вовнутрь его.

Пришлось прокладывать себе дорогу штыками долгих шестнадцать верст. Наконец, Небольсин достиг города Аскерана, где присоединил к себе егерей подполковника Лисаневича, пришедшего из Шуши.

– Думаю, что теперь мы достаточно сильны, чтобы атаковать самим! – заявил он Лисаневичу.

Оставив обоз и тяжести в Аскеране, под прикрытием части пехоты, Небольсин двинулся к Карапету, где были расположены главные силы Аббаса-Мирзы. Однако не застав там неприятеля, повернул к речке Ханатин. Ночью 13 июня русский отряд был встречен персидской конницей, позади которой в Ханатинском ущелье стояла пехота. На этот раз Аббас-Мирза сосредоточил против нас шестнадцать тысяч всадников и четыре тысячи пехотинцев-сарбазов. Соотношение сил было явно не в нашу пользу, и дело сразу приняло самый серьезный оборот.

С рассветом персы большими массами атаковали русский отряд. Впрочем, атака производилась довольно сумбурно, без всякого порядка, визжащей и кричащей толпой. Немедленно выстроив каре, наши отбивались от нападавших со всех сторон персов ружейными залпами и штыками. Но стоять в обороне генерал Небольсин долго не собирался.

– Думаю, настало время познакомить наглецов с русским штыком, как полагаете, Павел Михайлович? – обратился он к наблюдавшему за ходом боя полковнику Карягину.

– Полагаю, Петр Федорович, атака – лучшее, что басурмане понимают! – ответил тот без раздумий.

– Посему будем атаковать их лагерь. Знаю по опыту, что как только ворвемся в вагенбург, побегут окаянные!

Небольсин знал, что говорил – потеря лагеря являлась самым страшным горем для персов. Дело в том, что в персидской армии каждый питался сам по себе и сам таскал в своих вьюках награбленное. Поэтому, лишившись средств к существованию, персидские воины разом теряли весь свой боевой пыл и разбегались в разные стороны, чтобы не только добывать пропитание, но и возмещать потерянное добро, нещадно грабя местных жителей.

Двинув свое каре вперед, Небольсин выгнал персов из ущелий и заставил их вместе с Аббасом-Мирзою бежать к Араксу, бросив весь огромный лагерь. За рекой неприятеля уже не трогали. Пусть себе раны зализывает! А «раны» у персов были серьезные – около тысячи убитых и две пушки. У нас убито восемь и ранено полсотни. Ну, а чтобы персам совсем расхотелось меряться с нами силой в этот год, Небольсин послал подполковника Лисаневича к реке Мигри, где еще находились персы. Пройдя форсированными маршами в верховья реки, тот 20 июня наголову разбил и прогнал за речку последний персидский отряд.

После того как был в очередной раз проучен Аббас-Мирза, настало время образумить и мятежного грузинского царевича Александра.

Дело в том, что одновременно с появлением персиян в Карабахе мятежный грузинский царевич, во главе семи тысяч персов прибыл на реку Балахлу, в расстоянии дня езды от Казахской провинции. Отсюда он отправил к казахам посланника с требованием прислать ему в знак верности в аманаты четырех старшин, обещая взамен избавить Грузию от русских. После этого царевич направился к Шамшадильской провинции. План его состоял в том, чтобы подняться против России одновременно и казахов, и шамшадильцев, а затем, соединившись с Аббасом-Мирзою, двинуться на Тифлис. Что и говорить, план был действительно неплох! Оставалось только его выполнить. Вблизи озера Гокча царевич Александр разделил свое воинство на две части: одну, под своим началом, расположил у Торчая, другую, под командою Хусейн-Кули-хана Урумийского, направил к вершинам Дзагами, что в 80 верстах от Елизаветполя.

Не предпринимая решительных действий, оба отряда ожидали соединения с главными силами Аббаса-Мирзы, который (как мы уже знаем) намеревался через Карабах и Елизаветполь следовать на Тифлис. Во время этого продолжительного ожидания Александр и Хусейн-Кули-хан старались привлечь на свою сторону местных жителей. Но казахи и шамшадильцы изменять России не торопились.

Ну, а затем пришло известие, что Аббас-Мирза в очередной раз разбит и бежал за Аракс. Почти одновременно лазутчики донесли, что и сюда приближаются отряды русских. Теперь мятежному царевичу и Хусейн-Кули-хану ничего не оставалось, как тоже бежать.

Но безнаказанно уйти не удалось. Отступая, Александр наткнулся на отряд подполковника князя Эристова (брат убитого под Баку переводчика Цицианова), потерпел в бою полное поражение и бежал в Эривань. После его бегства Елизаветпольская, Казахская, Шамшадильская и Памбакская провинции наконец-то вздохнули спокойно, а скрывавшиеся от персидского разорения в горах жители Карабаха вернулись в свои селения.

* * *

Едва получив назначение наместником Кавказа, генерал-аншеф Гудович немедленно вызвал к себе из отставки генерал-лейтенанта Булгакова, где последний пребывал еще с окончания Кавказского похода графа Зубова. К этому моменту Булгаков был уже настоящим стариком. Ветеран уже не помнил даже, сколько ему лет. Когда спрашивали о возрасте, шамкал беззубым ртом:

– Когда родился, уже не ведаю. Помню, что воевал с пруссаками при матушке Елизавете. Потом, при матушке Екатерине, воевал с турками и поляками, с татарами и черкесами разными. А вот теперь, кажись, и внук ее Александр во мне нужду поимел!

Грамоты Булгаков почти не знал, благо, что расписываться научился. Когда на это пеняли, только рукой отмахивался:

– Правда ваша! Штыком действовать я куда способный, чем пером!

В мирной жизни Булгаков был человеком медлительным и размеренным, но в бою мгновенно преображался и был полон отваги.

За свою долгую службу Булгаков переслужил, наверное, со всеми известными полководцами. С наместником Кавказа Булгаков тоже вместе повоевать успел. При штурме Анапы в 1791 году командовал под началом Гудовича одной из штурмовых колонн, за что и получил Георгия 3-го класса.

Вся русская армия знала об открытом и даже наивном характере Булгакова. Обмануть его было несложно, но только один раз. Второго быть не могло, так как генерал, завидев обманщика, сразу хватался за саблю.

Получив приглашение вернуться на службу, Булгаков не раздумывал.

– А чего мне дома делать? Гусейн на дворе считать да бабские сплетни слушать? Лучше я напоследок жизни еще саблей помашу!

Вскоре ветеран был уже в Тифлисе, где Гудович сразу поставил перед старым соратником задачу – захватить мятежный Баку и наказать убийц своего предшественника.

Вместе с Булгаковым наместник решил послать и своего сына, только что получившего генерал-майорские эполеты.

– Кириллу моему чин генеральский даден не за его, а за мои заслуги, – доверительно сообщил он Булгакову. – Сам же он, по своему разумению, еще в лучшем случае поручик. Так что возьми с собой, обучи и наставь!

– Уж за это можешь быть спокоен, государь-надежа, в самое пекло брошу! – простодушно ответил Булгаков.

При словах таких наместник побледнел, но сдержался.

26 августа Булгаков прибыл в Дербент, где принял начальство над отрядом в три тысячи человек с десятком пушек. Провел смотр – солдаты были бодры и опыты. Удручало одно – отряд почти не имел провианта. Его планировалось доставить морем из Астрахани в Дербент, но помешали различные обстоятельства.

– Я согласен воевать даже без пороха, одними штыками, но без каши никак не повоюешь! – сокрушался Булгаков. – Голодный солдат – не солдат!

При этом Гудович всеми силами торопил Булгакова, опасаясь, что дело взятия Баку задержится до холодов, а то и вовсе сорвется. Что касается провианта, то наместник обещал, что его доставят флотилией прямо к Баку.

– Я не имею оснований не верить графу! – объявил Булгаков штабным. – Посему выступаем в поход на голодный желудок, а там как Бог даст!

Так и шли вдоль моря, довольствуясь половинной порцией. Впрочем, в остальном поход прошел без неожиданностей.

Не доходя до города, Булгаков отправил бакинцам письмо, в котором предупреждал, что «ежели жители не расскаются и не повергнут себя милосердию русского императора, то он потрясет непобедимым войском российским основание их города». В ответ Булгаков получил послание самого Хусейн-Кули-хана, который писал, что горько раскаивался в убийстве Цицианова, прося прощения и помилования.

– Экий фря, – сплюнул Булгаков. – Как ножик в спину наместнику втыкать, так горазд, а как на расправу, так жидок! Повесить бы мерзавца на первой осине! Да осин в здешних краях нет.

Но политика есть политика, и Булгаков обещал хану полное прощение. С ответом отправил он своего сына – подполковника Борисоглебского драгунского полка. Подъезжая к Баку, Булгаков-младший заметил, что люди толпами покидают город, направляясь за реку Куру.

Через переводчика подполковник поинтересовался, что происходит.

– Хусейн-Кули-хан обещал дать бакинцам новое место для поселения. Вот они и бегут, – словоохотливо сообщил ему толмач.

Беспрепятственно въехав в город, Булгаков-младший узнал, что и хан, не дожидаясь ответа, тоже бежал.

– Ну вот, с кем же мне теперь переговоры вести? – сокрушался подполковник.

Расстроенный Булгаков всю ночь вместе с переводчиком ездил по заполненным встревоженными жителями улицам, сиюминутно подвергаясь опасности.

– Я сын командующего русскими войсками, – говорил всем встречным. – Отец прислал меня к вам с единственной целью – объявить полное прощение!

Но бакинцы мало верили словам драгуна, и народ по-прежнему спешил оставить город.

К утру Баку почти опустел. Тогда Булгаков-младший выехал из города вслед за беженцами, не прекращая убеждать их вернуться.

Наконец ему удалось найти нескольких местных старшин и уверить их в том, что русские никого из жителей убивать и грабить не будут.

Только тогда, когда к его увещаниям наконец присоединились местные беки, жители начали понемногу возвращаться.

– Ну вот, кажется, все же не зря мы сюда съездили! – вытер со лба пот смертельно уставший Булгаков-младший.

* * *

Первой подошла к Баку Каспийская флотилия под командованием капитан-лейтенанта Егора Веселаго. Бакинский рейд морякам был уже знаком как родная деревня. Матросы привычно поглядывали на берег:

– Кажись, с прошлого раза ничего и не поменялось!

– Сейчас мы им тут все поменяем! – усмехнулся Веселаго. – А ну заряжай пушки, да наводи на крепость! Здраваться будем!

Неподалеку от города начали высаживать десант. Солдаты дело свое знали, как-никак высаживались под Баку уже в третий раз!

– Что к себе домой приехали, – говорили меж собой. – Пора бы на сей раз здесь и обосноваться, чего туда-сюда бегать!

Офицеры озабоченно оглядывали прибрежные холмы – где противник?

Но противника не было.

– Эй там, в крепости! – бесстрашно подошел к распахнутым настежь воротам Веселаго. – Заснули там, что ли? Будем воевать или как?

Из-за зубцов выглянули испуганные стражники и замотали головами:

– Мы с русскими драться не хотим, мы дружить хотим!

Навстречу Веселаго из ворот выехал подполковник Булгаков.

– Неужели армия наша уже в городе? – удивился Веселаго.

– Увы, пока я один, но скоро будут и остальные! – ответил храбрый драгун.

– Так ты что, в одиночку Баку взял? – еще больше подивился капитан-лейтенант.

– Чужие лавры мне ни к чему! – рассмеялся Булгаков-младший. – Я так, по случаю заехал.

– Да и мы тоже случайно проплывали мимо. Дай, думаем, поглядим, места-то знакомые! – поддержал шутку Веселаго.

А вскоре подошел и отряд Булгакова-старшего. В нескольких верстах от города генерала встречал самый почтенный из беков, Касим, с полутора десятком эфенди и старшин. Поднося ключи от города, Касим просил пощады и помилования не только от себя, но и от лица всего народа, толпы которого также устремились навстречу русским. Впереди прочих армяне с духовенством, крестами и хоругвями. Со стен палили холостыми залпами, гремела музыка. Затем пальба и музыка разом смолкли. Теперь, преклонив знамена и головы, бакинцы, по азиатскому обычаю, ожидали решения своей участи. Но все опасения их рассеялись, переводчик майор Тарасов обратился к горожанам с речью, в которой напомнил о злодеянии их хана, которому нет и не может быть прощения, и о том, что все остальные русским императором прощены.

Сидевший рядом на лошади Булгаков периодически кивал головой, как бы подтверждая речь толмача.

После речи Тарасова народ начал сразу же присягать на верность России. Вначале эфенди и уважаемая старшина, затем купцы и все прочие. Особо хитрые лезли без очереди, и таких лупили палками.

3 октября 1806 года город Баку стал российским.

В тот же день на Бакинский рейд прибыли бомбардирский корабль «Гром» и два купеческих судна с обещанным провиантом и фуражом.

Следующим утром русский флаг был поднят на стенах крепости, а в полдень состоялся парад и отслужен благодарственный молебен. Свое обещание Гудовичу Булгаков сдержал. Генерал-майора Гудовича-младшего с группой офицеров он отправил по окрестным селениям для приведения к присяге жителей. Дело весьма небезопасное, мало ли что может произойти в сей дикой местности. Ну, а, чтобы Гудович-младший чувствовал себя уверенней, послал с ним и своего сына.

Подполковник Булгаков был весь в отца – бесшабашный и прямой.

– Не бойсь, отец, генерала нашего верну в целости и сохранности! – заверил он командующего, пару лишних пистолетов в седельную сумку засовывая.

В тот же день Булгакову пришло письмо с поздравлением покорения Баку от бывшего дербентского хана Шейх-Али, обитавшего ныне в Кубинском ханстве.

– Ну и шельма! – только и буркнул Булгаков, уже зная, что тот приютил у себя убийцу Цицианова Хусейн-Кули-хана.

Уже на следующий день жизнь в Баку вернулось в свое привычное русло: открылись базары и караван-сарай, застучали молотки в бесчисленных мастерских. Назначив следствие, Булгаков нашел всех оставшихся в городе участников убийства Цицианова, те были взяты под арест и отправлены навечно в Сибирь.

Дав офицерам и солдатам передохнуть, Булгаков стал готовиться к дальнейшему походу. Предстояло привести к присяге следующее по очереди Кубинское ханство.

Гарнизонам в Баку был оставлен гренадерский батальон Севастопольского полка, ротой полка Тифлисского, и три сотни казаков. Кроме этого, в Бакинской гавани оставлены бомбардирский корабль «Гром», фрегат «Первый», бриг «Волга» и десяток купеческих транспортов.

Начальство гарнизоном, а заодно и правление Баку Булгаков возложил на командира Севастопольского полка генерал-майора Гурьева, определив ему в помощь трех надежных беков.

Напоследок велел у всех жителей на всякий случай оружие изымать, а выдавать только, когда кто будет выезжать за пределы города.

На этом Бакинское ханство навсегда прекратило свое существование, став обычной российской провинцией.

Едва русские батальоны двинулись к границам ханства, хан Шейх-Али бежал в горы, после чего его подданные дружно присягнули на верность России.

Перед выступлением из Кубы Булгаков отправил письмо к кубинскому хану Сурхайю, в котором требовал назначить место, где тот желает присягнуть на верность русскому императору. Вместо ответа Сурхай собрал до двадцати тысяч воинов, желая присоединить к себе и бежавшего Шейх-Али с его отрядом, чтобы сообща атаковать Булгакова. Но Шейх-Али в последний момент испугался и от нападения на русских отказался.

Булгаков тем временем перешел в верховья реки Самуры и остановился близ деревни Цейхур – почти в центре владений кубинских, в каких-то 50 верстах от местной столицы Кубы. Оттуда к несговорчивому Сурхай-хану он отправил своего адъютанта поручика Кривцова с проектом трактата и требуя, чтобы хан подписал его и со всем своим народом вступил в подданство России. Сурхай отвечал, что готов «с чистосердечным усердием повергнуть себя с детьми своими и со всем своим владением в вечное подданство русскому скипетру», но просит только избавить его от дани, так как доходы его едва достаточны для прокормления семейства, а также от постройки крепости для русского гарнизона.

После этого началась долгая переписка. Сурхай писал свои просьбы Булгакову, тот переправлял их в Тифлис Гудовичу. Наместник присылал обратное послание, которое Булгаков передавал хану, а тот в ответ выставлял новые условия.

Так продолжалось до осени, когда, опасаясь быть застигнутым снегом в горах, Булгаков удовольствовался только присягой хана, без всяких других условий. Увы, надо признать, что хитрый Сурхай-хан обвел прямодушного Булгакова вокруг пальца. Вначале он выторговал себе необременительную жизнь, а спустя совсем короткое время изменит и своей присяге.

* * *

Очередной мятеж закавказских ханов начал шекинский владыка Селим-хан, который обманом захватил в заложники командира расквартированного в его владениях отряда майора Парфенова. После переговоров Парфенова все же отпустили, но при условии вывода русского гарнизона из ханства. Мятеж владетеля Нухи спровоцировал мятеж Джаро-Белоканских джамаатов. После чего шекинское войско и жаро-белоканцы начали готовиться к вторжению в Грузию.

Но честолюбивые мечты Селим-хана были перечеркнуты уже известным нам генерал-майором Небольсиным. С весьма небольшими силами храбрый Небольсин вторгся в

Шекинское ханство и в первом же столкновении наголову разгромил войско Селима, после чего осадил его столицу Нуху.

Для начала Небольсин предложил хану повиниться и сдаться, но Селим отказался. Тогда Небольсин штурмом взял крепость. Опыта у него для этого хватило, ведь за плечами генерала было участие в штурме Измаила!

Селим, по обыкновению местных ханов, бежал.

В своем донесении генерал-майор Небольсин доложил об этом так: «Жители здешние хотя и обещали поймать его (Селим-хана. – *В.Ш.*), но того не исполнили; я же надежной конницы к тому не имею».

На этом история Шекинского ханства собственно и завершилась. После этого Небольсин совершил новый бросок и уже совместно с командующим Алазанской линией князем Дмитрием Орбелиани атаковал мятежных лезгин. Горцы были ребятами храбрыми, но по части тактики не им было тягаться с русскими генералами. Поэтому в результате многоходовой комбинации лезгины вместе с пришедшими к ним на помощь аварцами оказались зажаты в тесном Джарском ущелье, где наши могли расстреливать их на выбор. После этого стало понятно – игра закончена. Но Небольсин не желал напрасной крови.

– Царский гнев и милость в руке Божией! – объявил он и велел слать к лезгинам парламентаря.

Условия генерала были самыми умеренными – окруженные расходятся по своим аулам, дав клятву более никогда не поднимать оружие против России и ее союзников.

– А сабли? Можно ли будет оставить нам наши сабли и кинжалы? – задали вопрос предводители окруженных шаек.

– Оставьте! – разрешил им Небольсин. – Все одно ваши сабли против русского штыка ничего стоят!

После этого лезгины с аварцами немедленно согласились сдаться, поклявшись в соблюдении обещанного самыми страшными клятвами, которые только смогли вспомнить. После чего все были отпущены.

Усмирением горцев кампания 1806 года была завершена. Практически весь год прошел в наведении порядка и сохранении статус-кво 1805 года. Но почивать на лаврах было рано, ибо теперь тучи сгущались на турецком направлении. Причем с каждым днем становилось все более и более ясно, что новой большой войны в Закавказье уже не миновать.

Глава восьмая

Заключенный в декабре 1791 года Ясский мир положил границей между Россией и Турцией Днестр и Кубань и, казалось бы, убедил турок в необходимости сохранить дружбу с Россией. Более того, в 1798 году был заключен договор о взаимной защите от захвативших Египет французов, а в 1805 году подписан трактат, по которому Россия получила право на покровительство живущим в Турции христианам и разрешение свободного прохода через Босфор.

Однако сближение Оттоманской Порты с Россией заставило Наполеона искать пути разрыва этого союза.

Подкупленные им вельможи не устали доказывать великому визирю, что с присоединением к итальянскому королевству венецианской Далмации и Боко-ди-Катаро судьба Турции зависит исключительно от Франции, а непобедимая французская армия всегда готова помочь туркам в возвращении утерянных земель. При этом Наполеон то обещал золотые горы, то угрожал. Султан Селим некоторое время отметал все французские посулы и угрозы. Однако небывалые военные успехи французов в Европе и особенно молниеносный разгром Австрии и победа при Аустерлице Селима III очень впечатлили. После чего он не только переметнулся на сторону Франции, но и полностью подпал под влияние Наполеона.

– Как мы можем противиться тому, кто победил соединенные силы двух великих держав?! – заявлял султан тем, кто пытался его образумить.

Селим признал Бонапарта императором и отправил своего посланника в Париж. В ответ Наполеон поблагодарил султана и назначил чрезвычайным послом в Турцию хитрого и верткого генерала Себастиани.

В июле 1806 года Себастиани прибыл в Константинополь с большими полномочиями и толпой офицеров-инструкторов для реорганизации турецких войск по европейскому образцу. Развернулся посланник широко.

Не пренебрегая ничем, деятельный Себастиани употреблял все всевозможные средства, чтобы восстановить турецкий диван против России. Французское золото щедро сыпалось в карманы местных вельмож.

Если вода точит камень, то золото, как известно, открывает любые ворота. Себастиани очень быстро вкрался в доверие султану, добившись смены великого визиря. Вместо пророссийски настроенного Юсуф Зиюдин-паши был назначен французский ставленник Хафиз Исмаил.

Ну, а начавшееся в это время восстание в Сербии дало случай французской миссии окончательно восстановить Турцию против России. По совету Себастиани, султан единолично сменил прорусских правителей Молдавии и Валахии, объявив, что не будет более пропускать русские корабли через Дарданеллы. Это было уже прямым нарушением Ясского мира. И напрасно посол Италинский взывал к голосу разума, доказывая, что политика Наполеона изменчива и не обещает туркам ничего хорошего. Его уже никто не слушал. Не возымело успеха и требование посла восстановить в должности прежних придунайских господарей. Когда же Наполеон в считанные дни разгромил вслед за Австрией и Пруссию, султан решил, что лучшего друга, чем Наполеон, у него быть просто не может.

Что касается Петербурга, то ему пришлось реагировать на столь беспардонное попрание статей Ясского мира. Несмотря на французское продвижение к нашим границам, император Александр приказал командующему Дунайской армией генералу Михельсону вступить в Молдавию и Валахию. Появление русских войск в придунайских княжествах озадачило членов дивана, не допускавших возможности, что Россия в состоянии бороться одновременно с двумя противниками. Султан сразу же пошел на попятную и восстановил в должности старых господарей. Однако в целом отношения с турками стали еще напряженней.

Когда Гудович получил из Петербурга сведения о стремительном ухудшении отношений с турками, он схватился за голову:

– Этого еще не хватало! Теперь не знаешь, куда кидаться: тут ханы-злодеи кинжалы точат, там персы вот-вот в горло вцепятся, а теперь еще и турки! Воистину, пожар в публичном доме во время наводнения!

Впрочем, надежда на то, что дело с турками все же обойдется миром, еще оставалась. К тому же пока ни в Карсе, ни в Баязете значительных войск у них не было. У турок имелся небольшой отряд в Ахалцихе, но собрали они его для наказания абхазского хана Келеш-бека, который укрыл у себя изменившего султану трапезундского Таяр-пашу.

Впрочем, в мае 1806 года султан Селим III отправил в Черное море три фрегата и восемь гребных судов. На вопрос нашего посланника в Константинополе Италинского, с какой целью эти суда посланы, великий визирь Хафиз Исмаил-паша ответил, что они отправлены в Сухум для поимки все того же мятежного Таяр-паши.

– Не много ли для поиска одного беглеца? – спросил русский посол.

– О, вы не знаете этого хитреца, – усмехнулся в лицо Италинскому Исмаил-паша. – Чтобы его поймать, надо послать весь турецкий флот!

Получив сведение о появлении турецкой эскадры в виду наших берегов, граф Гудович отправил к ахалцихскому паше посланца. Тот формально должен был известить правителя о вступлении наместника в должность, на самом же деле разузнать о количестве турецких войск в том пашалыке и о дальнейших намерениях Порты.

Дело в том, что император Александр прислал письмо, в котором требовал, если начальник турецкого отряда вступит в пределы Мингрелии для следования в Абхазию, то Гудович тотчас же должен двинуть войска, чтобы запереть ему обратный выход, так как проход по российской территории не согласован с Петербургом.

Отказ Келеш-бека выдать Таяр-пашу и его готовность защищаться заставили флотилию возвратиться обратно. После этого движений сухопутных войск со стороны Ахалциха замечено не было.

Но на душе у Гудовича все равно было тревожно.

– Порга с каждым днем все более запутывается в расставленные Наполеоном сетях. Интриги Франции в Константинополе не предвещают для нас ничего хорошего.

Петербург требовал от Гудовича сведений о том, нет ли каких тайных сношений между Баба-ханом и турецким двором. Гудович поднял на ноги всех лазутчиков, но никто ничего толком сообщить ему не мог. Старался наместник задобрить и местных турецких владетелей. Так, узнав о болезни карского паша, он послал ему своего лекаря, а также в подарок соболью шубу в 600 рублей. Паша принял подарок, благодарил и уверял, что всегда останется расположенным к русским. Более того, посланцу Гудовича он сказал доверительно:

– Если случится разрыв России с Портой, я все равно останусь предан России. Прошу только прислать для моей защиты пятьсот солдат с двумя пушками, так как уверен, что султан отрешит меня от управления пашалыком.

Помимо этого, паша сообщил, что турки готовятся к военным действиям и что один из лучших полководцев Порты Юсуф-паша уже переправляет войска в Эрзерум, а в Карс, Баязет и Ахалцих тайно завозят военные припасы.

Получив эти сведения, Гудович немедленно сформировал особый отряд генерал-майора Портнягина, которому и приказал расположиться в Шурагельском султанате, в северо-восточной части Армянского нагорья.

Появление генерал-майора Портнягина встревожило находившегося по соседству властителя Эривани. После чего эриванский хан начал укреплять город и запросил помощи у персидского шаха.

Опасаясь как турок, так и наших, властитель Персии отправил одновременно двух посланцев: первого – в Константинополь с просьбой о прекращении былой вражды, второго – в Россию с предложением мирных условий.

Что касается перемирия, то персы, понятное дело, запросили его не просто так. Постоянные поражения свели на нет к тому времени боеспособность персидских войск. Разгромленные в очередной раз Небольсиным, воины Аббаса-Мирзы разбежались по домам. Воевать с русскими стало просто некому. Теперь надо было набирать войско заново, а на это нужны были деньги и время. Деньги шах хотел получить у французов или у англичан. Ну, а заключенное с русскими перемирие должно было дать фору во времени.

Под предлогом поздравления главнокомандующего шах поручил своему любимцу – правителю Гилянской области, Мирза-Мусе, предложить Гудовичу себя в посредники на переговорах.

В сентябре 1806 года Мирза-Муса прислал через Астрахань чиновника Мирзу-Мамед-Али с письмом к главнокомандующему. Предполагая, что Персия искренно желает прекратить вражду, и опасаясь наступления со стороны Турции, граф Гудович надеялся решить дело с персами миром, но генерал Несветаев выступил против:

– Это очередная персидская хитрость. Надо гнать посланника взашей и как можно скорее идти захватывать Эривань!

Однако Гудович считал, что персы настроены неискренне. Поэтому предложение Несветаева он опрометчиво отверг.

А французский посол в Турции генерал Себастиани уже напросился на личную аудиенцию у султана, где убедил его, что Порта больше никогда не будет иметь лучше случая для возвращения Крыма. В случае же начала войны с Россией Себастиани обещал военную помощь Франции. И султан сдался. 18 декабря 1806 года Селим III объявил войну России.

«Неверные москвитяне, – гласил манифест, – внезапно нарушили договоры, нечаянно и без причины вступили в пределы Блистательной Порты и заняли Бендеры и Хотин, обнаруживая тем давно питаемые ими против мусульман вероломные намерения. Потому решено вести с москвитянами войну».

Главные силы турецкой армии, разумеется, сразу же двинулись к Дунаю. Но на этот раз турки решили повоевать с нами и на Кавказе. Главнокомандующим турецкими войсками там был назначен опытный военачальник Юсуф-Зия-паша Эрзерумский. Ему были обещано большое войско и полное обеспечение всеми припасами.

Что касается Петербурга, то оттуда Гудовичу обещали только финансовую поддержку. Что касается дополнительных войск, то сразу было сказано, что таковых нет и не будет, а потому придется обходиться исключительно своими силами. При этом император Александр желал, чтобы граф Гудович, не ограничиваясь пассивной обороной, действовал против турок наступательно и овладел всеми их крепостями, лежавшими на берегу Черного моря между Мингрелией и Анапой.

Для этого Гудович должен был вначале поспешить с заключением мира или перемирия с Персией, а затем уже устремить все свои силы против турок.

Увы, при малочисленности наших сил на Кавказской линии и в Закавказье желание императора Александра выполнить было весьма затруднительно. К тому же не было никакой уверенности, что удастся договориться и с Тегераном.

* * *

Между тем хитрый Мирза-Муса слал и слал Гудовичу письма, в которых призывал его помириться с шахом. По словам правителя Гиляна, тегеранский двор никогда не желал войны с Россией, но был вовлечен в нее исключительно злобой князя Цицианова. Мирза-Муса пред-

лагал Гудовичу войти в сношение с шахом или отправить своего посланника напрямик в Тегеран с предложением мирных условий.

– Будучи старшим генералом, – говорил наместник при свидании с Мамед-Али, – я прислан сюда с войском не для того, чтобы искать мира. Решить вопрос о том, воевать нам или мириться, может лишь российский император.

При этом в дальнейшем разговоре Гудович обрисовал все выгоды, которые может приобрести Персия если не от союза, то, по крайней мере, от мира с Россией.

– Продолжая войну с нами, – говорил он, – шах ничего не приобретет, а потерять может многое. Кстати, как мне кажется, Баязет, Эрзерум и Карс прежде были персидскими провинциями?

Это был недвусмысленный намек. На то, что в случае мира и союза с Россией Персия могла бы вернуть эти провинции.

Мамед-Али сглотнул слюну. Если он привезет столь радостную весть, то щедрости шаха не будет предела.

– А Россия может нам возвратить их? – спросил он с надеждой.

– Я упомянул об этих провинциях в разговоре между прочим, – уклонился от прямого ответа многоопытный Гудович. – Более подробно говорить о таких делах еще рано. Пока надо решить главное – закончить нашу вражду.

После этого Мамед-Али просил главнокомандующего, чтобы ответ на привезенное им письмо был отправлен в Тегеран с русским курьером. Но это значило, что Россия, а не Персия, первой запросила мира. Поэтому в просьбе Гудович отказал.

– Я не имею полномочий входить в сношение с персидским правительством, а потому буду отвечать тому, кто вас прислал, то есть правителю Гиляни. С тем Мамед-Али и убыл.

Разумеется, что император Александр, при столь сложных отношениях с турками, полностью поддержал Гудовича в деле скорейшего заключения мира с персами. Помимо этого, наместнику было велено сделать все возможное для противодействия возможного военного союза между персами и турками, грозящего нам большими неприятностями.

– Разумеется, граница между нами должна проходить, как и раньше, по Куре и Араксу. Что касается Эриванского и Нахичеванского ханств, то их придется, во избежание неудовольствия Тегерана, оставить персидскому шаху! – поделился своими планами Александр с министром иностранных дел Будбергом.

– Я подготовлю соответствующую бумагу кавказскому наместнику! – склонил тот голову.

Согласно плану Петербурга после прекращения воинских действий обе стороны должны были оставаться во владении тех мест, где на момент мира находятся их войска, все пограничные разногласия предполагалось разбирать полюбовно через особых комиссаров, после подписания предварительных мирных статей уполномоченные должны были прибыть в Петербург, где будет подписано окончательное решение о мире.

При этом, зная о невероятной медлительности персов в подобных делах, в российском МИДе было принято решение не заморачиваться долгими переговорами, а ограничиться заключением перемирия, которое в будущем можно было бы преобразовать в долгосрочный мирный договор.

Разумеется, что гилянский чиновник Мирза-Муса не мог удовлетворить Гудовича как главный переговорщик.

Поэтому, получив разрешение от императора, наместник Гудович отправил в середине декабря 1806 года в Тегеран своего адъютанта майора Степанова. С собой тот вез письмо шаху и подарки, первому визирю и наиболее доверенному министру шаха Мирза-Шефи.

В письме были изложены предложения России. Если шах посчитает их приемлемыми, то должен был прислать в Шушу двух своих уполномоченных для заключения окончательных условий перемирия.

Отправляя Степанова, Гудович предупредил его об опасностях, которые будут его поджидать.

– Первая же из них – это Тавриз, через который тебе придется ехать. Там, как известно, обитает не в меру воинственный наследник Аббас-Мирза. От него можно ожидать всякого.

– Может, мне взять ваше рекомендательное письмо к нему? – осторожно намекнул на соблюдение дипломатического этикета адъютант.

– Ишь чего! Много чести будет для этого молокососа! – выругался Гудович. – Езжай без всякого письма!

Как оказалось, в скором времени столь неуважительное отношение к персидскому принцу скажется на переговорах.

* * *

У каждого из городов Персии был свой статус. Тегеран – столица шаха, религиозная столица – Мешхед, что в провинции Хорасан. Город Шемахан издревле славен своими шелками и коврами, богатейшим рынком, куда свозили для продажи похищенных женщин, а также убийствами и грабежами путников. В Шемахане русские купцы издревле меняли олово и медь, юфть и соболей, лезгины и татары торговали лошадьми и людьми. В караван-сараях Шемахана всегда полно блудниц, цитирующих Омар Хаяма и танцующих голыми. Расположенная на юге страны провинция Фарсистеран, с развалинами древних Пасаргада и Персополиса, считается колыбелью персидской цивилизации. Что же касается Тавриза, то он традиционно считался столицей наследников престола. Здесь они учились управлять и повелевать.

Тавриз – это главный персидский форпост в Закавказье. Город расположен между засыпанных снегами горами Сехенд и Эйнали в долине реки Аджичай, покрытой фисташковыми лесами. Несмотря на то что город часто сотрясали землетрясения, среди персов имеется поверье, что именно возле Тавриза расположен Эдемский сад. Не зря персидский поэт Руми называл Тавриз «раем влюбленных». Именно с Тавриза начал в XVI веке объединять Персию первый сефевидский шах Исмаил, здесь же нашел свое вечное пристанище основатель суфизма Сефевие шейх Сефи ад-Дин. Въезд в город охраняют ворота с двумя высокими башнями-минаретами. С них стража обзирает подступы к городу. У самих ворот всегда многолюдно. Там отдыхают караванщики и их верблюды, прогуливаются торговцы и покупатели, так как за городской стеной товары можно купить гораздо дешевле.

Тавриз всегда был богат и многолюден, ибо находился на Великом шелковом пути. Тавризский базар известен на всем Востоке. Он огромен, и у вас не хватит дня, чтобы его обойти. Говорят, что там можно купить все, кроме луны и солнца. Европейские купцы привозили в Тавриз мех, лен и олово. Обратное увозили шелк и пряности, ювелирные изделия и драгоценные камни. Особенно ценятся тавризские ковры, атласные ткани, хатая и тафта.

Кого только там не встретишь – курдов и талышей, персов и армян, евреев и турок...

Резиденция принца Шах-Голи была отделана с восточной вычурностью и пышностью, как и подобает истинному наследнику престола. Аббас-Мирза был не чужд прекрасного и любил гулять в дворцовом саду, вдыхая дурманящий аромат персидских роз. Посреди сада в мраморном бассейне бил фонтан, струи которого падали на висячие колокольчики, издававшие приятный звон...

31 декабря 1806 года Степанов прибыл в Тавриз, где в тот же день имел беседу с первым визирем и наставником принца Мирза-Безюрком. Тот принял русского посланца с подобающими почестями.

Это в Европе все куда-то всегда спешат, в Персии же никто никуда не торопится. Поэтому беседу визирь начал с того, что поблагодарил мир за то, что тот подарил ему столь чудесных гостей, после чего несколько минут прославлял милость и дальновидность Аллаха. Затем

Аббас шелкнул пальцами, и перед переговорщиками появились фрукты и сладости, после чего началось долгое чаепитие с вопросами о здоровье русского императора и всех его родственников. Только после этого Аббас-Мирза перешел к вопросам, которые следовало обсудить.

Пока шла беседа, Мирза-Безюрк все ждал, когда же Степанов передаст письмо Гудовича к Аббасу-Мирзе. Увы, этого он так и не дождался. Степанов должен был ограничиться одним словесным изъявлением почтения от главнокомандующего.

Безюрк был этим уязвлен, о чем и сказал Степанову, прибавив, что даже ненавистный Цицианов порой писал письма не только принцу, но даже и ему.

После этого наставник принца начал выведывать, с чем именно так спешит в Тегеран русский офицер. Степанов как мог уходил от прямого ответа. На следующий день они снова встретились. На этот раз Мирза-Безюрк был не в меру словоохотлив и, хвастаясь блестящим положением Персии, проговорился:

– Знаете ли вы, что к нам уже едет турецкий посланник с большими подарками, а наш посланник возвращается из Франции. Кроме этого, из Франции к нам едут два их посланника, чтобы одному всегда быть при шахе, а другому при наследнике. Для меня удивительно, что пока мы были дружны с вами, французы никогда не присылали к нам своих посланников, а теперь, когда мы с вами в несогласии – шлют одного за другим.

– Ваш шах настолько могуществен, что любой правитель почтет за честь дружить с ним! – дипломатично поддакнул Степанов, стараясь запомнить все, о чем ему только что проболтался наставник принца.

– Раньше мы воевали и с турками. И с вами. Теперь с турками у нас мир. Надеюсь, помирюсь и с вами. Мы сохраняем приязнь с англичанами и даже половину Индии уступили им, чтобы только не потерять дружбы.

– А французы? – вставил в монолог старого перса свой вопрос адъютант наместника.

– Французов никогда мы не сравниваем с вами! Мы знаем, что они лишили головы своего государя, побили священников и разграбили церкви. Они возвели на трон этого самозванца Бонапарте, надеясь на его счастье и храбрость. Ваш же государь природный и происходит от рода царей. Поэтому я никогда не променяю русского на француза!

Степанов внимательно смотрел на разговорчивого собеседника, врет или правду говорит? Понять однозначно было сложно.

– А зачем вы убили князя Цицианова, это ведь не по чести?! – еще раз спросил он, стремясь повернуть разговор в нужное ему русло.

– Никогда ни шах, ни наследник-шахзаде не приказывали бакинскому хану коварным образом убивать князя Цицианова. Разве может последовать такое приказание от великих людей?

Глаза Мирзы-Безюрка хитро прищурились:

– Ваш начальник тоже ведь не приказывал вашему Лисаневичу убивать Ибрагим-хана?

Степанов невольно кивнул:

– И тот, и другой совершили убийства из боязни!

Из дальнейшей беседы выяснилось, что и Мирза-Безюрк, и его воспитанник Аббас-Мирза, да и сам шах с большим презрением относятся к закавказским ханам, считая их коварными и неверными своему слову. Взятки ханам уже опустошили шахскую казну, а ханы все требуют и требуют золота за свою верность, готовые в то же время переметнуться к России. Если только усмотрят в том свою выгоду.

– Вот тут я с вами полностью согласен! – развел руками Степанов.

Три последующих дня Степанов провел в ожидании аудиенции у принца. Содержали очень хорошо. Приставленная прислуга поминутно спрашивала, не желает ли он музыкантов или танцовщиц, исполняющих танец живота?

Наконец Степанова привели к Аббасу-Мирзе.

Русского посланца Аббас-Мирза встретил во всем своем великолепии. Наряд принца слепил обилием алмазных пуговиц, а на шапке сверкал лев с мечом, также сплошь бриллиантовый. На поясе играл самоцветами меч в золотых ножнах.

Степанов глянул на меч принца и невольно вспомнил ходивший о нем анекдот. Якобы однажды, заехав по пути в армянский монастырь Эчмиадзин, Аббас-Мирза неожиданно попросил католика освятить его меч на христианском алтаре. Армянский священник не растерялся и, положив меч на алтарь, произнес молитву, завершив ее словами на древнеармянском: «Да не коснется лезвие этого меча никого из христиан!» В итоге Аббас-Мирза остался доволен, приказав никому никаких неудобств монастырю более не чинить...

С русским офицером Аббас-Мирза был улыбочив и предупредителен.

– Граф Иван Васильевич Гудович, – сказал Степанов, представ перед наследником шахского престола, – посылая меня в здешний край, приказал явиться к вам, отдать поклон и пожелать здоровья.

– Хош-келды! (милости просим!) – важно отвечал Аббас-Мирза.

Степанов поклонился.

– В добром ли вы здравии? – спросил наследник.

– Слава Богу.

– Здоров ли граф?

– Здоров.

– Имеете ли известия о здоровье императора Александра?

– При отъезде моем из Грузии слышал, что, к счастью нашему, государь император здоров.

– О! Ваш Искандер – великий император! – пробормотал Аббас-Мирза. – Лучше его во всем свете нет и не будет!

На этом аудиенция и закончилась.

– Когда же я смогу ехать в Тегеран? – спросил Степанов Безюрка, когда они покинули принца.

Тот с укором посмотрел на русского офицера:

– Главнейшею причиною вашей задержки в Тавризе является ожидание подарков как наследником, так и мной – его визирем. Подарки с вашей стороны просто необходимы!

– Так бы сразу и сказали! – в сердцах чуть не выругался Степанов.

В тот же день Аббас-Мирза получил от Гудовича соболиный мех на 800 рублей и дамские часы с бриллиантами, а Мирзе-Безюрку был вручен перстень с бриллиантами.

После этого Аббас-Мирза пригласил к себе Степанова еще раз, стремясь выведать, для чего именно тот едет к отцу в Тегеран. На это адъютант наместника ответил, что везет предложения о мире, но о нюансах ему говорить запрещено.

20 января 1807 года Степанов выехал из Тавриза в Тегеран, в сопровождении большого конвоя, данного ему Аббасом-Мирзою. А следом за ним уже скакал из Тифлиса поручик Меликов с предписанием внушить визирю Мирзе-Шефи, чтобы тот принял меры к скорейшему прекращению военных действий и к восстановлению дружественных отношений между нашими державами. Принес он и новость о том, что Бонапарт разбит нашей армией.

– Сам же лежит при смерти в прусском владении, может, уже и умер, а ежели и останется жив, то все равно пагуба его неизбежна и Россия сокрушит его гордость!

– А какие новости о турках?

– У турок наши уже взяли их все крепости по Дунай, а также завладели всей Молдавией и Валахией. Англичане пришли с большим военным флотом к самому Константинополю и будут стрелять по сераю. Наместник же тоже собирается в поход против турок выступить, только ждет весны.

Услышав это, шах горестно вознес к небу руки:

– На все воля Аллаха!

Однако персы все затягивали и затягивали подписание перемирия в надежде, что с началом нашей войны с турками для них все сразу же изменится в лучшую сторону.

* * *

Вскоре после объявления войны с турками в Персию поспешил находившийся в Константинополе французский эмиссар Жоберт. Известие об этой поездке вызвало беспокойство в здании Министерства иностранных дел на Мойке. Министр Будберг, искренне ненавидящий Наполеона и все, что с ним было связано, усмотрел в этой поездке начало многоходовой партии. Императору Александру он заявил прямо:

– Ваше величество! У меня нет никаких сомнений, что при посредстве Турции начинается сближение между Францией и Персией.

– А что это даст Персии? – поднял на него свой лорнет Александр.

– Франция употребит все усилия, чтобы склонить Тегеран отказаться от мира с нами.

– Что ж, придется, несмотря на перемирие, держать на границе с персами серьезный военный отряд! – только и вздохнул император.

В тот же день в Тифлис было отправлено соответствующее письмо.

В конце 1806 года, выполняя указания Петербурга, Гудович свел все войска Кавказской линии и в Закавказье в две дивизии: в 19-ю на линии и в 20-ю в Закавказье.

В состав последней вошли полки: Нарвский драгунский, Херсонский и Кавказский гренадерские, Кабардинский, Троицкий, Тифлисский и Саратовский мушкетерские, а также 9-й, 15-й и 17-й егерские. Начальником дивизии он назначил своего бывшего сослуживца генерал-лейтенанта Ивана Розена. Фактически под начало Розена были собраны все имевшиеся на тот момент в Закавказье военные силы. На бумаге 20-я дивизия выглядела грозно, как-никак 10 полков. На самом же деле, этого едва хватало, чтобы прикрыть внешние границы и обеспечить мир внутри огромного беспокойного края.

Еще большей проблемой было то, что в случае необходимости быстро усилить военные силы в Закавказье никакой возможности не было.

Черкесы на Кавказской линии внимательно следили за всеми перемещениями российских войск, и малейшее ослабление их присутствия немедленно использовали в свою пользу. А это значило, что сражаться с турками и сдерживать персов предстояло только 20-й дивизии и местным милицейским формированиям, боевая ценность которых была весьма невысока.

Вечером во дворце наместника собрались трое: сам хозяин и его доверенные генералы – Булгаков с Розеном. Обсуждали положение на Кавказе, гадали о европейских делах, прикидывали, как сражаться сразу на три фронта: против персов (если те снова нападут), против турок и против мятежных горцев.

– Как вы знаете, господа, на своем долгом военном поприще я бывал во многих переделках, – говорил гостям Гудович, – но одной дивизией против двух царств еще никогда не воевал!

– На все воля Божья, – перекрестился Булгаков. – Сподобит Господь, и десять царств одолеем, а не сподобит...

– На Бога надейся, а сам не плошай! – хмыкнул доселе помалкивавший Розен. – Дело очевидное – будем крутиться на собственном пупе во все стороны!

– Ничего, как-нибудь сдюжим! – старик Булгаков снова осенил себя крестным знаменем. – Не впервой!

– Дело не в том, сдюжим мы или нет, а в том, сколько солдатской крови прольем! – начал заводиться известный любовью к спорам Розен.

– Иван Карлович, Сергей Алексеевич, давайте лучше пить чай с медом! – вздохнул Гудович. – Мне наемни с Кубани прислали. Очень уж душистый.

Глава девятая

Турки начали боевые действия на Кавказе внезапно для нас. В ночь на 8 февраля 1807 года турки, пройдя семнадцать верст от Поты, где у них был сильный гарнизон, атаковали наше приморское укрепление в устье реки Хопи – Редут-Кале, предназначенное для защиты Мингрелии. Редут защищали три роты Белевского мушкетерского полка под начальством майора Лыкошина. Из-за тесноты редута большая часть гарнизона обычно размещалась в двух построенных вне укрепления казармах. Так было и в ту роковую ночь. Благодаря густым приморским лесам туркам удалось подойти к нашему редуту незамеченными. Уже на подходе они вырезали казачий пикет, после чего разделились. Одна часть неприятельского отряда атаковала сам редут, другие же бросились к казармам. Окружив их, турки открыли огонь через окна и двери. Несмотря на полную неразбериху первых минут, наши солдаты все же отбили нападение, а затем, покинув казармы, бросились на защиту атакованного редута.

Комендант редута Лыкошин уже в начале дела был ранен в голову двумя сабельными ударами. После этого оборону возглавил капитан Денисьев. О том, до какой степени доходило ожесточение сражавшихся, можно судить по тому, что три турецких знамени несколько раз переходили из рук в руки, пока окончательно не были отбиты нашими солдатами. Одно из этих знамен захватил штабс-капитан Трофимов, а два других – фельдфебели Мирный и Ивановский, причем все трое при этом были ранены.

К семи часам утра неприятель был всюду опрокинут и, преследуемый нашими солдатами, кинулся вон из укрепления. Впрочем, укрывшись в лесу, турки быстро пришли в себя и еще дважды в течение дня бросались на редут, пока наконец, будучи окончательно разбиты, начали отступление к Поты. Тогда уже и ободрившийся гарнизон Редут-Кале перешел в наступление и преследовал бегущих, пока наши офицеры не увидели подходившие из Поты свежие силы. Только после этого русские мушкетеры остановились. Победа осталась за нами. Но потери были большими. Кроме майора Лыкошина еще два офицера были ранены и один убит. Общие же потери составили более полутора сотен человек. Помимо этого, турки успели сжечь цейхгауз и казармы. Но самое главное, они безжалостно вырезали всех больных в лазарете, а единственного доктора увели с собой.

* * *

При первом же известии о нападении на Редут-Кале граф Гудович немедленно отправил в помощь оборонявшему Мингрению и Абхазию генерал-майору Рыкгофу батальон егерей. Это все, что он мог дать... Все его попытки привлечь местных ханов к участию в войне с турками заканчивались ничем. Даже дотоле казавшийся лояльным России абхазский властитель Келешбек уклонился от участия в войне, сославшись на... изменническую суть своих подданных.

– Обходись тем, что есть, больше ничем помочь не смогу! – честно сказал Рыкгофу наместник. – Но Абхазию в узде удержи!

А время не ждало. Надо было действовать быстро и безошибочно, так как любая ошибка в дебюте предстоявшей шахматной партии могла стоить очень дорого. Впрочем, Гудович был слишком опытен, чтобы допустить какую-то глупую ошибку. Расстановкой сил он занимался лично, вникая во все детали. На левом фланге, для защиты Карабаха, Ширвани, Шеки и Елизаветполя от возможного нападения персов, Гудович сформирован отряд, под начальством генерал-майора Небольсина, из 12 пехотных рот, казачьего полка, при шести пушках. Сам отряд расположился в Карабахе на речке Тертере. Помимо этого, еще несколько рот было размещено в Шуше и Елизаветполе. Там же находился и резерв отряда – Тифлисский мушкетерский полк, готовый в любую минуту двинуться туда, где будет труднее всего. При приближении к Араксу

персидской армии Небольсину велено было немедленно же идти им навстречу, чтобы не допустить переправы на нашу сторону. Ханам Карабахскому, Ширванскому и Шекинскому Гудович разослал письма с требованием предоставить Небольсину их конницу. Но на то, что ханы сей приказ исполняют, надежды было мало.

Для действия против турок в Карском пашалыке Гудович создал отряд, расположенный в Памбакской и Шурагельской провинциях, под начальством генерал-майора Несветаева. В отряд вошли: Саратовский мушкетерский полк, батальоны Кавказского гренадерского, Троицкого мушкетерского и егерского полков, а также два полка казаков.

На правом фланге, в Имеретии и Мингрелии, находился третий отряд – генерал-майор Рыкгоф со своим Белевским мушкетерским полком и батальоном егерей.

Резервом для всех трех отрядов служили собранные под личным начальством Гудовича в окрестностях Тифлиса неполные Херсонский гренадерский и Кавказский гренадерский полки, а также четыре егерских батальона, дивизион нарвских драгун, два казачьих полка и конвой Главной квартиры.

– Против персов, ежели дерзнут нарушить перемирие, будем действовать оборонительно, а против турок – наступательно! – лаконично объявил Гудович свою стратегию. – Ежели что, двинемся вперед одновременно во всех трех пунктах. Правым флангом – на Потю, центром – на Ахалцих, а левым флангом – на Карс, где скорее всего я и надеюсь иметь успех в своих действиях.

Дело в том, что карский властитель Мамед-паши, совсем недавно искавший покровительства России, казался Гудовичу самым надежным из закавказских ханов. Он даже прислал своего сына в аманаты.

– Сейчас зима, а потому дороги на Ахалцих из-за снега в горах нет, поэтому, может, стоит попробовать прежде всего занять Карс, тем более что Мамед-паша, по вашим словам, нам предан, – советовал наместнику старик Булгаков.

Гудович чесал свою лысую голову:

– Петербург требует от меня наступательных действий, посему движение на Карс действительно будет лучшим исполнением его желаний!

* * *

Вскоре находившийся в Памбаках генерал-майор Несветаев получил приказание помочь карскому паше в его действиях против сераскира и, если представится возможность, занять Карский пашалык. Подготовку же экспедиции на Карс производить тайно, чтобы не насторожить турок. Так как силы отряда Несветаева были незначительны, весь план строился на верности нам Мамед-паши и стремительности движения войск.

Но не все обстояло так просто. Дело в том, что назначенный командующим турецкими войсками на Кавказе сераскир Юсуф-паша уже имел донос о ненадежности Мамеда-паши.

Посланный им в Карс личный палач доходчиво объяснил хозяину Карса, что его ждет в случае измены. Для пущей убедительности палач оставил на память паше черный шнурок, которым, по старой турецкой традиции, султаны исстари душили провинившихся вельмож. В свою очередь, чтобы подкрепить верность владельца Карса, Гудович переслал ему роскошный бриллиантовый челенг и письмо, в котором обещал, что в случае преданности Мамеда России тот будет властителем независимого от Турции Карского пашалыка.

Положив перед собой шнурок и челенг, Мамед-паша призадумался – кому служить? Бриллиантовое перо, спору нет, выглядело заманчиво, но черный шнурок вызывал совсем иные мысли. В конце концов, властитель Карса решил, что жизнь без челенга все же лучше, чем трюп с челенгом, и решил остаться верным султану.

В своем последнем письме Гудовичу Мамед сообщил, что война уже объявлена и Юсуф-паша приказал ему поступать с русскими как с врагами, что Карс укрепляется и в окрестностях вскоре будет расположено большое войско. В конце письма паша снова писал при этом, что остается в прежнем желании быть под Россией, но обстоятельства сложились не так, как ему хотелось...

– Ну, что поделатъ с этими канальями! – выругался Гудович, с письмом ознакомившись. – Этот Мамед клянется в любви, в то же время предупреждая, что резать нас будет без всяких сантиментов! О, этот неподражаемый Кавказ!

Посоветовавшись с Булгаковым и Розеном, Гудович все же решил идти на Карс.

В половине февраля Несветаев доложил, что готов к выступлению. Для преодоления снежных заносов он заготовил легкие дровни для перевозки артиллерии и патронных ящиков, а чтобы не изнурять людей, предполагал оставить на месте все тяжести, так как до границ Турции будет двигаться через места населенные, а с приходом к Карсу всем обеспечит Мамед-паша.

Несветаев некоторое время ожидал уведомления Мамеда о русской помощи и готовности обеспечить наши войска всем необходимым. Но Мамед-паша уже полностью переметнулся на сторону султана.

Отправив на усиление Несветаева батальон 15-го егерского полка, Гудович поручил, по приходе в Карский пашалык, все же попытаться переманить Мамед-пашу на нашу сторону.

16 марта отряд Несветаева перешел границу Восточной Анатолии, имея две с половиной тысячи человек и десять пушек. Было холодно, ветрено и скользко. Весна в здешних местах всегда поздняя. Заморозки сохраняются вплоть до конца мая.

Подойдя к селению Баш-Шурагель, где находился младший брат Мамеда-паши Кара-бек с тысячьо воинов, не желая проливать кровь, Несветаев предложил ему покориться. Посланный им парламентар объявил:

– Русские пришли для защиты карского владения, а не для разорения его.

Однако Кара-бек ответил выстрелами, и тогда Несветаев в течение какого-то получаса взял селение штурмом, перебив три сотни неприятельских воинов, а еще четыре сотни взяв в плен. Бросив все свои знамена, Кара-бек бежал. Немедленно к Несветаеву явились старшины окрестных селений с просьбою «принять их под покровительство России и избавить от варвара Кара-бека».

А затем пришло и письмо от вероломного Мамеда-паши. Он писал:

«Извещаю ваше превосходительство, что приязненное письмо ваше, изъявляющее печаль, я получил, и все прописанное уразумел и за благой совет благодарю, но я состоял в говоренном мною в точности. Слава Богу, что сперва вы стреляли по мне – я уже не под виною; вижу вас ныне двуязычным: с одной стороны, доброжелательство, а с другой – неприятельство. Я к вам присылал священника и монаха просить вас, чтобы, по приязни и доброжелательству ко мне, сперва пошли на Ахалцих, но вы отвергли мою просьбу, такова ваша дружба. Вы говорили, что вы лжи не произнесете, а я отнюдь правды не видел Бог милостив, неужто вы стращаете меня как ребенка или мальчика? Будьте готовы, я уже иду с вами сражаться если Бог даст благой успех, то я знаю, что сей поступок ваш отнюдь неизвестен всемилостивейшему Государю. Бог милостив, такова ваша дружба, я владение свое оставил с голоду, вам сделал добро, но на место добра злом отвечали. Я же поспешаю идти, уповая на Бога, увидимся друг с другом. Впрочем, остаюсь готовый к войне с вами».

– Ну, не скотина ли? – только и произнес Несветаев, прочитав письмо недавнего союзника.

Намереваясь двинуться прямо к Карсу, Несветаев просил Гудовича подкрепить его еще хотя бы одним батальоном пехоты и казаками.

Дело в том, что несколько рот ему надо было обязательно оставить у селения Кизыл-Чахчах, где сходились дороги из Карса и со стороны Эривани. Это селение Несветаев намеревался сделать тыловой базой. На подходе к Карсу выделялась красотой мечеть Кюмбет-Джами, бывшая в прошлые века православным храмом.

Между тем Мамед-паша продолжал хитрить. Так, навстречу Несветаеву он выслал армянского священника, который от имени Мамеда-паши сообщил, что с приближением русских гарнизон Карса будет стрелять только холостыми и что паша с легкостью сдаст крепость русским. Разумеется, верить таким обещаниям было нельзя. Подойдя к окрестностям города, Несветаев заметил турок, укрепившихся на высокой горе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.